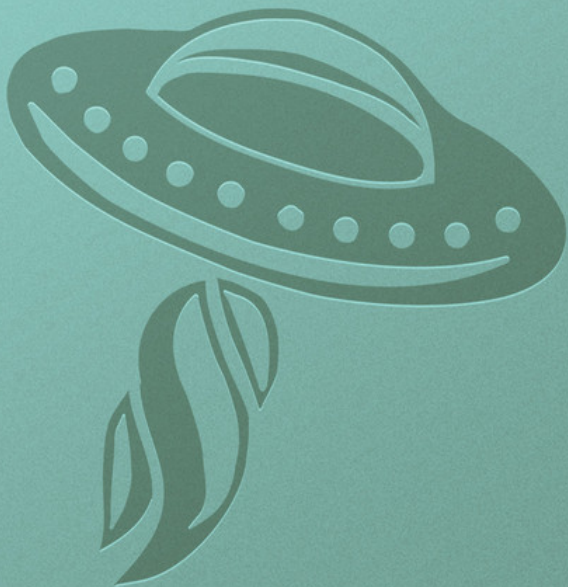


Владимир Булат

Лишь бы не было войны



Владимир Булат

Лишь бы не было войны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=151032

Аннотация

На дворе – 1996 год. Пятьдесят пять лет назад завершилась победой Германии вторая мировая война, мир разделен между четырьмя империями: США, Германией, СССР и Ниппонией. В западном полушарии наконец-то восторжествовала доктрина Монро – Америка принадлежит американцам. В Германии правят уже четвертый фюрер немецкого народа – тот самый Курт Вальдхайм, который в нашем мире в 1971–1981 гг. был генеральным секретарем ООН. Советский Союз возглавляет человек, погибший грудным младенцем в первый день своей жизни, совпавшим с первым днем Великой Отечественной войны. Он остался жив подобно двадцати миллионам своих соотечественников. Наконец, Ниппония сочетает в себе самурайский дух с экономическим чудом на огромных просторах от Явы до Сахалина.

И вот в этот мир попадает из нашего времени обыкновенный молодой человек...

Содержание

АВТОРСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К РОМАНУ	5
СЛОВАРЬ ГЕРМАНИЗМОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ	9
ПРОЛОГ	11
АВЕНТЮРА ПЕРВАЯ,	37
АВЕНТЮРА ВТОРАЯ,	45
АВЕНТЮРА ТРЕТЬЯ,	79
АВЕНТЮРА ЧЕТВЕРТАЯ,	94
АВЕНТЮРА ПЯТАЯ,	106
АВЕНТЮРА ШЕСТАЯ,	116
АВЕНТЮРА СЕДЬМАЯ,	133
АВЕНТЮРА ВОСЬМАЯ,	145
АВЕНТЮРА ДЕВЯТАЯ,	155
АВЕНТЮРА ДЕСЯТАЯ,	162
АВЕНТЮРА ОДИННАДЦАТАЯ,	179
АВЕНТЮРА ДВЕНАДЦАТАЯ,	188
АВЕНТЮРА ТРИНАДЦАТАЯ,	195
АВЕНТЮРА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,	202
АВЕНТЮРА ПЯТНАДЦАТАЯ,	213
АВЕНТЮРА ШЕСТНАДЦАТАЯ,	218
АВЕНТЮРА СЕМНАДЦАТАЯ,	228
АВЕНТЮРА ВОСЕМНАДЦАТАЯ,	240
АВЕНТЮРА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ,	247

АВЕНТЮРА ДВАДЦАТАЯ,	258
АВЕНТЮРА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ,	267
АВЕНТЮРА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ,	272
АВЕНТЮРА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ,	280
КОММЕНТАРИИ ОДНОГО ИЗ ПРОТОТИПОВ ГЕРОЕВ РОМАНА НА САМ РОМАН СЕБЕ ЛЮБИМОМУ ПО ПОВОДУ НАПИСАНИЯ ЭТИХ СТИХОВ	282 286

Владимир Булат

Лишь бы не было войны

АВТОРСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К РОМАНУ

Название настоящего произведения проделало сложную эволюцию. Первоначально оно было «Медный век» – по аналогии с «золотым» и «серебряным» веками русской истории и культуры. Но потом было выбрано более «говорящее» – «Лишь бы не было войны». Подзаголовок «Правдивая история о том, как молодой человек в один прекрасный день вошел в кабину обыкновенного петербургского лифта, и о том, что произошло далее» навеян средневековьем, чье дыхание присутствует на каждой странице романа.

Замысел романа зрел у меня на протяжении последних четырех лет, хотя культурные и политические акценты менялись с течением времени. Лишь в феврале 1996 года я приступил к написанию данного варианта. Поиск всевозможных материалов значительно затруднял работу, однако к декабрю того же года я явно перешагнул экватор, а к августу 1997 года роман был окончен.

Тема романа – альтернативный мир, в котором история

делает иной зигзаг, нежели в известном нам ее варианте. Несмотря на легкую «кощунственность» первоначальной установки (мир и дружба с Германией), она не столь уж нова в современной фантастике. Наиболее интересным произведением на эту тему является роман красноярского фантаста Андрея Лазарчука «Иное небо», в котором история еще более «кощунственна»: СССР делится подобно послевоенной Германии между Германией (европейская часть) и демократической Сибирью, а в Европе на немецких штыках возникает германизированный вариант «Общеввропейского Дома». Если десять лет назад сама постановка вопроса об альтернативном варианте истории второй мировой войны была нелепа, то в последние пять лет дожившие освободители Варшавы и Берлина лицезрели дальнюю перспективу этих побед для главной страны-победительницы. Это разочарование итогами «потсдамского» пятидесятилетия повлияло и на автора настоящего романа, хотя этим идейная подкладка произведения далеко не исчерпывается.

Главный герой неким сказочным образом (в кабине лифта) проникает в параллельный мир, где живет он сам, его родные и знакомые, но который ответвился от известного ему варианта истории в то самое злополучное утро 22 июня 1941 года, когда немецкие самолеты полетели бомбить не Киев, а Каир. Мировая история «развернулась» на 180 градусов. Итак, 1996 год: пятьдесят пять лет назад завершилась победой Германии вторая мировая война, мир разде-

лен между четырьмя империями: США, Германией, СССР и Ниппонией. В западном полушарии наконец-то восторжествовала доктрина Монро – Америка принадлежит американцам. В Германии правят уже четвертый фюрер немецкого народа – тот самый Курт Вальдхайм, который в нашем мире в 1971–1981 гг. был генеральным секретарем ООН. Советский Союз возглавляет человек, погибший грудным младенцем в первый день своей жизни, совпавшим с первым днем Великой Отечественной войны. Он остался жив подобно двадцати миллионам своих соотечественников. Наконец, Ниппония сочетает в себе самурайский дух с экономическим чудом на огромных просторах от Явы до Сахалина.

Образ главного героя ни в коем случае не является автобиографическим; мне уже давно хотелось создать обобщенный образ «старого русского» – молодого человека с высшим образованием, антикапиталиста, не обремененного крупными денежными суммами и вниманием женщин, для которого «патриотизм» – от слова «репатриация». Фабула двойничества достаточно традиционна в русской литературе.

Роман является однозначно антивоенным и неопровержимо доказывающим бесперспективность и бессмысленность русско-германских войн. «Это что же? одна моя половина пойдет воевать против другой?!» – говорит один из героев романа – внук Штольца и Обломова.

Завершающая сцена наиболее трудна для изображения – в ней итог долгого путешествия Вальдемара в свое прошлое

и будущее.

СЛОВАРЬ ГЕРМАНИЗМОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ

АВТОВАГЕН – автомобиль.

БАНХОФ – вокзал.

ВАЛЕНА – альтернатива.

ГЕШТАЛЬТГИМНАСТИКА – аэробика.

ЗОНТАГ – уикэнд.

КЮНСТЛЕР – артист-нееврей.

ЛЕРЕР – наставник.

МАХТ – «крутой» (сленг).

РАУХЕР – компьютер.

РЕЙХСБАННЕР – старонемецкий кайзеровский флаг.

УНТЕРШРИФТ – автограф.

ФАРБЕН – производство.

ФАУСТАРБАЙТЕР – человек физического труда.

ФЕРЕЙНЫ – каникулы.

ФОЛЬКСВОНУНГ – народная квартира (45 кв. м полезной площади).

ФОЛЬКСГЕЙСТ – народный дух.

ФЮРЕРСВЕТЕР – солнечный день в апреле-мае.

ФЮРНАМЕ – имидж.

ХАНДЛУНГ – супермаркет.

ЦВИШЕНФАЛ – инцидент.

ШЕЛЬМА – мошенник.

ШЛУБ – финал, конец фильма.

ШТРУДЕЛЬ – рулет.

ШТУРНАРБАЙТЕР – человек умственного труда.

ЮДЕНБЛОК – еврейский квартал.

ПРОЛОГ

20 февраля 1996 года, в разгар самых жестоких морозов, я, только что сдав последний государственный экзамен в университете, зашел к своему давнему другу и однокласснику Алеше с целью наладить недавно подаренный мне на день рождения миниатюрный телевизор. Возвращаясь от него и неся довольно легкий телевизор в кожаной сумке, я спустился на лифте с шестого этажа и вышел на Московский проспект недалеко от метро «Московская». Морозец был, что называется, знатный, и я заторопился к троллейбусной остановке. Несколько удивило меня по дороге отсутствие рекламы на тех местах, где она висела еще три часа назад, но поскольку я – антикапиталист и феодальный социалист, подсознательно это нисколько не показалось мне неестественным. Но велико же было мое удивление, когда у самого входа на площадь я увидел раскачивающуюся на тросах над проезжей частью выложенную фонариками надпись:

ПАРТИЯ – ЧЕСТЬ И СОВЕСТЬ НАШЕЙ ЭПОХИ!

Я остановился. На предвыборный плакат это не походило, да и до президентских выборов оставалось еще четыре месяца. Нет, надпись напоминала те добротные пудовые лозунги, какие и сейчас можно отыскать на задворках Санкт-Петербурга. Впрочем, вид целого выводка коммерческих ларь-

ков и многочисленных торговок цветами меня успокоил. Быстро темнело, и в ближайшем ко мне киоске «Союзпечать» вместо продававшихся тут же три часа назад кассет и сигарет продавались газеты. Я подошел, заглянул. «Правда», «Советская Россия», «Родные просторы», «Ленинградская правда», «Труд», «Комсомольская правда»... Такие газеты как «Санкт-Петербургские ведомости», «Невское время», «СПИД-инфо» напрочь отсутствовали. Среди журналов – «Огонек», «Юный натуралист», «Крокодил» и большой хорошо иллюстрированный журнал «Германия» с готической надписью «50-й съезд Национал-социалистической немецкой рабочей партии в Нюрнберге». Я остолбенел и стал озирааться. Вокруг ходили туда-сюда люди в куртках, шубах, меховых шапках. Один в пыжиковой шапке, с виду рабочий, купил в киоске газету «Правда», уплатив за нее 5 копеек!

У меня еще с советских времен сохранилось девятнадцать копеек по одной монете, которые мы в вузе использовали в карточных играх в качестве ставок. Я достал их из поясной сумки и купил на всю эту сумму три газеты: «Правду», «Советскую Россию» и «Комсомольскую правду».

Нет, я не попал в прошлое, как мне показалось в первый момент. Шапка первой же газеты была датирована 20 февраля 1996 года, вторником. Передовица «Правды» сообщала о внеочередном пленуме Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза. Доклад о международной обстановке делал Генеральный Секретарь ЦК КПСС

Алексей Иванович Архипов. Перечислялся состав Политбюро: Бояров, Виноградов, Калашников, Кравчук, Молчанов, Шеварднадзе. Пленум наметил новые подходы к урегулированию положения в Бенгалии и Ассаме и принял решение о деятельной поддержке братских коммунистических партий этих стран. А в Киеве на пленуме ЦК КПУ украинские коммунисты избрали Первым секретарем Олега Васильевича Кошевого. Ниже были помещены фотография и биография избранника: родился в 1926 году, с 1942 – на комсомольской работе, с 1950 – первый секретарь Краснодонского райкома комсомола, с 1953 – первый секретарь Сталинского обкома комсомола, с 1956 – на партийной работе, депутат Верховного Совета Украинской ССР, депутат Верховного Совета СССР 8, 9, 10 и 11 созывов, министр угольной промышленности Украинской ССР с 1980 года и член Политбюро ЦК КПУ с 1984. Далее шли довольно тривиальные статьи об успехах промышленности и перспективах сельского хозяйства, о новых изобретениях и освоении космоса, о всесоюзном социалистическом соревновании в преддверии XXX съезда КПСС, должного собраться в мае.

Международная полоса открывалась сообщением о братской помощи Советского Союза Народной Республике Иран в строительстве второго энергоблока АЭС в Бушире. Статья о выборах в Верховный Народный Совет Белуджистана. Министр иностранных дел Империи Ниппон Ямада нанес визит в столицу Германского Рейха – Берлин. Министра

принял рейхсканцлер и фюрер немецкого народа Курт Вальдхайм. Ангольские правительственные войска продолжали тяжелые бои с формированиями проамериканской группировки УНИТА на востоке страны. Президент США Билл Клинтон включился в президентскую предвыборную гонку. На ферме в Австралии появилась двухголовая телка. Старейшей женщине в мире – французской киноактрисе – исполнился 121 год.

Я выбросил газеты в урну и сел на скамью рядом.

Из всего следовало, что я – в каком-то параллельном мире, где существуют СССР и Германский Рейх. Существуют ли в нем я?

Ленинград вокруг меня вроде бы ничем не отличался от того, какой я знал ранее, каким он был до перестройки. Сновали троллейбусы, ходили люди, молодая мама везла на санках румяного малыша в серо-зеленой шапке из искусственного меха. Мимо меня прошли три девушки школьного возраста. Невзирая на лютый мороз, они ели мороженное.

Я побрёл по Московскому проспекту в сторону Пулково. Как я и ожидал, на площади Победы не было памятников защитникам Ленинграда. Вместо них возвышалась комическая ракета, а над домами окрестных улиц плыл памятник Юрию Гагарину. Площадь именовалась «Площадь 12 апреля». Тут я заметил, что дома в перспективе Московского проспекта – не современные железобетонные коробки, а те же «сталинки», что и у «Московской». Они, пяти-шести-

этажные, шли ровным строем, а когда я заглянул в ближайшую арку одного из таких домов, в глубине микрорайона толпились выводки обшарпанных пятиэтажек, сильно смахивающих на известные «хрущевки».

На одном из домов была выбита дата его постройки «1946». Уже совсем стемнело, мороз крепчал, и я побрел назад. Я зашел в книжный магазин, сияющий световой рекламой, и осмотрелся. На окне висела большая политическая карта СССР и окрестностей. Столица – Москва. Мой наметанный взгляд сразу же отметил незнакомые очертания республик и областей. Япония владела всем Сахалином и Курильскими островами. Северо-Восточный Китай именовался Маньчжурией. Монголия, Уйгурия, Белуджистан, Афганистан, Иран и Турция были народными республиками. На западе СССР граничил (с севера на юг) с Финляндией, Германией, Венгрией, Румынией. Граница соответствовала границе 1941 года.

Я повернулся к книжным полкам. Разумеется, отсутствовала американская бульварная литература. Первое, что бросилось в глаза, было широкоформатное подписное издание Аркадия Гайдара в десяти томах. Рядом – книги Шолохова, Эренбурга, Ахматовой. Дальше множество книг неизвестных мне авторов с немецкими и русскими фамилиями. Международный ежегодник за 1994 год. Сказки Андерсена. Переводной сборник немецкой фантастики «Руны». «Дальневосточные мемуары» Черняховского. Шагая вдоль прилавка,

я дошел до школьных учебников. Тут я попросил показать мне учебник истории СССР для десятого класса. Продавщица странно на меня посмотрела (я ведь был одет в китайский пуховик) и подала сине-красную книгу. Как я и ожидал, повествование начиналось с 1937 года, когда «были заложены основы социалистического строя». Неожиданно резко было написано о внутривластной борьбе, о вредительстве троцкистов, которое сорвало выполнение двух первых пятилетних планов, и повлекло перегибы в коллективизации и голод 33-го года. Троцкий был ликвидирован в 40-м году, и это стабилизировало ситуацию в стране. В сороковых годах шла борьба с космополитами. В области внешней политики выделялось добрососедство с Германией, «доказавшее принципиальную возможность мира и дружбы государств с различным общественным строем». В сорок втором году был выполнен третий пятилетний план, а народы Турции, Ирана и Афганистана избрали под руководством марксистской партией народно-демократический строй.

Я отложил книгу. Неясным для меня оставался лишь тот момент, в который произошел мой переход в этот мир. Когда я выходил от Алеши, я был еще в том мире, где Ельцин, Великая Отечественная война и наглая морда правозащитника Ковалева. А когда я оказался на улице, я уже был здесь. Стало быть, в иной мир меня доставил обыкновенный лифт в «сталинском» доме.

«Если я, – рассуждал я далее, – прибыл сюда на лифте,

то и обратный путь я могу проделать таким же образом». Я уже спешил к знакомому дому, когда новая мысль остановила меня. Куда торопиться? Дома меня хватятся только послезавтра, потому что мама – в санатории в Старой Руссе, а наш телефон как на грех сломан. Не разумнее ли повременить с возвращением, получше изучить окружающий мир, а главное – «технику перехода» в это пространство? Но твердой уверенности, что я войду в лифт и выйду на нужной мне станции, у меня уже не было. Способ проверки (а именно – положить в лифт какую-нибудь вещь и нажать, не входя внутрь, на кнопку шестого аleshиного этажа: если, поднявшись на шестой этаж, я не обнаружу этой вещи в лифте, значит, связь действует) мог быть применен только в современных лифтах, а это был старый решетчатый, с железной дверью, запускавшийся только при наличии внутри пассажира.

Выбирать, однако, не приходилось. Я вошёл в подозрительный лифт, закрыл за собой решетчатую дверь и отодвинул упругие деревянные створки. Ничего не произошло, я был все еще в мире, где 9 мая было обычным днем календаря. Тогда я осторожно нажал на кнопку шестого этажа. Лифт тронулся, а я стал прислушиваться к своим ощущениям. Снова никаких изменений. Едва лифт остановился, как загудела аleshина дверь, и вскоре он сам появился на лестничной площадке.

– О! Вальдемар, – воскликнул он. – А мне говорил, что поехал в библиотеку.

И верно, я сегодня собирался в библиотеку. Но как спросить его, виделись ли мы полчаса назад? Я решил спросить в лоб:

– Ты за кого собираешься голосовать?

– А что, скоро выборы? – переспросил он.

– Да, в июне... выборы президента...

– Какого президента?.. Ты что-то путаешь, Вальдемар...

– И верно... верно... – поспешно согласился я. Значит, я не смог вернуться обратно. Это меня и радовало, и печалило. Если Алеша узнал меня, значит, я есть в этом мире, а это, как нетрудно догадаться, многое меняло в моем положении.

– Если ты в столь иронической форме намекаешь на выборы президента США, то они будут не в июне, а в октябре, – продолжал он, явно задетый. – А если ты намекаешь на мою англomанию, то я думаю, это не такой уж криминал. В «Правде» вот пишут о недопустимости прогерманского уклона во внешней политике и неприемлемости для советской идеологии национал-социалистического тезиса о неравенстве рас... Что там у тебя? – сменил он тему, заметив мою ношу.

– Да вот... – купил сегодня, – я показал ему телевизор, налаженный им же час назад (к счастью, отечественного производства, по поводу чего Алеша всего час назад иронизировал).

– «Электроника», говоришь. Странно, никогда не встречал такой марки. Такие, правда, выпускали в Риге лет двадцать назад.

– Это новая модель.

– Так, я сейчас спешу. В восемь я должен быть на «Техноложке». Сколько такой?

Телевизор стоил миллион ельцинских рублей или двести долларов США.

– Сто тридцать пять рублей, – закончил я расчеты. – У тебя найдется двушка?

Мы уже спускались на лифте. Я с надеждой выглянул из темного подъезда, но нет: Россия там была советской. Алеша порылся в карманах и дал мне маленькую монетку в две копейки.

– Я к тебе, собственно, за этим и зашел. Я ключ потерял, и теперь надо домой дозваниваться, пока кто-то придет...

Алеша усмехнулся и предложил:

– Поехали со мной. У нас там встреча, девчонок позвали, и Серый будет.

– Рад был бы, но нет... Мне домой надо... И вот что еще... Мне стыдно признаться, но я забыл свой телефон. У меня такое иногда бывает.

– Да что с тобой сегодня? Совсем заучился! – и Алеша назвал телефон из восьми цифр (здесь, видимо, уже была общегосударственная телефонная сеть). Мы вошли в метро.

– Ну, пока, звони.

Алеша прошел через контроль, ловко показав карточку, а я направился к автомату и после двух долгих гудков услышал в трубке собственный голос:

– Алло!

А у меня и язык отнялся, С чего начать?

– Вальдемар Тарнавский, – я как мог, изменил свой голос, – вам звонят из университета. Мне поручено передать вам вашу работу.

На том конце провода почувствовалось замешательство:

– Какую работу? Как вы хотите?

– Где вы живете?

– Улица Героев Халхин-Гола, дом 3, квартира 14.

Такой улицы я не знал.

– А где это?

– Это Юго-Запад. Доезжаете на метро до станции «Кораблестроительный Институт», – объяснял он, – а там направо по проспекту Стачек метров двести.

Мне ничего не оставалось, как ответить:

– Хорошо, спасибо, я скоро буду, – и повесить трубку.

Над автоматом висела металлическая карта Ленинградского имени Ленина ордена Ленина метрополитена. Я долго, подобно дремучему провинциалу, изучал её. Ленинград не превышал по размерам знакомый мне город, но восемь линий метро переплелись такой невообразимой паутиной, что я далеко не сразу нашёл нужную. Она начиналась в Невском районе, на улице Дыбенко, пересекала Невско-Василеостровскую линию с переходом на Ломоносовскую, через две станции («Тегеранская» и «Проспект Славы») пересекала Московско-Петроградскую линию с переходом на «Мос-

ковскую», потом пересекала Кировско-Выборгскую линию с переходом на «Ленинский проспект» и шла вдоль Ленинского проспекта: станции «Кораблестроительный институт» и «Улица Андропова». Поскольку Великой Отечественной войны не было, должна отсутствовать вся связанная с нею топонимика.

Я прошел через метрополитенный контроль, хладнокровно предъявив контролерше свою студенческую карточку, чья стоимость равнялась стоимости «москвича». Тут мне вспомнился чешский анекдот о человеке, который всякий раз, входя в метро, предъявлял контролерше разные бумажки: от свидетельства о рождении до справки по болезни, а под конец помахал просто рукой. Через пять минут я уже мчался в переполненном вагоне метро. Приятно удивило меня отсутствие настырной рекламы. А люди вокруг все те же, что и обычно: веселые, грустные, задумчивые, многие читают.

Станция «Кораблестроительный институт» была украшена скудным орнаментом на морскую тему и не имела эскалатора. Разумеется, нигде не сидели попрошайки. Мороз на улице все крепчал, и мои глаза заслезились. Здания вокруг тоже смахивали на сталинскую архитектуру: массивные формы, фигурные балконы, арки, лепные карнизы, шпили. Все это строительство должно было занять много времени и средств, но если этим людям не пришлось восстанавливать 1400 городов и поселков, они могли позволить себе такую роскошь. А в просветах между этими дворцами проглядыва-

ли самые убогие «хрущобы» с мусорными баками во дворах. Мой двойник жил в доме похуже «сталинки», но получше «хрущевки» на тихой улице Героев Халхин-Гола, почти совпадающей в пространстве с улицей Лени Голикова. Впрочем, это не зависело от исторических случайностей.

Я поднялся на пятый этаж и позвонил в нужную дверь. Открыл мне сам Вальдемар. Его удивление длилось гораздо короче, чем я мог ожидать.

– Я сразу узнал тебя, – пояснил он. – Ты звонил мне по телефону. А четыре дня назад мне приснился дурацкий сон: прихожу я домой, а там я сижу. Откуда ты?

– Из другого мира.

– Понимаю, – он старался вести себя, как ни в чем не бывало: этакий дачник, принимающий марсианина. – Из какого?

– Судя по тому, что я уже успел узнать, наши миры разветвились в 1941 году.

– Проходи, – пригласил меня он. – Я сейчас один.

Мы вошли в просторную комнату, служившую ему спальней и кабинетом – если позволительно будет в конце XX века проводить такие градации. На столе стоял миниатюрный новенький телевизор, по которому шла какая-то юморина: несколько молодых людей в альпийский шапочках плясали и пели:

Дойчланд вокруг...

Айн, цвай, драй,
Фридрих Энгельс.
Айн, цвай, драй.
Доктор Геббельс.
Айн, цвай, драй,
Пчела Майя!
Айн, цвай, драй,
Ну и я!

Вальдемар заметил, как я впился взглядом в экран, но все же отключил его. Тогда я увидел над стулом крупную цветную фотографию. На ней Вальдемар обнимал ту самую девушку, которую и я любил (увы, безнадежно) в своем мире.

– Это...

– ...моя супруга. – ответил он со свойственной мне рисовкой.

Мы подошли к зеркалу. Действительно, мы были идентичны. Только мои волосы были короче, ведь я недавно постригся. Одновременно мы машинальным движением коснулись своих челюстей: и у него, и у меня не хватало одного зуба, удаленного шесть лет назад.

– У вас нашли способ путешествий в параллельные миры?

– Нет. Это произошло случайно. Я опускался на лифте, возвращаясь от нашего с тобой «общего друга», и... попал сюда.

– А как же ты меня нашел?

– Мне подсказал это Алеша, твой номер телефона.

Он думал. Потом еще раз внимательно рассмотрел меня, перевел взгляд на мой пуховик и кожаную сумку с телевизором. Я как мог подробно и кратко рассказал о нашем варианте истории.

– Это маловероятный вариант истории, – пожал плечами мой двойник. – А у нас все было иначе. С Германией мы никогда не воевали. Были, конечно, охлаждения отношений, особенно при Хрущёве, но война... Нет. А вот с Ниппони-ей, действительно, война была, в 52-м году, потом умер Сталин, и новые руководители заключили договор: Хрущев-дурак вторую половину Сахалина отдал. Ниппония же четыре года всевала с Америкой, и их война закончилась ядерными ударами: американцы уничтожили Хиросиму, а ниппонцы три дня спустя – Лос-Анджелес... А потом наступил так называемый «вооруженный мир». Германская победа привела к развалу колониальной системы, и теперь все четыре империи борются за влияние в тропических странах. За нас – Куба, Ангола, Эфиопия. Германские сателлиты – Палестина, Заир и Мадагаскар. Американцы хозяйничают в Западном полушарии, а Ниппон – в Юго-Восточной Азии, – он протянул мне большой географический атлас.

Я полистал. Действительно, в центре Европы простирался от Вогезов до Немана Священный Рейх Германской Нации. Италия владела почти половиной Средиземного моря. На месте Израиля было Арабское Государство Палестина со столицей в городе Аль-Кудс. Индия дробилась на множество

мелких государств.

– Странно, – произнес я наконец, – мы живем в разных мирах, однако, мы похожи до неотличимости, мы живем в одном и том же районе одного и того же города, у нас есть как минимум один «общий знакомый». Тебе это не кажется странным?

– Да, странно, – согласился он, пожав характерным для меня жестом плечами. – Из этого следует, что события последних пятидесяти пяти лет не повлияли или почти не повлияли на историю нашей семьи... Давай-ка сверим вехи.

Мы назвали с десятков наших знакомых и обнаружили, что процентов на семьдесят эти реестры совпадают. Потом мы взяли по машинописному листу, и каждый самостоятельно набросал наше генеалогическое древо. У него оно оказалось богаче.

– Это вполне естественно. В твоем варианте – двое погибших на войне. Младший брат деда, Аркадий, кстати, до сих пор жив. Ему уже семьдесят. Он работал в управлении Литовского МГБ. А это его потомки...

У меня оставался последний аргумент:

– Но ведь наши с тобой дедушка и бабушка познакомились только благодаря войне.

– Как именно?

Я рассказал.

– А в нашем варианте, – возразил он, – все было иначе. В 1947 году над американским штатом Монтана появилась

летающая тарелка. Тогда все четыре империи стали строить систему слежения за подобными объектами: все думали, что это тайное оружие соседей. И вот представь, по всему Советскому Союзу строится система наблюдательных станций. Это у Чингиза Айтматова в романе «И дольше века длится день» описывается. Один из таких объектов устраивается в Гуляй-Поле. А дед в это время как раз окончил авиационное училище...

– Он поступил туда, невзирая на дворянское происхождение? – удивился я.

– В сорок первом году все классовые ограничения были сняты. Таким образом, мы нейтрализовали эмиграцию и вернули в страну добрую половину инженеров, писателей и военных, бежавших от троцкистов в гражданскую войну. Так вот, его как раз и командировали в Гуляй-Поле как специалиста. А там он и познакомился с самой красивой девушкой городка – школьной учительницей.

– Все равно странно... После войны у нас на одного жениха приходилось по десять невест, но у вас... Ей тогда было двадцать два года. Почему она не вышла замуж до тех пор?

– У нее был жених, но он попал под трактор в сорок третьем году.

– А в моем варианте он в то же самое время воевал под Курском...

– Под Курском?! Вы что? от немцев до Курска бежали?!

– Хуже. Немцы дошли до Сталинграда.

– Однако! Ну и вояки у вас там!

– Это ваши же вояки. Только у вас, поскольку вы не воевали, их некомпетентность не вылезла наружу – отсиделись вы. А мы за это очень дорого заплатили.

– Ну, мы тоже полмиллиона положили на Амуре в пятьдесят втором. И все же личность Сталина, я считаю, положительна и необходима в советской истории. Он уберег нас (да и вас) от троцкистской нечисти и космополитических выродков. Видишь ли, в двадцатые годы была единственная валена: между Сталиным и Троцким...

– Валена? – переспросил я.

– Германоязычное слово. Означает выбор.

– У нас говорят: альтернатива. Англиязычное слово.

– Ах да! у вас же Америка самая главная страна. Удивительно, как могли эти забитые эмигранты так возвыситься? У вас какой-то нереальный вариант истории.

– В принципе я с тобой согласен. Но неужели все вы – наивные коммунисты?

– Коммунизм бывает разный. Мы ж не троцкисты. Россия – цель, коммунизм – средство. Да, мы уж и не столь наивны, как десять лет назад.

– По дороге сюда я видел коммерческие ларьки....

– Да, пять лет назад у нас разрешили мелкое предпринимательство. Разумеется, под партийным контролем.

– А ты в партии?

– Нет, но собираюсь вступить... О, уже восемь! Я побегу

в фотоателье, надо забрать фотографии. Если в мое отсутствие придет Виола, веди себя, как ни в чем не бывало. Скажи, что идешь за фотографиями, и поджидай меня у подъезда. Завтра у нас суббота? Да?

– И у нас тоже.

– В понедельник у меня последний экзамен сессии. Диалектический материализм! У вас, небось, такого не учат.

В коридоре он заглянул в мою кожаную сумку:

– Это оттуда?

– Да.

– Ладно, потом посмотрим. Пошел я.

И он исчез.

Я, оставшись один, обошел обе комнаты. Мебель и прочая обстановка были иных конструкций, однако телевизор, как и у меня, назывался «Радуга 716». Но меня больше заинтересовали книги, куда многочисленнее моих. Многие были мне незнакомы, другие соответствовали моим, многих из имеющихся у меня тоже не было. Десятитомник Сталина, сочинения Гракха, Бабефа в четырех томах. Международные ежегодники начиная с 1957 года, «Россия в 1913 году», Л.Н.Гумилев «Этногенез и биосфера Земли», «Иерусалимский процесс» в трех томах.

Последние я полистал. Оказывается, в августе 41-го года германская армия заняла Палестину, а год спустя в Иерусалиме открылся под председательством доктора Фрайслера процесс над сионистами. В числе подсудимых – Менахем

Усышкин, Давид Бен-Гурион, Мартии Бубер, Хаим Вейцман и другие. В материалах процесса – тексты Ветхого Завета, Талмуда и «Протоколов сионских мудрецов», свидетельские показания местных жителей-арабов и граждан различных европейских стран. Семьдесят главных обвиняемых были приговорены к публичной смертной казни, а Иерусалим отдан арабам и переименован в Аль-Кудс. Советский Союз признал основные положения Иерусалимского процесса в декабре 49-го года.

Художественная литература несколько беднее. Книги Набокова, Генриха Сенкевича и Экзюпери отсутствовали. Зато стоял шеститомник Аркадия Гайдара с фотографией престарелого писателя в первом томе (романы «Целинные годы» 1958 года, «Он сказал: Поехали!» 1962 года, «Сибирские истории» 1977 года). Помимо общеизвестной классики было еще несколько неизвестных мне фамилий: Соколов, Заварзин, Романовский...

Пока я пролистывал книги, в замке захрустел ключ, и я услышал свой голос:

– Да, это действительно так! Я и сам сначала не поверил! Когда видишь самого себя, это невероятно. Но если невероятное становится очевидным, его принимаешь как факт.

– Где он сейчас? – этот голос, без всякого сомнения, принадлежал моей возлюбленной Виоле. Вернее, ее двойнику из этого мира.

– Да здесь. Вальдемар!

Я вышел. Блондинка Виола была восхитительна в своей мягкой белой шубке из заячьего меха. А мой двойник помогал ей разуться, наклонившись к ее коленям, как не раз наклонялся я. При моём появлении Виола вскрикнула.

– Извините, – забормотал я, пытаюсь как бы оправдаться, – я сам не знаю, как это произошло... Это, конечно невероятно, но...

Через полчаса мы ужинали. На столе – копченая мойва, бутерброды, чай с клубничным вареньем.

– А где мама? – поинтересовался я.

– Она вышла замуж... за немецкого барона... полтора года назад, – отвечал мне мой двойник в перерывах между пережёвыванием пищи.

– И живет в Германии?

– Разумеется. Берлин. Геббельс-штрассе, 14.

– А я там, – кивнула Виола в мою сторону, – есть?

– Да, – только и смог ответить я.

Я чувствовал себя в самом что ни на есть дурацком положении и старался не смотреть на нее.

– Вот что я придумал, – сказал после некоторого молчания мой двойник. – Ты можешь через три дня съездить в Германию. Дело в том, что туда должен ехать я, у меня уж все готово: все документы, справки, виза и все такое, но мне не хотелось бы сейчас никуда ехать: я тут диплом пишу, и работы в училище много (я преподаю в Высшем Военном-Политическом Училище МГБ). Съездишь?

– Хорошо, – ничего другого мне и не оставалось сказать. –

Но ты введи меня в курс дела, чтобы я там глазами не хлопал.

– Ты немецкий знаешь?

– Более-менее.

– Ну, это не беда, полистаешь разговорник. Барон, Иоганн фон Кампенгаузен, милейший человек пятидесяти лет, полковник люфтваффе, истинный ариец, воевал в Африке, интересуется русской классической литературой, на досуге музицирует. Он вдовец, и у него пятилетняя дочь Кунигунда, в которую мама влюблена без памяти. Его младший брат Отто – профессор генетики и евгеники Кенигсбергского университета, немецкий вариант Жака Паганеля. У него двое детей: наш с тобой ровесник курсант танковой академии войск СС Харальд (мировой парень) и Ингрид – студентка-энтомолог (она же – активистка университетского комитета Союза немецких девушек, а также член молодежной секции Союза арийских писателей, ибо она поэт в стиле Ахматовой – мне, во всяком случае, так показалось). Ее опасайся больше всего: эта валькирия видит людей насквозь. Жена дяди Отто – тетя Свава, полунонорвежка, выглядит лет на пятнадцать младше своего возраста (я подозреваю, что муж делает на ней какие-то генетические опыты, потому что не может сорокалетняя женщина так юно выглядеть!) Все они, естественно, аристократы до мозга костей и ужинают за столом из шестидцати кувертов (так что, будучи на свадьбе, я чувствовал себя хамом). Прислуга у них вся из итальянок и болгарок, так

что можешь при случае завязать интрижку, – продолжал он, но осекся под пристальным взглядом Виолы. – Уже девять: пора «Время» смотреть.

Когда я чистил зубы в ванной, я услышал, как Виола спросила своего мужа:

– Ну и что потом?

– Побудет недельку в Рейхе, – довольно беспечно ответил тот, – вернется – дальше видно будет. Но в МГБ пока о нем заявлять не будем. Не забывай, что точно так же, как он здесь появился, он и исчезнуть может в любую минуту.

Это лишило меня последних крох оптимизма, которого и раньше у меня было немного.

– Если Алеша Данилчук тебя спросит о нашей с ним встрече сегодня, – сказал я ему, выйдя из ванной, – скажи...

– Понял, все понял, – закивал он.

Виола тем временем уже включила большой телевизор в зале и забралась в большое мягкое кресло. Я сел поодаль на диван.

– А как у вас с экологией? – неожиданно спросила она.

– Скверно, – констатировал я. – Но нет худа без добра: закрывшиеся заводы перестали загрязнять атмосферу.

Экран засветился на полуфразе диктора:

– ...дружественный визит президента Арабского Государства Палестина господина Ясира Арафата в Москву. У трапа самолета в Шереметьеве высокого гостя встречали министр иностранных дел СССР Владимир Михайлович Виноградов

и член Политбюро ЦК КПСС Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе. В приветственной речи, произнесенной высоким палестинским гостем в люфтхафене, Ясир Арафат пожелал мира и благоденствия великому советскому народу, построившему справедливый социализм.

– Кортёж автовагенов с палестинской делегацией в сопровождении эскорта мотоциклистов проследовал по улицам столицы и прибыл в Кремль, где господин Ясир Арафат был принят Генеральным Секретарем ЦК КПСС Алексеем Ивановичем Архиповым. В честь высокого гостя был дан обед.

– В центральных газетах страны опубликован Закон об изменениях и дополнениях к Закону об индивидуальной трудовой деятельности, принятый на очередной сессии Верховного Совета СССР в декабре 1995 года. Новый закон ужесточает санитарно-эпидемиологический контроль над частными закусочными и кафе.

– Советская делегация во главе с членом Политбюро ЦК КПСС Сергеем Афанасьевичем Молчановым отбыла в Турецкую Народную Республику для участия в празднествах, посвященных пятьдесят четвертой годовщине установления в Турции народно-демократического строя... Тогда, в начале сороковых годов, турецкий народ, руководимый народно-патриотическими силами с компартией во главе, не позволил правителям втянуть страну в бессмысленную бойню второй мировой войны в угоду британскому империализму. Верный заветам Великого Ата-Тюрка турецкий народ сохра-

нил мир и дружбу с советским и германским народами. В эту решающую минуту советский народ протянул руку братскому турецкому народу, и наша страна приняла меры по защите национальной независимости Турции. 21 февраля 1942 года едва только вышедшая из подполья Коммунистическая партия Турции возглавила народную революцию. Так на турецкой земле впервые возникло государство рабочих и крестьян. Из отсталой аграрной страны за прошедшие полвека Турция превратилась в первоклассную индустриально-аграрную державу Востока.

– Продолжается полет межпланетного советского космического корабля «Буран-4» к Марсу. Все системы корабля функционируют в заданном режиме. Самочувствие команды нормальное.

– В Германии после продолжительной болезни на восемьдесят пятом году жизни скончался Вальтер Шелленберг, в сороковых-пятидесятых годах возглавлявший германскую политическую разведку. Он будет захоронен на Вольфшанском мемориале «Вальгалла».

– У берегов Норвегии завершились масштабные учения германского военно-морского флота совместно с вооруженными силами Норвегии «Нордлихт-96».

– В Испании прошли очередные выборы в генеральные кортесы. Избиратели в подавляющем большинстве отдали голоса кандидатам правящей и единственной партии «Испанская фаланга», основанной генералиссимусом Франсис-

ко Франко в 1933 году.

– Американское правительство ужесточило блокаду Кубы. Седьмой флот США в полном составе крейсирует в непосредственной близости от территориальных вод революционной Кубы.

– Советское правительство гневно осуждает очередное поползновение американского экспансионизма. В заявлении советского МИДа подчеркивается, что «одностороннее толкование американскими средствами массовой информации событий, произошедших в территориальных водах Кубы в минувшее воскресенье, не способно ввести мировую общественность в заблуждение относительно истинных целей американской военщины, для которой революционная независимая Куба давно является бельмом на глазу, устранить которое она стремится любой ценой, даже не размениваясь на дипломатические приличия».

– Советским судам, осуществляющим рейсы в кубинские порты, предписано усилить обороноспособность за счет привлечения к эскортированию патрульных катеров и эсминцев Советского Океанического флота, крейсирующих в Атлантическом океане.

– В столице Тамилнада Мадрасе произошел военный переворот. Власть захватили военные во главе с министром обороны этого густонаселенного дравидского государства на юге Индостанского полуострова.

– Необычайно суровые морозы на севере Маньчжурии

привели к гибели нескольких десятков человек.

Таким вот образом я и оказался в этом фантомном мире, в котором самым первым фантомом был я сам. Хорошо еще, что я попал в эпоху благодушного посмеивания над антисоветчиной, а не во время охоты на антикоммунистических ведьм. Впрочем, я утрирую – этот мир не был точной копией СССР времен «застоя», да и в культурной ретроспективе этих людей отсутствовала Великая Отечественная война, которую далекая дальневосточная кампания 52–53 годов заменить не смогла. «Заграница» же здесь была совсем иной, и иностранные влияния носили преимущественно германофильский характер.

АВЕНТЮРА ПЕРВАЯ, в которой я осваиваюсь в новом мире, а мой двойник предстает перед товарищеским судом

На следующее утро (я переночевал в зале) Вальдемар сказал за завтраком:

– Я сейчас еду в университет, где должен предстать перед товарищеским судом (у нас, видишь, здесь свои заботы).

– А что случилось?

– Да... чепуха! Один мой знакомый, Миша Хавский, – он нарочно скривил рот и рассмеялся, – взял у меня почитать роскошный античный словарь на немецком языке. Вернул с опозданием на две недели и запачканный каким-то жиром. Я, естественно, высказал ему все, что думаю по этому поводу. Может быть, я и погорячился, и инцидент был бы исчерпан, но сестра этого самого Микаэля, которая также учится в нашем университете (стерва, каких свет не видывал, и скорее всего, тайная сионистка – в этом мы еще разберемся!), подняла такую вонь, что никакой дезодорант не помогал! – и дошла до комсомольской организации. Вызывает меня наш комсорг Руслан Омельченко...

– Комсорг? – удивился я. – А в нашем мире он поклонник

Николая Рериха!

– Да, да, одно другому не мешает. Он действительно увлекается Индией. Ну, вызывает – это громко сказано, просто начинает увещевать: дескать, я должен извиниться за недостойное советского человека проявление антисемитизма. Я категорически, – он подобно мне подчеркнул это слово характерным жестом, – отказываюсь. И в итоге сегодня собирается товарищеский суд на базе нашего факультета, где я – главное действующее лицо.

– И что тебе грозит?

– Да... ничего страшного. Поболтаем – разойдемся.

Фамилия Хавский мне ничего не говорила, но я догадался:

– Сколько в СССР евреев?

– Около восьми миллионов. Ассимиляция очень незначительна. В сорок девятом году ввели процентную норму: не более десяти процентов во всех учреждениях, учебных заведениях и органах власти. В последние годы жизни Сталина их выселили из всех крупных городов (это когда дело врачей было). Половина из них проживает в специальных юденблоках на западе страны.

– В нашем варианте истории, прости мне такую банальную фразу, немцы уничтожили половину советских евреев, а потом миллион выехал за рубеж. Они создали себе в сорок восьмом году государство в Палестине.

– Да, у нас тоже хотели их куда-нибудь выселить. Немцы

нам предлагали их поменять на оборудование для добычи нефти.

– У вас известно, что немцы уничтожили всех европейских евреев в лагерях?

– По-моему, это все сионистская пропаганда. Как же! будем мы с немцами из-за евреев ссориться! Абсурд какой-то.

– А что буду делать я? – напомнил я о себе.

– Поезди по городу, освойся. Я дам тебе десять рублей, трать на что хочешь, – он достал из кошелька червонец со знакомым изображением Ленина. – На метро у тебя есть?

Я показал ему свой студенческий проездной билет на февраль.

– 10 500 рублей! Не слабо! А какая же у вас средняя зарплата?

– Полмиллиона.

– А стипендия?

– Сто тысяч, но это с доплатой на питание от Собчака.

– Собчак? Анатолий Александрович? Он же преподает у нас на юридическом! А его жена – на историческом и в институте культуры.

– А у нас он мэр города Санкт-Петербурга.

– И все же, согласишься, Ленинград звучит красивее, чем Санкт-Петербург.

Я пожал плечами и показал ему несколько купюр наших денег: пятьдесят, пять тысяч и другие. Он внимательно рассмотрел их и показал Виоле, потом загорелся какой-то мыс-

лю и спросил:

– Дай-ка мне одну такую, вот эту хотя бы, на пять тысяч. У меня есть один знакомый – страстный бонист. Загнию ему за пятьдесят рублей. Скажу, что это деньги белогвардейцев.

– А дата?

На банкноте стоял 1993 год.

– Сотрем. Ну ладно, пора мне.

– Вальдемар, – сказала ему Виола (она, бедная, различала нас только по одежде, да по выражению лица), – ты там не слишком...

– За исключением того, что должно быть исключено, – отозвался он уже из коридора.

Я тоже засобирался, потому что мне очень не хотелось оставаться с нею наедине. Он поехал в центр, а я сел в трамвай и вскоре достиг Автова. Близ Красенького кладбища, как и следовало ожидать, не было танка. Я стал бродить по улицам, заходить в магазины и присматриваться к людям. Меня поразило то, что они в целом были гораздо красивее, чем в моем мире. Вчера я, кстати, не подметил одного важного признака в покрое одежды: она была подобием допетровской! Мужчины носили высокие шапки, дубленки старинного длиннополого покроя, женщины – вариации кокошника, и притом имели ярко нарумяненные щеки. Такой исторической псевдоморфозы, выражаясь словами Шпенглера, я и предположить же мог.

Не буду описывать мои путешествия по морозному горо-

ду, скажу лишь, что я два раза заходил в кафе с их скупурпулезно-копеечными ценами, был в нескольких книжных магазинах, в одном из которых меня привлекла потрепанная книжка (последний экземпляр), которая называлась «Американские баптисты: царство антиразума». Насколько я смог понять из неадаптированного для меня текста, в середине XX века христианство весьма видоизменилось. Православие, жестоко преследуемое в первые десятилетия советской власти, растеряло почти всю свою паству и в последние десять лет превратилось в духовную нишу части советских интеллектуалов. Католицизм потерял свой ватиканский центр, секвестрированный фашистским правительством графа Чиано в 61 году, и новый папа Павел VI обосновался в Бразилии. Лютеранство в странах Северной Европы, прежде всего в Германии, постепенно слилось с возрождающимися древнегерманскими культами (кирхи, как и предсказывал Гауптман, были пересозданы в арийские священные комплексы по образцу Вевельсбурга). Американские же протестанты проделали ряд сложных метаморфоз, частью перешли в расистскую церковь «Арийские нации», признающую Иисуса Христа двухметровым белокурым конунгом, предательски распятом жидами, частью сблизилась с евреями и ввели обрезание и большинство ветхозаветных пищевых запретов.

Вернулся я около пяти вечера, когда все вокруг уже посинело от сумерек, а мороз усилился до невыносимости. Мой двойник был дома:

– Все прошло как по маслу. Я перед началом положил украдкой твою купюру на стол Президиума, они ее вскоре обнаружили и все заседание рассматривали с очень удивленным видом – и, разумеется, не вникали в суть происходящего.

– И чем все закончилось?

– Нам обоим вынесли по выговору: мне – за разжигание национальной ненависти, ему – за варварское обращение с книгами, с запретом пользоваться университетской библиотекой в течение трех месяцев, а его сестра предстанет перед подобным судилищем за свои античеловеческие сионистские убеждения. А ты где пропал?

– Осматривался. Заметил, кстати, что у вас машин в два раза меньше, а загрязненность воздуха пропорционально ниже... Вероятно, я останусь здесь надолго, а может и навсегда.

– Космология пространства у нас развита не ахти, но кое-что я узнаю по поводу твоего «чуда». Оно, несомненно, имеет вполне научное объяснение.

– Плохо то, что я никого не предупредил, там, у себя... Поставь себя на мое место...

– Да, это скверно... Так что вот, Виола, если я когда-нибудь бесследно исчезну, сделай и это невероятное, но очевидное предположение.

– Да я уж надеюсь, что не придется, – отшутилась она.

– Мы с тобой идентичны, – продолжал Вальдемар, нарезая аппетитную розовую ветчину к ужину. – Это, с одной сторо-

ны, хорошо, а с другой – плохо. Ситуация, с одной стороны, банальна (как в фильме об Электронике)...

Я понимающе кивнул.

– Мне бы не хотелось впутывать в это дело официальные органы, но рано или поздно...

– Но ведь не съедят же они его, в самом деле, – сказала на это Виола.

– Верно, – согласился ее муж. – Но ситуация пока терпит. Тебя ждет поездка в Германию, что будет, я думаю, для тебя довольно небезынтересно. Ты был там, у себя, за рубежом?

– Понятие «за рубежом» у нас неопределенное, – ответил я. – Бывшие республики СССР называются «ближнее зарубежье», и попасть туда просто. А прочая заграница – «дальнее зарубежье». Я был двухлетним малышом с родителями в Польше.

– Польша у вас в границах 39-го года?

– Нет, в 45 году к ней присоединили Силезию, Поме- ранию, – я заколебался, припоминая нюансы политической географии тридцатых годов, – Данциг, половину Восточной Пруссии и Белосток.

– А что же у нас было в 45 году? – задумался он. – Гражданская война в Бразилии (интеграллисты против панамериканистов)... наши войска заняли Бомбей... визит Молотова в Берлин на открытие первой сессии Европейского Совета в качестве наблюдателя... ну и окончание Тихоокеанской войны атомными бомбардировками Хиросимы и Лос-Анджеле-

са (японская атомная бомба «Камикадзе» угодила прямо в район Голливуда, так что американцы на пять лет лишились почти всей киноиндустрии).

– Да, бедные янки – это, наверно, было самое большое для них испытание. А освоение Космоса?

– Немцы запустили первые свои спутники с Пенемюнде в пятьдесят третьем году (тогда нам было не до того – мы с Берией боролись). У нас это состоялось через четыре года, а Гагарин полетел в шестьдесят первом.

– Еще одно совпадение! У нас – те же даты.

Мы еще долго перебирали исторические вехи и находили то поразительные совпадения, то неожиданные отличия, пока Виола не напомнила нам о фильме «Комедия ошибок», который вот-вот должен был начаться по первой программе.

АВЕНТЮРА ВТОРАЯ, в которой я совершаю путешествие из Ленинграда в Берлин, по-своему хрестоматийное

Не может быть и речи с том, чтобы я усомнился в непобедимости нашего дела, напротив, трудности, возникающие непрерывно и возрастающие с каждым днем, надо преодолевать, если к этому есть настоящая воля.

И.Геббельс

Международный поезд «Ленинград – Берлин» отходил около полудня двадцать третьего февраля. Меня провожала Виола. Она была в своей очаровательной шубке из белого меха и в темном платке, делающем ее очень похожей на древнюю гречанку. Я пытался по дороге занять ее рассказами о своем мире, но разговор как-то не клеился.

– Хорошо еще, что вы надо мною не подшутили, – неожиданно произнесла она почти обиженным тоном.

– Каким образом? – не понял я.

– Могли поменяться.

– Нет... Я был настолько потрясен, что чувство юмора у меня ампутировалось. Да и, потом, мы все же различаемся

стрижкой, и он поранил руку о банку с консервами...

– Ты там тоже женат на мне?

– Нет. К сожалению, нет...

– Я до сих пор не могу поверить в реальность произошедшего.

– Да я тоже сначала не поверил. Но, как говорит твой муж, очевидное может быть и невероятным. Я уж как-то смирился. Из себя не выпрыгнешь, хотя один раз мне это уже удалось.

– А я тебе даже завидую. Если бы у меня была возможность заглянуть в иной мир, под иное небо, я бы никогда не отказалась.

– Чему завидовать? Страна, в которой жил я – это убогое, саморазрушающееся и отвратительное место. Это я должен вам завидовать. Вы живете в куда более лучшем мире, а я здесь призрак, пришелец из небытия.

Метропоезд подъехал к станции «Балтийская». Мы оказались в вокзальном муравейнике, когда поезд уже был подан. Пока я проходил долгую, нудную и малоизвестную мне процедуру с проверкой множества документов, справок, отпечатков пальцев и скромного багажа, уместившегося в одном единственном чемодане зеленой кожи, Виола терпеливо ожидала меня в сторонке. Когда я освободился, она взяла меня за руки и сказала:

– Я не знаю, что будет впереди, но я хочу одарить тебя тем, чем я обделила тебя там.

И она меня исцеловала (единственный раз в жизни!) Если бы таможенники более внимательно следили за пассажирами, им показалось бы странным, что молодожены, прожившие уже два с половиной года, целуются с такой хрупкой трогательностью.

В мое купе я вошел первым и быстро расставил свои немногочисленные вещи. Я не люблю путешествовать куда бы то ни было зимой, но, как вы помните, выбирать мне не приходилось.

Вторым вошел статный военный средних лет, майор, если не ошибаюсь в погонах. Он кивнул мне и сразу же расставил на столе несколько бутылок «Боржоми». Согласно билетам, наши места располагались на двух верхних полках, и мне, несмотря на предостережение Вальдемара, чтобы я вел себя по дороге и, особенно, в Германии как верный семьянин, захотелось, чтобы нижние заняли особы женского пола, склонные к ни к чему не обязывающим купейным знакомствам. Но судьба в лице железнодорожной кассы распорядилась (как всегда в моей жизни) иначе: уже перед самым отправлением появился пожилой человек в строгом английском костюме и его жена, лет на десять его помладше – очень красивая блондинка, явно не имеющая детей.

– Давайте знакомиться, – предложил он и представился. – Степан Викторович Карелин, эмигрант в третьем поколении, жил в Лондоне, прошлым летом вернулись с женой в Россию, едем в Германию как туристы, – закончил он свою сверхин-

формативную фразу.

– Глеб Александрович Гумбольдт, – приподнялся офицер, – подполковник.

– Вальдемар Тарнавский, – это моя реплика, – студент.

А поезд уже тронулся. Проводник собрал билеты и разнес постель. На двери отопительной камеры я нашел полное расписание следования поезда:

Станция прибытие отправление

Ленинград – 11:53

Луга 13:20 13:25

Псков 14:47 14:57

Даугавпилс 17:36 17:41

Вильнюс 19:25 19:35

Гродно 21:09 21:19

Белосток 22:04 22:14

Граница 23:08 00:08

Варшава 1:57 2:07

Кутгенбург 3:01 3:06

Позен 4:54 5:04

Франкфурт-на-Одере 6:47 6:52

Берлин 7:42

Я переписал расписание и вернулся в купе. Там спор был уже в разгаре:

– Стало быть, – говорил Глеб Александрович Степану Викторовичу, – англичане и американцы считают всех людей, живущих за пределами «свободного мира», нелюдьми.

– Ну, я не был бы столь категоричен, – возразил тот. –

Точка зрения на представителей иных цивилизаций как на варваров не так уж и нова. Все древние культуры презирали иностранцев, даже греки, хотя они чаще иных древних народов контактировали с ними. Разве немцы не презирают американцев и не называют их «хунгвестерн»?.. Хотя, скажу честно, представление людей западного мира об иных блоках самое смутное. Американцев вообще ничего не интересует, что происходит за пределами США. Я сомневаюсь, чтобы половина образованных американцев могла назвать пять-шесть столиц иностранных государств, кроме Лондона. Я ведь еду в Германию, чтобы составить о ней более-менее реальное представление, потому что никакой реальной информации о Рейхе ни в Англии, ни в США не найдешь.

– Я не могу сказать, что Германия слишком популярна в России, но все же это самая популярная заграница. Да и потом... Ваш покорный слуга едет к родственникам, в Мекленбург. Мой дядя еще мальчиком репатриировался из Курляндии, в сорок первом году.

– Однако!.. У нас в Англии это было бы немислимо.

– Ну, а как ваши впечатления от... – офицер кивнул по сторонам.

– Сумбурные, – пожал тот плечами, – сумбурные, и больше ничего. Будто по безвоздушному пространству двигаюсь. Вокруг какая-то ирреальность... Эта Россия уже ничем не напоминает (даже языком) ту страну, из которой бежали мои деды, но здесь не осталось ни капли большевизма.

– Времена меняются – мы умнеем, – усмехнулся офицер. – Историческая правда большевизма была в ниспровержении реакционного и недееспособного режима. Но сам по себе большевизм – тупиковый путь развития, он не способен к созиданию и выродился в троцкизм. Правильная коррекция коммунистической идеологии в духе идеи национального самосохранения пришла к нам весьма кстати.

– Верно ли говорят, что Сталин многое позаимствовал у Гитлера?

– Кто у кого позаимствовал, – рассмеялся офицер, – это еще надо посмотреть, но история Европы пошла совсем по иному пути, чем того хотелось Западу. Ведь англичане и американцы хотели натравить нас друг на друга, залить Европу русской и немецкой кровью и на этих лишениях нажиться как свиноторговцы, так ведь?

– Да, во второй мировой войне расчет был именно на это, поэтому для Англии договор тридцать девятого года стал шоком. А во время Тихоокеанской войны США добивались участия в ней СССР.

Я вышел в коридор и стал рассматривать мелькающие перелески. Ландшафты не отличались от тех, какие я мог видеть и у себя. Меня поразила лишь ухоженность полей и обширных дачных поселков, мимо которых мы проносились с огромной скоростью. Кругом было белым-бело, лишь проселочные дороги выделялись грязноватой чернотой. На промелькнувшем стрекочущем переезде застыл большой грузо-

вик неизвестной мне конструкции, напоминающий довоенный газик.

Неожиданно мы остановились в Гатчине и простояли три минуты. Хотя я был в Гатчине всего один раз в жизни, я сразу же подметил, что передо мной его довоенный (а, стало быть, не разрушенный) вариант. На подводе к перрону подъехал мужик в тулупе и стал грузить расставленную штабелями почту. В очередной раз я подивился такой смеси стилей и эпох, но ведь никто же не удивляется традиционному японскому каркасно-столбовому дому рядом с линиями метрополитена.

Спор в купе не утихал:

– В основании любой культуры замешано немало слез и крови, – доказывал подполковник. – Порой я думаю, что это необходимое условие ее существования. А вы смотрите на убийство слишком метафизически: не убий, и все тут! Если хотите знать, то мы потомки тех, кто убивал, потому что те, кто не убивал, но сам был убит, потомства не оставили...

– Но мы-то с вами живем не в каменном веке...

– Согласен. Стабильность последних пятидесяти лет действительно беспрецедентна. Но, согласитесь, мир ныне держится не на благих пожеланиях, а на атомных мускулах четырех империй.

– А вы как думаете, молодой человек? – обратился ко мне бывший лондонец. Мне не хотелось вмешиваться в этот спор специалистов, и к тому же я боялся сказать какую-нибудь несуразицу. Но я нашел, что ответить:

– В прошлом году я прочел фантастический роман одного малоизвестного автора. «Иное небо», если не ошибаюсь. Он написан в стиле инвариантности, то есть валенности истории, – поправился я. – Там будто бы в 41 году Германия напала на СССР.

– И кто ж победил? – с недоверием спросил офицер.

– Мы, естественно, – поспешно оговорился я. – Но плодами нашей победы воспользовались США. Они сначала поставили под контроль пол-Европы, а затем стали распространять либеральные идеи в советской сфере влияния. Итогом был развал нашей страны, обнищание населения, множество внутренних конфликтов и вымирание населения. СССР распался на пятнадцать государств с неустойчивыми правительствами и хиреющей экономикой. Уголовные организации терроризировали население. Различные политические силы боролись за власть, а представители международных правозащитных организаций успешно разлагали все структуры безопасности, и люди, выступавшие за наведение элементарного порядка, клеймились как фашисты.

– И чем же все это закончилось? – мой рассказ определенно заинтересовал подполковника.

– Над этим писатель и предлагал поразмыслить читателю...

– Занимательно, но нереально, – покачал головой офицер. – У вашего писателя неверна первоначальная установка: война с Германией. Германия не могла воевать одновремен-

но на два фронта: против нас и против Англии – это было бы повторением ошибки 14 года. В 41 году, как вы знаете, Германия и Италия были заняты балкано-ближневосточным направлением. Уж скорее это могло произойти в 53 году, когда мы были связаны на Дальнем Востоке, но в 53 году Германия улаживала венгеро-румынский конфликт. Впрочем, в главном он прав: западный либерализм не мог принести нашей стране ничего хорошего.

– Отчасти это так, – присоединился к нашему разговору реэмигрант. – Тип русской культуры – это тип антизападный. Он строится на аграрно-коллективистском принципе, в то время как западная культура – это торговый индивидуализм.

Так мы проспорили до самого вечера, когда за окном показались средневековые строения Даугавпилса.

– В Германии, – сказал офицер, – сохранилось очень много средневековых замков, а вот французы почти все свои срыли еще при Ришелье.

– Степан Викторович, – спросил я то, что хотел спросить уже давно, – а как в Англии представляют нас и Германию?

– Вот это вопрос! – воскликнул подполковник, который как-то незаметно уже успел выпить три бутылки «Боржом». – Объявляю вам благодарность, Вальдемар, за находчивость.

– К России, – ответил после некоторого раздумья Степан Викторович, – отношение, конечно, лучше, чем к Герма-

нии. Англичане очень любили Хрущева, и часто вспоминают его визит в пятьдесят пятом году. Но и Россия, и Германия для Запада – это тайны за семью печатями. Вспоминаю английский анекдот, что англичане видят Германию только на карте.

– А дипломаты? – удивился офицер.

– Назначение в Берлин считается в дипломатических кругах своего рода ссылкой, хотя есть достаточное количество людей, открыто симпатизирующих Германии и фашизму, и даже в верхних эшелонах власти – это, как правило, консерваторы, точнее консервативный клуб «Линк».

– А в США?

– Ну, там народ горячий. Дня не проходит без потасовок фашистов с еврейскими активистами.

– В США действительно много фашистов?

– Как ни странно, гораздо больше, чем в Англии, но они разбились на несколько сот враждующих группировок и часто воюют друг с другом.

– А коммунистическое влияние?

– Практически равно нулю. В США насчитывается едва ли тысяча коммунистов, а в Англии – семь тысяч. А вот троцкистов побольше. Они в 68 спровоцировали университетскую молодежь Принстона на настоящее побоище.

– Да, мы об этом слышали.

И так далее, и такое прочее.

А я сидел и на ус мотал, ведь реэмигрант задавал те во-

просы, которое пришлось бы задавать мне, и если я не могу сказать, что на подъезде к германской границе имел полное представление о международных отношениях в этом мире, то, во всяком случае, мой кругозор значительно расширился. Вспоминается мне один из моих преподавателей, который утверждал, что попади шпион хоть на один рейс в спальный вагон, курсирующий между Москвой и Лен... то есть Санкт-Петербургом, половина его задания может считаться выполненной.

Когда мы прибыли на границу, перевалило уже за одиннадцать, но воздух вокруг стал куда теплее и не обжигал ноздри. Проводник в сопровождении офицера погранслужбы еще раз строжайше проверил документы, и нас стали по купейно пересаживать в другой, немецкий поезд. Для этого надо было с вещами миновать три последовательные таможни (первая – русская, вторая – смешанная, и, наконец, третья – германская), на каждой из которых одинаково тщательно проверяли документы и досматривали багаж. Сначала все шло четко и быстро, но вскоре возникла заминка: на пропускном смешанном пункте слева от меня как-то разом зашпорили, и я услышал восклицание немецкого лейтенанта:

– Юден не допускаться в Дойчланд!

Мигом вмешался русский майор:

– Да это ж не еврей, это грузин. Вот и фамилия его по паспорту: Сванидзе.

С обеих сторон подошло несколько пограничников, и кон-

фликт продолжался. Мы уже забрались в уютное купе, но до нас все ещё доносилось:

– Нарушение Нюрнбергского закона... Экспертиза... мы должны немедленно связаться с консульством... Никакой задержки состава!..

Впрочем, мое внимание приковал гигантский монумент тевтонского рыцаря с мечом, вложенным в ножны. Он вознесся над всеми строениями таможни на добрых четверть километра, стоя на насыпном холме и глядя на восток. Ночная подсветка сияла на бронзе его доспехов. В нем было что-то от известного монумента Вучетича, и он, видимо, играл роль пограничного столба вровень с чикагскими небоскребами.

Вся процедура пересадки заняла, как и оказывалось в расписании, около часа, но выяснение, является или не является товарищ Сванидзе евреем, задержало нас еще на пятнадцать минут. Очень красивая белокурая проводница (в США она работала бы, как минимум, фотомodelью) поприветствовала нас на довольно хорошем русском и разнесла по купе наперсточного размера чашечки с кофе.

Засыпая, я мысленно прокрутил все эти невероятные события и пришел к выводу, что судьба (если называть судьбой природную необходимость) иной раз готовится для нас весьма забавные коллизии. Не знаю, что сказал бы на это раскатиисто храпевший подполковник, но будить его я не стал.

Все генерал-губернаторство и Германию мы беспробудно

проспали, и только за полчаса до Берлина нас разбудил звонко-мелодичный голос проводницы. Из-за разбирательств со Сванидзе и прочих задержек выбившегося из графика поезда, мы опаздывали уже на полтора часа. Среди мягкой предрассветной седины снегов за окном мелькали маленькие фермы, перелески, одинокие кирпичи, в которых служили Вотану, Тору и Бальдуру. Пелена снегопада делала все вокруг мчащегося поезда сюрреалистичным.

Степану Викторовичу приснился недобрый сон, и он сидел хмурый (он к тому же обнаружил ряд важных пробелов в своём немецком и лихорадочно пролистывал разговорник). Подполковник, наоборот, был в прекрасном расположении духа и рассказывал о своих приключениях в прошлые поездки:

– Вы знаете, в Бунцлау до сих пор сохранилась могила Кутузова. Я там был два года назад. Обнесена бордюром и очень много цветов...

– А вы где воевали? – поинтересовалась жена реэмигранта.

– Разумеется, в Индии, – пожал плечами тот, – в этой черной дыре советского оружия. Мы собирались покорить Индию еще при Павле I, в начале двадцатых туда звал Троцкий. И вот, наконец, мы там оказались. Индусы, видите ли, как и все азиаты – себе на уме. Договариваться с ними столь же перспективно, как и договариваться с тюленями. Конечно, забавно рассматривать индийских девчонок в ночных ба-

рах и украшать свои квартиры индийскими статуэтками. Но могу лишь сказать одно: наши позиции в индийских странах столь же призрачны, как и пятьдесят лет назад. Сам черт не разберет, сколько в Индии народностей, а каждая народность имеет дюжину национальных проблем. Поддерживаем Синд против Раджастхана, потом Раджастхан против Гвалиора, а там надо мирить сикхов и мусульман в Пенджабе. На юг Индии мы уже давно рукой махнули, там немцы да ниппонцы соперничают с США.

Отправляясь в дорогу, я основательно изучил карту Берлина и окрестностей, и теперь с минуты на минуту ожидал появления слева от движущегося поезда водной глади Шпрее, но она пряталась за густыми стволами безлиственных деревьев и неожиданно блеснула, когда мы увидели первые строения Большого Берлина – район Рансдорф, затерявшийся среди лесничеств Мюггельского озера. Здания напоминали те, что я видел в Ленинграде, только более массивные, монументальные и мрачные. Правда, летом все это должно было утопать в зелени многочисленных раскидистых деревьев. По улицам ездили машины, ходили трамваи, спешили на работу берлинцы.

Промелькнуло несколько платформ пригородных поездов, на одной из которых я успел прочесть название – «Кёпеник». Где-то вдали мелькал между домов расписной шатер передвижного цирка. Проводница вернула билеты – я получил свой. На одной стороне маленького картонного ярлыка

под серпом и молотом был указан рейс, тип вагона, место, дата, время и постскрипtum: «Добро пожаловать в Тысячелетний Рейх», на другой – под свастикой – то же самое по-немецки.

Пока я рассматривал билет, мы промчались через Карлгорст и оказались в более изящных дореволюционных кварталах (я имею в виду национал-социалистическую революцию 1933 года). И тут же экспресс нырнул в бесконечный слабоосвещенный Руммельсбургский тоннель, тянущийся на добрые два километра. Когда мы наконец вынырнули в ослепивший всех дневной свет, слева и справа выпрямилась Варшавер-штрассе, по которой неторопливо полз экскурсионный омнибус. Готтенландский (быв. Силезский) вокзал был уже рядом – замелькали перила, лавочки, ожидающие.

Немец-проводник еще раз проверил документы, и мы стали выходить. Я едва успел выйти из вагона, как тут же заметил маму – она в длиннополой дубленке и меховой «боярке» спешила ко мне по забитому людьми перрону. Она приветствовала меня по-русски:

– Ну, как доехал?

– Да вот... – развел я руками.

Несмотря на все наши с Вальдемаром опасения, она не заметила подмены. Видно, не правы те, кто приписывает женщинам некую особую интуицию. В первый момент меня так и тянуло сознаться, но я сдержал себя, и не напрасно.

– Сейчас мы к нам домой. – продолжала она, проталкивая

меня через толпу. – Вечером у нас званый ужин. Будут Отто, Свава, Харальд...

В Берлине я не бывал отродясь, и все глазел по сторонам. Добрая половина прохожих была в шинелях: синих, черных, серых, коричневых – под цвет мундиров их ведомств. Здесь было на порядок теплее, чем в замерзшем Ленинграде. Линейная немецкая речь господствовала над отдельными польскими и русскими фразами. Тачечники (тоже в особой форме) катили огромные телеги, наполненные «старомодными» чемоданами (американоидные рюкзаки – завсегда таи вокзалов моего мира – здесь были явно не в моде). На фронте вокзала (он был реконструирован в середине пятидесятых) аршинными готическими буквами было выложено:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ТЫСЯЧЕЛЕТНИЙ
РЕЙХ!

В ближайшем киоске я успел разглядеть множество видеокассет и бронзовые бюсты Гитлера и Геббельса.

Мама без устали рассказывала о своей жизни, о том, как зимой они с полковником отдыхали на Ривьере, что Харальд в апреле принимает присягу и отправляется служить в Хорватию и т. д. и т. п. На ее вопросы я отвечал односложно, что весь в работе над дипломом, что стипендию нам повысили, что Виола чуть ли не ночует в Петергофе (она пишет дипломную работу об архитектуре Петергофских ансамблей и влиянии на нее философии XVIII века). На мое счастье мама не спросила меня, скоро ли ей ждать внуков: она, видно,

не очень-то спешила становиться бабушкой.

На привокзальной площади нас ожидал огромный БМВ, принадлежащий полковнику. Шофер приветствовал меня кивком, погрузил мой баул в багажник и спросил меня что-то по-немецки. Я в первый момент ничего не понял и про-бормотал в ответ что-то невнятное, но тут же догадался, что меня спросили о том, правда ли в Ленинграде (он называл его Петербургом) сейчас такие лютые морозы, и понял, что теперь мне и думать придется исключительно по-немецки. Я сбивчиво отвечал, что правда, морозы стояли лихие, но в день моего отъезда слегка потеплело. Мама напомнила мне, что в Германии она говорит со мной только по-немецки, и мы помчались по утренним улицам германской столицы.

Вначале мы оказались на довольно непримечательной Гроссфранкфуртер-штрассе, потом водитель свернул на Лансбергер-штрассе и, обогнув колонну марширующих солдат, машина выехала на знаменитую Александер-плац. Пока мы стояли у светофора рядом с Полицай-президиумом, водитель рассказывал, что на ближайшее воскресенье здесь назначена публичная казнь масонских вожаков, пойманных, что называется, с поличным в прошлом месяце.

Справа от нас, на фасаде Имперского Архива, обнаженная амазонка работы Адольфа Зиглера держала большой золотой лист с цитатой из Гитлера:

«Для каждой нации правильная история равноценна ста дивизиям».

Центр города в утренние часы был безлюден, попадались лишь постовые да спешащие с документами из министерства в министерство курьеры. Англоязычная (равно как и германоязычная) реклама напрочь отсутствовала, вывески магазинов и кафе отличались нордической чопорностью.

Я и не заметил, как мы проехали по мосту через Шпрее и остановились у следующего светофора, между Строительной Академией им. Альберта Шпеера и Монетным Двором. Рядом с нами водитель скромненькой «Шкоды», курсант-эсэсовец, пользуясь вынужденным ожиданием, целовал и обнимал правой рукой свою совсем юную попутчицу.

Унтер-ден-Линден встретила нас двумя шеренгами свастик-монументов, поставленных здесь ко времени проведения Олимпиады 1936 года (с тех пор все Олимпиады проводились в Берлине, а зимние – в Швейцарии; американцы и англичане их, естественно, игнорировали). В конце этой главной улицы Рейха напротив Военной Академии имени Адольфа Гитлера было наше посольство – флаг СССР развевался на влажном ветре. Накрапывающий дождь заставил нашего водителя включить дворники.

Дальше открывался бесконечный безлиственно-серый массив Тиргартена, где старушки выгуливали своих мосек, а белокурые студентки художественных академий (тоже в форме) старательно зарисовывали деревья и всяческую парковую скульптуру. Если бы я вдруг ни с того, ни с сего сказал, что в этом парке мог бы стоять монумент Вучетича, ме-

ня подняли бы на смех, и Вучетич из гроба к нему бы присоединился.

Берлинер-штрассе сменилась Бисмарк-штрассе. Мы быстро удалялись от центра города. Мама догадалась о моем любопытстве и не отвлекала меня. После Шарлоттенбурга, где доживали свой век ветераны второй мировой войны – герои Тронхейма, Сен-Кантена и Хеброна, который еврейские фанатики обороняли целый месяц, и который был стерт с лица земли на двести лет – машина неожиданно оказалась в чаще Груневальдского лесничества. Еще несколько минут, и впереди блеснула темная гладь Хафеля – мы выехали на западную окраину Берлина. Цель нашего пути была в Шпандау – самом дальнем районе восьмимиллионного Гросс-Берлина. Между зданием тюрьмы и железнодорожной линией на Гамбург среди нескольких частных усадеб прямилась небольшая Геббельс-штрассе. В маленькой сторожке рядом со шлагбаумом и полосатым столбом я зарегистрировался у коменданта улицы в чине партайфюрера, и мы наконец приехали.

Дом (а Вальдемар в Ленинграде не потрудился описать мне его заранее) был построен лет сорок назад в неоготическом стиле: от основного его массива ответвлялись острошпильные мансарды, галереи на контрфорсах, несколько приземистых флигелей. Все окна были разной формы и напоминали готические соборы. Ограда, охватывающая площадь в четверть гектара, контрастировала с этой цветисто-

стью своей подчеркнутой суровостью. Вся усадьба напоминала утонченный бутон розы, спрятанный за жесткими лепестками чашелистика. Кроме гаража и толстостенной будки привратника, никаких хозяйственных построек я не заметил.

Полковник встретил нас на крыльце, он был в домашнем костюме и со слегка подстриженными усами. В его внешности не было ничего особенно броского, это был типичный прусский офицер, чьи предки сотни лет верхом и со шпагой в руке расширяли германское жизненное пространство. То, что он летал на высоте Эвереста и мог за считанные минуты превратить вражеский город в «мерзость запустения», сути не меняло.

Он крепко пожал мне руку (у немцев не принято при встрече или расставании целоваться), коротко спросил о дороге, о формальностях при пересечении границы, и спросил еще, сколь популярно в России баварское пиво.

Столь же сбивчиво отвечая на вопросы, я старался и обстановку рассмотреть, и виду не подать, что я здесь впервые. Первый этаж был гостевой. Здесь располагались прихожая, гостиная, библиотека, маленькая столовая и комната с роялем, ибо, как вы помните, полковник и дня не мог прожить, не исполнив для себя лично или для случайных слушателей пару этюдов Шумана. В гостиничной между двумя маятниковыми часами висели три больших портрета: Гитлер, Геринг и Курт Вальдхайм, а на стене напротив – большая кар-

тина в бронзовой раме «Взятие Варшавы».

Мама показала мне мою комнату – в одной из готических мансард на третьем этаже, куда можно было попасть из большой телевизионной гостиной на втором, домашнем этаже по контрфорсной галерее, заканчивающейся винтовой лестницей. Тут я, сославшись на дорожную усталость, отпросился подремать. К трем часам я должен был спуститься в гостиную на званый ужин.

Итак, в десять часов утра по среднеевропейскому времени я оказался в небольшой комнатухе с двумя раскладывающимися креслами, комодом, этажеркой для книг (здесь лежала кипа журналов «Бергланд») и миниатюрным телевизором. Последний я и включил, уютно устроившись в одном из кресел. По первой программе шла образовательная программа об Африке, по второй – черно-белый фильм о Шиллере, по берлинскому внутригородскому каналу – пропагандистская передача об Америке:

«Америка, – спокойным голосом пояснил диктор. – Негры и евреи. Наркоманы и гангстеры. Вредная расовая политика и музыка, выродившаяся в негритянскую тамтамщину. Небывало высокое самомнение и крайне низкий общий умственный уровень. Только шесть процентов американцев могут показать на карте Германию, но даже США могут показать всего шестьдесят процентов. Американское мировоззрение ориентировано на постоянное и беспричинное веселье – оптимизм, благодаря чему большинство американцев

всю жизнь проводит в состоянии добродушного идиотизма. Американское, если так можно выразиться, искусство всегда паразитировало на худших образцах европейского искусства. Оно не способно создать ничего нового, и лишь обезьянни копирует наши сюжеты. Искусство в США никогда не было тем, чем оно было испокон веков в Европе – высшим этажом культуры. Оно было ее подвалом. Подавляющее большинство американцев способно воспринимать только развлекательные передачи. Американская кинематография оболванивает зрителя и апеллирует к „свободе выбора“, но этой хваленной свободы не существует, потому что все основные средства массовой информации, киностудии и издательства находятся под контролем еврейской кагалы и пропагандируют чуждые белому человеку эстетические, этические и нравственные нормы. В веймарской Германии, по выражению нашего величайшего фюрера Адольфа Гитлера, существовала лишь ротационная синагога. В Америке рука об руку с ней идут телевизионная и компьютерная синагоги. Хотя еще ни один американский президент открыто не заявил о своем еврейском происхождении, он, как и вся страна, обязан отмечать все еврейские праздники. Белый человек и истинный ариец, аристократ президент Джон Кеннеди первым восстал против этой порочной практики и был хладнокровно убит еврейскими террористами тридцать три года назад.

Но борьба за белую, мужественную, арийскую культу-

ру, против негроидной, педерастической, иудейской псевдокультуры на американских просторах не окончена. Честные американцы арийского происхождения, среди которых Френк Коллин, Роберт Делью, Ричард Батлер и Патрик Бьюкенен, ведут тотальную борьбу против еврейских вырожденков. Среди последних акций американских национал-социалистов – семидневная символическая блокада Голливуда. Поводом к этой акции протеста явилась порочная практика этого жидовского кода, в котором белокурые и прекрасные арийские киноартистки вынуждены сожительствовать с режиссерами-евреями – педерастами и наркоманами. Американская национал-социалистическая партия белых людей, выдвинувшая Патрика Бьюкенена кандидатом на пост президента США, призывает всех честных американцев к бойкоту голливудского ширпотреба, ко всемерной пропаганде высоких образцов германского искусства и искусства других народов Европы...»

Я и не заметил, как задремал. Когда я проснулся, телевизор уже автоматически отключился (он реагировал на особые «сонные флюиды», испускаемые человеком во сне), а напротив меня в кресле сидел молодой человек приблизительно одних со мной лет в эсэсовском мундире со знаками отличия старшего курсанта академии танковых войск, читающий журнал. Это и был Харальд. Я сразу же узнал его по фотографиям, которые Вальдемар показывал мне ещё в Пет... в Ленинграде. Он кивнул мне и спросил:

– Что это у вас в России за такая мода?

Его взгляд указывал на мои штаны, то есть джинсы. Он заметил то, что не заметили ни мы в Ленинграде, ни мама в Берлине – штаны из джинсовой ткани, надетые на мне в день моего перенесения в этот мир, которые я совсем забыл сменить, а ведь в моем распоряжении был весь гардероб моего двойника. Так глупо попасться мог только какой-нибудь космополит без малейшего представления о национальных костюмах, но уж никак не я – философ истории!

– Да вот, купил по дешевке. Стипендией нас не балуют. Вам стипендия, я забыл, полагается?

– Да, старшим курсантам платят по двести десять марок в месяц, а я получаю стипендию фюрера – триста сорок.

(Одна марка равнялась двум рублям или трем с половиной долларам).

– Нас так не финансируют. У нас ленинская стипендия по вашему курсу – пятьдесят марок.

– Ты все же переоденься. У нас американщина считается дурным тоном, да и вообще... не соответствует высокой арийской морали.

Я впервые в жизни видел человека, произносящего слова «высокая арийская мораль» на полном серьезе, и поспешил поэтому, не желая смущать моего немецкого друга, переодеться в шикарный полупиджак-полуфренч и выутюженные бриджи, найденные мною в комод. Харальд листал журнал, поглядывал в мою сторону и задавал тон беседе:

– Как у вас в России с раухерами? – и не дождавшись ответа продолжал:

– Сегодня собирается вся наша благородная фамилия, – он слегка, самую малость иронизировал. – Формально – в честь твоего приезда, а так... просто, давно не виделись. Жаль, что тот раз меня срочно вызвали... Но с моей сестрицей ты уже имел честь пообщаться.

– Ее поэтическая манера немного напоминает мне Анну Ахматову...

– Ахматова? – перебил он. – Где-то слышал эту фамилию. Одна из советских поэтесс?

– Жена Николая Гумилева.

Харальд, не разбиравшийся в подобных семейных нюансах русской поэзии, закивал из вежливости и похвастался:

– Она читала тебе свою нордэлегию, посвященную Ханне Райч? Так вот эта самая нордэлегия напечатана только что в «Бергланде», – он протянул мне журнал.

Я уже собрался, и мы спустились вниз. В гостиной был сервирован стол на девять персон. Полнобедрая итальянская служанка ставила на него орлиной формы свечу (пиршества полагалось устраивать при искусственном освещении девяти факелов, по числу присутствующих, и орлиной свечи, символизирующей нордический дух).

Тут я увидел дядю Отто, идущего навстречу мне из библиотеки. Он был полной противоположностью полковнику и своему сыну: невысокий, рассеянный, в сильных очках, до

странности похожий на Хоботова из «Покровских ворот». Он поздравил меня с возвращением на немецкую землю, как он выразился, и стал приглашать к себе в Кенигсбергский институт генетики и евгеники:

– Вы, камрад, даже не представляете, на пороге каких грандиозных открытий стоит сейчас германская наука. Последовательным воспитанием расового духа, основы которого были заложены нашим величайшим фюрером, мы поставили магические силы на службу белому человеку. Уже сейчас многие из истинных арийцев могут невербально общаться мыслями, а впереди достижение индивидуального бессмертия и способности общаться с душами умерших и проникать в прежние эпохи, о чем мечтали десятки поколений наших предков.

Надо сказать, что упоминание о телепатических способностях истинных арийцев, в числе которых входил, к примеру, Харальд, меня немало испугало. Ведь эти «экстрасенсы» запросто могут подслушать мои мысли, и мое, если так можно выразиться, инкогнито будет раскрыто. Но раз уж назвался груздем, так полезай в кузов. С момента моего здесь появления я был вынужден во всем следовать планам моего двойника, который явно что-то затевал.

Когда я увидел жену и дочь профессора, я понял, что насчет индивидуального бессмертия он, скорее всего, не шутит: я долго не мог понять, кто из них кто. Наконец, по одеяниям я догадался: девушка постарше в вечернем платье, буд-

то сотканном из лебяжьих перьев – это тётя Свава, а девушка помладше в студенческом вицмундирчике с серебряным «поэтическим» аксельбантом – ее дочь Ингрид. На глаз разница в возрасте не превышала десяти лет.

На первое подали отличные грибы, приготовленные по-венгерски прижаренными в мучной оболочке, и блюда с микроскопически нарезанным салом. На взрослом конце стола (был еще брат тети Свавы, норвежец Хайнрих Сульхейм, управляющий одной из нефтяных вышек в Норвежском море, пришедший с супругой) разговор шел о своем, а мы, молодежь, слушали похвальбу Харальда (вот уж кто любил хвалиться, точно исландский скальд). Перво-наперво он рассказал мне о своих романах с крестьянскими девушками из окрестностей замка Кампенгаузенов близ Алленштейна в Восточной Пруссии. Видя ироническое выражение лица своей сестрицы, он добавил:

– В сущности, разница между дворянством и крестьянством символическая, и Шпенглер об этом же пишет, – он подлил себе рейнского.

(В Германии культ села и сельского образа жизни: любой гроссбуауэр ставит себя на две головы выше любого бюргера).

– Ты забываешь, – возразила Ингрид, – что крестьяне Восточной Пруссии – потомки германизированных балто-прусов, и поэтому относятся не к скандинавской, а к балто-славянской расе.

– Отнюдь! – возразил Харальд. – Именно Восточная Прус-

сия наиболее расово чиста во всем Рейхе. Ведь среди «Фрау Германия» больше всего восточно-прусских уроженков.

Азарт, с которым они спорили о расовых проблемах при выборе милой сердцу, мог бы вызвать изумление, если бы я не помнил, как девушки демократической России с третьей фразы при знакомстве ревностно сверяли гороскопы – и горе тебе, если они не совпадали! Что же касается конкурсов «Фрау Германия», то они проводились вовсе не с целью затащить как можно больше смазливых девушек в постели жюри. Когда Харальд на минуту отлучился, Ингрид кивнула мне:

– И вот таким безответственным людям доверено великое дело государственной безопасности Рейха. Ну, вас, наверно, такие проблемы не волнуют.

– Сталин решил еврейскую проблему таким образом, что евреи работают на нашу страну. И до сих пор терять эту рабочую силу не было надобности.

– И вам не противно ездить с евреями в метро и сидеть в школе за одной партой? – изумилась Ингрид, которую эта перспектива просто ужасала.

– Это еще что! – поспешил вмешаться Харальд, желая показать себя знатоком российской жизни. – У них даже студенты-негры из Эфиопии и Анголы обучались. Попомни моё слово, Вальдемар, этот альтруизм вас погубит.

Я сменил тему:

– А что, у вас действительно бытуют дуэли?

– А как же! – оживился Харальд. – Это вполне законно и

называется «Суд Всевышнего Вотана». Правда, принято это только среди дворян, военных и в университетах. Один мой приятель в прошлом году погиб на такой вот дуэли. С другой стороны, все это строжайше регламентировано законами, и это немного портит общее впечатление.

– Странно, мне казалось, что вашей системе ближе мнение кардинала Ришелье, что дворяне имеют право умирать только на службе королю.

– Ах, социализм! Социализм в нашей стране – это забава масс. Для истинных рыцарей Святого Грааля эта мораль не годится. Сам величайший фюрер долго колебался, прежде чем назвать нашу партию социалистической. Но сейчас это не актуально: социальные проблемы в общем решены, и от человека требуется не общественная инициатива, а верность присяге.

За разговорами я не забывал отведать всех блюд, которые итальянская прислуга подавала на стол. За отличными баварскими колбасками с кетчупом последовали соленые огурцы для аппетита и гусь с яблоками. Потом целое ассорти рулетиков-штрудель и микробутерброды с явно русской икрой горбуши. Запивали мы все это отличными рейнскими винами.

После ужина Ингрид пригласила нас в комнату с роялем и спела одну из своих песен о смелых немецких космонавтах, штурмующих небо и благославляемых из могилы стариком Кантом. Я же заметил целую фонотеку лазерных дисков и

стал их перебирать: они были с чисто немецкой пунктуальностью рассортированы по жанрам и хронологически. Начиналось все с народных песен, потом шли пятнадцать дисков со средневековой немецкой музыкой, потом классика – Глюк, Бах, Вагнер, Шуман, Штрауссы, Лист, далее отец национал-социалистической музыки Пфицнер и венец Франц Легар, любимый композитор Гитлера, потом партийные марши и сборник музыки из кинофильмов, среди которых затесались «Джентельмены предпочитают блондинок» и «Кубанские казаки». Наконец, несколько совершенно неизвестных мне фамилий – корифеи немецкой музыки конца XX столетия. Я поинтересовался у Харальда об одном из них (кажется, его звали Фридрих Этцель), и он поставил его диск на проигрыватель. Это были вариации на темы Вагнера, музыка по стилю слегка смахивала на известный мне «Нью-Эйдж», и в то же время напоминала стиль Жана-Мишеля Жара.

– Этот стиль называется «Бургундская музыка», – пояснил Харальд на мое замечание о галлицизме мелодии.

– Кстати, – решил я спросить об одной вещи, давно меня интересовавшей, – это верно, что Йозеф Геббельс в молодости написал несколько пьес в стиле Достоевского?

– И не только в молодости! Вот, пожалуйста, – Харальд показал мне в библиотеке огромный темно-коричневый массив книг, который я поначалу принял за Большую Фашистскую Энциклопедию. На самом деле это было полное двести-пятьдесятчетырехтомное собрание сочинений второго фю-

рера немецкого народа – Йозефа Геббельса. Это было самое гигантское в мире собрание сочинений, благо автор трудился над ним семьдесят лет. Харальд пролистал последний, справочный том и подал мне его, раскрытый на сороковой странице.

В обширной библиотеке ромбовидной формы было не меньше десяти тысяч томов: монотонно-многотомные собрания сочинений, яркие зоологические атласы в суперобложках.

– У вас в России какие-нибудь анекдоты о немцах рассказывают? – ни с того ни с сего спросил Харальд.

– Да. (Я как раз вовремя вспомнил самый безобидный анекдот.) Как-то раз ООН... то есть не ООН... а, в общем, в СССР решили написать книгу о слонах, ну и запросили во всех прочих странах соответствующие образцы. Немцы прислали массивный десятитомник, вроде как этот, озаглавленный «Введение в науку о слонах», американцы прислали маленький яркий буклет страницы в две с фотографией Мадонны и названием «Все, что должен знать о слонах средний американец»...

Харальд уже давился от хохота.

– Японцы прислали книгу на бамбуковой дощечке на тему «Использование слоньего бивня в харакири» (тут уж я стал импровизировать, примеряясь к известной Харальду геополитической обстановке). Англичане прислали свой трехтомный бестселлер...

– Бест... что?

– Бестселлер... ну, книга сезона, – пояснил я. – «Британская политика в странах, где водятся слоны». А туркам ничего другого не оставалось, чтобы прислать свою агитационную брошюрку «Турецкий слон – младший брат русского слона!»

– Длинно и увлекательно. Это целый культурологический трактат. У вас все анекдоты такие?

– Нет, почему? Например, такой: «Колобок повесился».

– Кто повесился?

– Колобок, сказочный герой – пампушка, которую старики-крестьяне выпекают в печке и которая от них убегает. Суть состоит в том, что у пампушки нет ног, она круглая как глобус.

– Это же неэстетично. Среди разумных существ лишь белый человек прекрасен видом и совершенен формой. Наделение разумом неживых существ – это какая-то новая демонология, вернее, пошлый кубизм. Русский философ Бердяев, которого вы выгнали из страны, осуждал это.

(Оказывается, в Германии из всего Бердяева напечатали лишь «Философию неравенства» и «Кризис искусства».)

Тут снова появилась прислужница и подала нам на эмалированной подносе бочоночки с медом алого оттенка.

– Это особый арийский мед, получаемый от арийских пчел, которых привез из Тибета доктор Шеффер, – сказал Харальд.

Поедая довольно приторный мед, я продолжал рассматривать библиотеку. Гегель, Гете, Ганс Эверс, Киплинг, Эрнст Юнгер, Гобино, Данилевский, Гоголь, Гвидо фон Лист, Горбигер, Плотин, Карл Май, Татищев, Мережковский, Кнут Гамсун, Аннунцио, Лесков.

– Тебя удивляет подбор книг? – спросил мой немецкий друг. – А у вас какие самые популярные авторы?

– Аркадий Гайдар, – выдавил я, припомнив повсеместные многотомники этого девяностолетнего старца. – А из немецких – Гете и Ремарк.

(Я было подумал, что фамилия Ремарка ничего не говорит моему собеседнику, но ошибся.)

– Да, – согласился со мной Харальд, – Ремарк, несомненно, талантливый писатель, но, увы, его взгляды противоречат нашей немецкой идеологии. Это великая трагедия для человека, когда он отказывается от своей нации, от своей вековой традиции и меняет их на бесплодные блуждания в чужих пределах... Ведь они почти ровесники с Геббельсом: оба – пасынки веймарской эры, но сколь различны судьбы. Рейхсминистр, впоследствии Фюрер – и безвестный эмигрант.

Потом мы с Ингрид долго и безрезультатно играли на компьютере (в Германии компьютеры иногда называют «Вундербаррауге» – чудесный глаз) в бридж. Моя сводная сестра, дочь полковника, очаровательное соломенноволосяе дитя пяти лет нарисовала целое стадо коров на деревенской околице, что мы и оценили.

Перед сном (мы с Харальдом делили одну комнату в мансарде) он сказал мне:

– Завтра (мне твоя мама говорила) ты поедешь «лечить клыки», как она выразилась. Потом, если желание после такой процедуры будет, покажу тебе Берлин, а послезавтра отправляемся в наш родовой замок – познакомлю тебя со своими подружками, – Харальд прищелкнул пальцами.

– Да, нет, мои зубы в порядке, я лечил их в декабре! – возразил я.

(Это было удивительно до невероятности: история повторялась – в конце прошлого года мама договорилась с одним дантистом, мужем ее сотрудницы, и я за месяц привел челюсти в порядок – я имею в виду мой бывший мир. Ну, не говорить же ей, что ее старания уже увенчались успехом).

А Харальд о своем:

– Ах, я же забыл, ты – человек женатый.

– Ничего страшного, – парировал я, – знакомство с твоими подружками меня ни к чему не обязывает.

– И то верно.

Утомленный морем впечатлений, я тут же уснул.

АВЕНТЮРА ТРЕТЬЯ, в которой мы с Харальдом попадаем в скверную историю, но все заканчивается благополучно

*Честь, доблесть, великодушие, жизненная сила
– основные черты германского характера.
Монтескье.*

Проснулся я от того, что кто-то властной рукой качал большую лодку, в которой я сидел во втором или третьем сне. Очнувшись, я увидел Харальда, уже бодрого, одетого и причесанного (у немцев распространены два типа причесок: «гитлеровский» пробор и «геббельсовский» зачес назад – первый встречается у пожилых людей, второй – у молодежи).

– Вставай, Вальдемар. Уже семь часов!

Оказывается, немцы – нация в высшей степени дисциплинированная – живут по солнцу: встают с его восходом и ложатся вскоре после заката. Это должно вызвать восторг у большей части экологов, тем более что белых ночей, равно как и полярных, в Германии нет.

Я не сразу пришел в себя, заторможенно оделся, а когда узнал, что нас ожидает зарядка босиком на снегу, категори-

чески воспротивился.

– Странно, – покачал головой Харальд. – Насколько мне известно, Россия – достаточно физкультурная страна.

– Это верно, но не до такой же степени! Харальд, ты не учитываешь климатического фактора. У вас в Рейхе десять градусов – уже мороз, а у нас и тридцать бывает.

– Это хорошо. Мы нации нордические и ничего общего не имеем ни с этими лакированными обезьянами, которые разжирили на импорте нефти, ни с негроидными пляжными проститутками.

Воспитанный в советском, а впоследствии в постсоветском интернационализме, я раз за разом поражался сочным эпитетам, которыми Харальд ничтоже сумняшеся награждал народы, как дружественные, так и враждебные Германии: «макаронники-итальянцы», «вонючие румыны», «лакированные арабские обезьяны», «педерасты-американцы». Харальд уверял меня, что все бордели Рейха комплектуются из француженок и полек (поляков в Рейхе осталось лишь несколько миллионов – меньше, чем в США), что негры, евреи и цыгане – не люди, и даже не животные (трагедию Отелло немцы считают трагедией Дездемоны).

Пока я, тепло одетый, прохаживался по двору усадьбы, протирая талым снегом лицо, Харальд отжимался и кувыркался через голову, потом растерся до пояса снегом, обдал меня тучей снежных брызг и залпом выпил рюмку коньяка, стоявшую на столике возле крыльца. Выходило бледно-крас-

ное в зимней пелене облаков солнце, было довольно тепло и безветренно. Никем, кроме меня, не замеченный почтальон в утепленном кителе почтового ведомства опустил несколько газет в почтовый ящик у калитки. С запада со стороны Зеебурга донесся грохот тяжелого товарняка.

– Все вы, русские, какие-то сони, – ворчал Харальд. – Твоя мама тоже иной раз к полудню просыпается.

– Это от недостатка гемоглобина, – возразил я.

Через два часа мы с Харальдом уже ехали в сторону центра города на взятом напрокат довольно подержанном «Рено». Перед отъездом Харальд сказал, что мне лучше всего облачиться в военную форму, поскольку штатский человек в Рейхе не смотрится, и девушки на всех вечерах ищут ладную армейскую или эсэсовскую форму, из-за чего даже многие сынки промышленников и оптовых торговцев давно сменили фраки на френчи. В ответ на мои опасения, что появление туриста из России в эсэсовской форме вызовет нежелательные недоразумения, Харальд высмеял «распространенное в России мнение, что в Рейхе на каждом перекрестке здоровенные детины со шмайстерами проверяют документы у держащих руки за головой обывателей». Я одел его яркую парадную форму старшего курсанта Гейдельбергской танковой академии войск СС им. Хорста Весселя со множеством аксельбантов и блестящими эполетами (правда, сверху на мне был мой неизменный китайский пуховик, и я мог похвастаться, что нигде в мире, от сияющих демократических пляжей

Калифорнии до плацпарадов Страны Восходящего Солнца, второго такого нет – китайские рисовые поля продолжали стагнировать под японским протекторатом).

Первым делом – по моей инициативе – мы посетили Зоологический музей, где полвека назад хаживал Штирлиц, проехали мимо Караула № 1 и оказались у Рейхстага, выходящего фасадом на Кенигс-плац. Справа в отдалении виднелись Бранденбургские ворота, которые я вчера умудрился не заметить. В другой стороне – в направлении рабочего района Моабит – был ясно виден гигантский как гора Большой Зал Рейха. Я ещё никогда не видел такого колоссально-го здания (хотя уже перед отъездом обратно в Россию я случайно увидел в новостях не менее гигантский Дворец Советов в Москве; его все-таки построили на месте взорванного Кагановичем Храма Христа Спасителя пятьдесят лет назад).

Харальд был отменным гидом, и к середине дня я знал о Берлине почти все. Мы закусили в ярко освещенном (еще одна берлинская особенность) ресторане на Бюлов-штрассе и поехали в дальний конец города, где Харальд должен был встретиться со своим давним другом, уже месяц кряду зазывавшим его на карнавал, устраиваемый у него в усадьбе. Работал друг Харальда на станции глушения западных вражеских голосов. Здесь – в Мариенфельде – действительно стоял у входа во двор патруль с автоматами, но Харальд сказал им скороговоркой несколько слов, и нас пропустили без малейшей проверки. В главном корпусе за застекленными дверь-

ми слева и справа по коридору слышался визг приемников, стрекот пеленгаторов и негромкие разговоры персонала. Искомый нами Ганс Ортвин фон Гюнше был в акустической – большой комнате, где прослушивались западные радиопередачи, и откуда в аналитические центры поступали громоздкие бобины со звукозаписью. Служащие станции глушения подобны платоновским мудрецам, которые, зная обо всех возможных альтернативах (то бишь валенах), предоставляют публике единственно правильную.

Коллеги Гюнше ушли в буфет, а он сам торопливо запикивался чем-то вроде гамбургера, контролируя жужжание звукозаписывающей ленты.

– Дойчланд юбер аллес!

– Дойчлалд юбер аллес!

(Хрестоматийное приветствие «Хайль Гитлер!», общепринятое еще тридцать лет назад, после смерти Гитлера как-то вышло из употребления, особенно когда Геббельс в начале семидесятых взял курс на национал-консерватизм, и было заменено «общегерманским приветствием»).

Нелепость моего наряда из парадной эсэсовской формы и китайского пуховика с английской надписью «Мэйд ин Чайна» едва не рассмешила Ганса.

– Это Вальдемар, – представил меня Харальд, – Он из России, мой сводный кузен.

– А я был в России, – кивнул Ганс, – в Готтенланде. Мне очень понравилось, только одно плохо – слишком много ев-

реев, и они отвратительно ведут себя в общественных местах.

(Готтенландом в Германии называют Крым, полагая крымских татар потомками готов).

Пока я рассматривал оборудование, Харальд и Ганс скороговоркой переговаривались о каких-то делах. До меня несколько раз донеслось слово «Норд-карнавал».

– Ну и что вы здесь глушите? – поинтересовался я.

– Англичан и американцев: «Би-би-си», «Свободу», «Свободную Европу», голлистов. Иногда и вас приходится, – он пожал плечами. – Хрущев одно время вел коммунистическую пропаганду по радио на немецком языке. В этой акустической «Свобода» прослушивается, – он прибавил громкость. Зазвучали характерные позывные:

– Гринвичское время – двенадцать ноль-ноль, – сообщал по-немецки шепелявый голос. – Говорит Радио «Свобода» из Дувра. В эфире полуденный выпуск новостей. Читает Ева Либерман.

– Совместные англо-американо-канадские военно-морские учения у берегов Исландии. Казнь в Берлине лидеров антинацистской организации «Белая роза». Военный переворот в Парагвае. Представители крупнейших американских правозащитных организацией заявили, что превратят в ад жизнь Тонио Вендиса – американского актера, допустившего в последнее время ряд антисемитских высказываний. Таковы основные темы нашего полуденного выпуска новостей...

Ганс убавил громкость и спросил Харальда:

– Вы собираетесь посмотреть казнь на Александер-плац?

– Нет. По телевидению ведь покажут.

– Неравноценная замена.

– Вальдемар, Ганс приглашает нас на карнавал в свое поместье. Сегодня вечером. Мы еще успеем домой и купим по дороге пишущую машинку для Ингрид.

– Да он тут все рассматривает с таким удивлением, – усмехнулся Ганс, – как будто там у них ничего не глушат, – и снова прибавил громкости:

– Наш гость сегодня вице-президент Американской лиги борьбы за права негров Фата Мара, некогда бывший бенинским студентом в Московском Университете Дружбы Народов имени Патриса Лумумбы. Скажите, Фата, о вашем самом сильном впечатлении от Советского Союза.

– Моим самым сильным впечатлением от Советского Союза было полное отсутствие в этой стране негров. Вначале я думал, что так обстоит на самом деле, однако вскоре я убедился, что стал жертвой советской пропаганды. Значительное количество расовых топонимов на территории России: Белоруссия, Белгород, Белая Церковь – и, с другой стороны, Черная Речка в Ленинграде (где, кстати, расистами был злодейски убит эфиопский поэт Сандра Пушкин), Чернигов, Черновцы и другие – ясно указывает на наличие в СССР значительной негритянской массы, что тщательно скрывается официальной советской идеологией...

Мы уже собрались уходить, когда в акустическую ворвался полный офицер и заорал раскатистым голосом:

– Хальт! Посторонние в акустической! К стене! Руки вверх!

Не успел он нас как следует рассмотреть, Харальд ловким движением тигра кинулся к окну, распахнул его и, не раздумывая, прыгнул. Я, скорее инстинктивно, чем осознано, последовал за ним. Мы прыгали с высоты второго этажа, но на наше счастье под окном высился обширный сугроб рыхлого снега. Я больно ушиб лодыжку и, мельком повернувшись в сторону окна, увидел, как офицер, сияя эполетами в лучах появившегося на краткий миг из-за снеговых туч солнца, прыгает за нами. Харальд кивнул мне и бросился к машине. Но прежде надо было обогнуть длинный гараж и перелезть через двухметровую каменную ограду. Офицер у нас за спиной орал как резаный и явно желал поднять тревогу. Из окон соседних корпусов уже выглядывали любопытные служащие. Бегущий впереди меня Харальд выглянул из-за гаража и остановился – у ограды прохаживался патруль: ветер был в нашу сторону, и они, видимо, еще не слышали воплей нашего преследователя. Офицер, размахивая пистолетом, приближался.

Тогда Харальд вынул из кобуры свой «люгер» и выстрелил в воздух – сухой треск разнесся по округе, и с дерева, под которым в этот момент пробежал офицер, взлетело на удивление много птиц. Офицер остановился и тоже выстрелил

в воздух. Это был какой-то условный знак, после которого преследователь и преследуемые пошли навстречу друг другу. По мере того, как офицер приближался к нам и разглядывал наши лица, лицо его (очень похожее на лисью морду) скривилось в зловещую улыбку-гримасу.

– Кампенгаузен, мальчик мой! – воскликнул он, когда мы подошли поближе. – Какой тролль занес вас на секретный объект?!

– Господин оберштурмбанфюрер! мы с кузеном зашли к старому приятелю, который, не покладая рук, трудится на рубежах безопасности Рейха.

Было видно, что Харальд испугался не менее моего, но в его голове уже проскальзывали нотки легкой иронии.

– А как же вы, черт бы вас взял! прошли через пропускной пункт?! – «люгер» офицера был все еще нацелен на нас.

– Я сообщил им наш тевтонский пароль, знанием которого обязан вашим урокам, господин оберштурмбанфюрер.

– А известно ли вам, герр Харальд фон Кампенгаузен, – будучи сыном лавочника, он скривил губы на слове «фон», – что я вправе задержать вас и вашего, – он кивнул на меня, – кузена, препроводить вас под караулом на Принц-Альбрехт-штрассе, где вы и будете в обществе масонов и гомосексуалистов дожидаться решения вашей судьбы военным трибуналом СС?

По лицу Харальда я понял, что такая перспектива весьма вероятна. Но сам Харальд и не думал сдаваться:

– Общество масонов и педерастов в сто раз горше гильотины, господин оберштурмбанфюрер, а посему я сочту моим долгом истинного арийца сообщить следователям гестапо кое-какие подробности, касающиеся морального облика отдельных преподавателей нашей прославленной Академии танковых войск СС, дабы мое заключение было скрашено приятным обществом одного из них.

– Вы на что намекаете, курсант Кампенгаузен? – офицер явно забеспокоился. Штаны галифе вносили в его образ пятидесятилетнего служаки какое-то ребячество.

– Я намекаю на ваше явное равнодушие к кварталам Кройцберга, а особенно к тамошним заведениям, существование которых объясняется слабым расовым сознанием некоторых членов нашего общества, и посещение которых ни в коем случае не простительно офицеру СС, господин оберштурмбанфюрер. Если я пострадаю, для вас это тоже так просто не сойдет.

– Вы мерзавец, Кампенгаузен, – отозвался после некоторого раздумья офицер. – Я понял это в тот самый момент, когда увидел вашу наглую физиономию за партой в Шенвальде. Вы думаете, что вашей баронской крови все позволено! Что ж, на сей раз ваша взяла... но я отомщу вам, я вам жестоко отомщу! Вы у меня будете живым хронометром на всех моих лекциях до самого Дня Рождения Гитлера! Не забывайте, что я подписываю вашу характеристику! Убирайтесь отсюда!

– Слушаюсь, господин оберштурмбанфюрер!

– Хальт! А что это ваш кузен в парадной форме нашей Академии, но я что-то не припомню его физиономии? Вы с какого курса, милейший?

– Он... – Харальд на минуту замялся, – господин оберштурмбанфюрер, он из России...

– Фольксдойче? – офицер растерялся не менее Харальда.

– Так точно, господин оберштурмбанфюрер!

– Помните, молодой человек, – это офицер сказал уже мне, – что всякий немец, живущий в России, является знаменосцем национал-социалистической революции на Востоке, живым свидетельством всепобеждающей силы Тевтонской Идеи и Германского Гения!.. Не знал я, Кампенгаузен, что у вас родственники за пределами Рейха.

– Господин оберштурмбанфюрер, вы можете прочесть это в моем деле, где я еще полтора года назад указал, что мой дядя женат на русской.

– Убирайтесь к чертям, Кампенгаузен, не злите меня!

– Слушаюсь, господин оберштурмбанфюрер!

Мы уже въехали на машине в черту оживленного движения и городской жизни, оставив позади полусельские предместья Гросс-Берлина, когда Харальд заговорил о происшедшем:

– Старый служака, неудачник, ему всегда достается от начальства. Это, как ты догадался, наш преподаватель Национал-социалистического мировоззрения... буквоед. Соль моих реплик в том, что я цитировал его же лекции, особенно

по поводу масонов и гильотины: это его любимая тема. На каждом занятии он рассказывает одну и ту же историю, давно ставшую легендарной, как один асоциальный тип предпочел бегству на загнивающий Запад явку с повинной в гестапо и на эшафоте, самоотверженно укладываясь под нож гильотины, заявил, что лучше секунду жить в арийской стране, чем всю жизнь прозябать на загнивающем Западе. У нас даже шутили, что если на экзамене пересказать ему эту захватывающую историю, то полдела будет сделано.

– А что такое живой хронометр?

– Как у вас в школах наказывают учеников?

– Больше орут, и вообще в основном моральное воздействие: в сельских школах лет пятнадцать назад был обычай выставлять провинившихся на общее осмеяние на линейке младших классов.

– Э, вы еще не знаете настоящих наказаний! Правду, значит, говорил наш преподаватель расовой психологии: славяне рыхлы и женственны, они – природные диалектики, склонные скорее к болтовне, чем к активным действиям... Человек, наказанный «живым хронометром», должен, стоя слева от кафедры под кабинетными часами, причем спиной к ним, отсчитывать по секундам все сто двадцать минут лекции и при этом еще улавливать тему лекции. И не дай бог, ты ошибешься на пять секунд!

– М-да, не балуют вас... У нас преподаватели до такого не додумываются. Зато мы должны выслушивать все их част-

ные мнения и хотя бы для вида с ними соглашаться. Один очень любит хвастаться, что в его семье автомобили были с 1909 года, только во время войны автомобиль конфисковали и выдали расписку, по которой...

– Во время какой войны? Четырнадцатого года?

– М-м... нет! во время японской, пятьдесят второго года... А у вас бывают случаи захвата террористами самолетов? – поспешно сменил я тему.

– Раньше были, теперь нет.

– Почему?

– Да потому что мы ничего общего не имеем с этими дебилами-янки, которые в последнее время дошли до того, что посылают к террористам психологов, следящих за их самочувствием и заботливо снимающих стрессы!!! Если этому американскому дерьму так нравится, туда им всем и дорога! У нас в семьдесят третьем, когда я родился, захватили лайнер Люфтганзы в Лайбахе, двое мужчин и одна женщина. Но недаром мы, германцы, славимся своей тевтонской хитростью: мы их обманули и взяли без единого выстрела. А потом их казнили мучительной казнью на Александер-плац, и особенно женщину: в Америку ей поиграть захотелось! вот ей и устроили настоящую Америку!

Я кажется, задел своим вопросом какую-то тонкую струну его натуры, и Харальд высказался начистоту, хотя, как и все немцы, он всегда сдержан.

Мы вновь оказались в центре. Был зонтаг, и множество

людей спешили за покупками и увеселениями. Мы вошли в центральный хандлунг Берлина: Харальд приобрел новенькую электронную пишущую машинку для Ингрид, а я, побродивши по переходам пятиэтажной громады хандлунга, оказался в игрушечном отделе и вспомнил, что мама просила купить что-нибудь для Аскольда – сына моей тети, ее младшей сестры. В игрушечном отделе громоздились гигантские, в рост ребенка рыцарские замки, которые по мановению руки с пультом управления опускали и поднимали мосты и палили из пушек. У стен замков гарцевали и строились солдатики всех времен и народов: в большинстве, естественно, из германской истории – большей частью заводные и самодвижущиеся. Дальше шли модели танков, самолетов, подводных лодок, ракет «Фау» и «Маргарита»; центр отдела занимала огромная детская железная дорога под стеклом. Тут же продавалась национал-социалистическая символика: флажки, детские эполеты, игрушечное оружие, стилизованное под настоящее. Еще дальше – целый отдел охотничье-альпийской тематики: на фоне альпийских лугов с цветущими эдельвейсами ежеминутно разыгрывались сцены охоты молодых блондинов в альпийских шляпах на оленей и медведей. В следующем отсеке можно было приобрести все мыслимые и немыслимые пляжно-спортивные принадлежности, а стройный спортсмен на большой картине в массивной раме подавал детям благой совет: «В здоровом теле – здоровый дух!» Начисто отсутствовали плюшевые медведи,

идиотские маски и прочая демократическая чепуха. Зато в набор дротиков для метания входили две мишени, нарисованные на лбах китайца и негра. Ничего специально предназначенного для девочек я тоже не заметил, и под конец купил большую ладью с резиновыми викингками на борту. С этим я и вернулся к уже заждавшемуся меня Харальду, который коротал время у обзорного магазинного телевизора, позволяющего под одним углом зрения видеть весь центральный зал, а под другим – самого себя.

– Странно, – сказал я, когда мы садились в машину, – что у вас отсутствуют игрушки для девочек.

– Так это ж был мальчишеский отдел. А девчачий – налево. Там сплошное домоводство: куклы, посуда, детская мебель – в общем «Кюхен. Киндер. Кирхен»...

Мы рассмеялись.

– У нас ведь все иначе, чем в этой дебильной Америке. У нас женщина считает своей ролью и долгом быть спутницей мужчины. И если женщина берет порой в руки меч, то лишь затем, чтобы вовремя подать его своему мужчине... Моя сестрица, правда, с этим не согласна. Она хочет быть валькирией. Но ничего – к двадцати пяти годам она перебежится и поймет, что все равно лавры Ханны Райч для нее недоступны...

Харальд – типичный немец, грубость и романтизм в нем нераздельны.

АВЕНТЮРА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой я попадаю на нордкарнавал, а Харальд становится героем дня

*И опять немецкой кровью
Можно миру дать здоровье.
Гейбель.*

Женщина в штанах выглядит в Рейхе оскорблением общественной нравственности, и поэтому, когда мы – я, Харальд и Ингрид – прибыли в громадное поместье фон Гюнше, в холле, где мы по обычаю богатых немецких поместий расписывались в гостевой книге, нас встретило множество девушек, одетых в яркие робронды времен Фридриха Великого. На их фоне выделялись молодые люди в мундирах. Карнавал был посвящен какой-то гетеанской дате.

Поместье заслуживает особого описания. Это был огромный ансамбль, по размерам раз в десять превышающий усадьбу Кампенгаузенев. Летняя часть дворца, иначе его и не назовешь, представляла из себя обширную веранду на фасаде под фигурным готическим перекрытием на неожиданно массивных, почти дорических десятиметровых колоннах. Здесь принимали гостей в теплый период года. За колонна-

ми, которым мог бы позавидовать и Исаакиевский собор, виднелась парадная дверь, увитая праздничными фонариками. Два привратника растворили перед нами двери, а один из них процитировал, уже не помню что, из Гете.

Внутренность этого огромного замка больше походила на внутренность музея или театра, чем на обыкновенное жилище. По словам Харальда, прадед Ганса участвовал в африканском походе Роммеля и, вернувшись, выстроил этот дворец в подражание крестоносцам. Вокруг действительно были расставлены блестящие рыцарские доспехи, а высокие как в Эрмитаже потолки отражали свет сотен прикрепленных к стенам на разной высоте факелов, горящих трескотным синим пламенем (гораздо позже я догадался, что это не факелы, а стилизованные под них газовые горелки).

Наше появление произвело большой фурор, и в нашу честь зазвучал хор пилигримов из «Тангейзера». Харальд оказался героем дня: все наперебой распрашивали его о «смелом прыжке со скалы Ландсберг» и «преследовании злого карлика Регина, который мечи-то нам выковывает, но тут же норовит хвост прищемить».

– Господа, – отстреливался Харальд, – подвиг, как известно, наказуем, и меня ждет тоже самое. Этой старой лисе потребовался живой хронометр, и тут уж я к его услугам до самого Дня Рождения Гитлера. Как говорится, не прыгайте со второго этажа.

С минуту я провел на втором плане и наблюдал немцев

со стороны. Они – полная противоположность моим бывшим соотечественникам (я имею в виду демократическую Россию, о которой уж стал порядком забывать) – не имели и следа самокритичности, и воспринимали похвалы безо всякой ложной скромности, самую малость приправив все это иронией, даже не над собой, а над моментом. У них повсеместное пристрастие к цитатам из классиков, так что, сдается мне, они даже в постели с девушкой цитируют Клейста.

– Господа! – обратил наконец на меня всеобщее внимание Харальд. – Хочу представить вам моего кузена! Он из России прорвался к нам через железный занавес, и, как видите, вполне симпатизирует нашей культуре.

Я (а я, как вы помните, был в парадной эсэсовской форме) поздоровался за руку с двадцатью или тридцатью курсантами и тут же забыл, как их зовут. У девушек полагалось целовать руку, но я тоже никого не запомнил. Тем временем хор пилигримов закончился, и мы пошли в просторную залу с огромным ступенчатым столом, во главе которого на самом верху помещался хозяин, а гости местническим образом пониже его.

Мы с Харальдом в обществе трех девушек и одного молодого человека, странно похожего на одного из моих однокурсников по СПбГУ, уместились на третьей «ступени» сверху. Подали фрукты и рейнские вина марки «Рейнеке-Лис». Прислуга тоже вся была экипирована согласно эпохе. Факелы громко стрекотали под потолком. Человек, похо-

жий на моего однокурсника, сказал, что изучает Россию в пражском Институте Востока. Он, пожалуй, единственный из всех присутствующих мужчин не был военным, хотя тоже носил мундир темно-оливкового цвета.

– А правда ли, – спросила его одна из девушек, – что в России пишут о Германии такие ужасы, что волосы дыбом встают.

– А это вы вот у кого спрашивайте, – кивнул на меня студент-восточник, его, кажется, звали Зигфрид. И пока я собирался со словами, он достал из нагрудного кармана небольшую скромно окрашенную брошюру страниц на пятьдесят на русском и протянул мне. Брошюра называлась «Обыкновенный фашизм-93» за авторством С.А.Штейнфинкеля и дышала такой злобой, такой ненавистью, что, казалось, автор сейчас выскочит со страниц и вопьется в горло неосторожному читателю.

– Поверьте, – отвечал я, возвращая брошюру, – что в России много истинных друзей Германии, и один из них перед вами. А на эту – не за столом будь сказано – читанину можете не обращать внимания. В Средней Азии есть поговорка: «Собака лает, караван идет».

Этот афоризм пришелся по вкусу моим собеседникам, а любознательная девушка в вицмундире Магдебургского университета продолжала задавать – на сей раз мне – вопросы о России:

– А верно ли, что в России приняты ранние браки? Я где-

то читала, что Ивана Грозного женили в двенадцать лет... Существуют ли у вас дуэли из-за женщин? Вся русская литература полна описаниями таких дуэлей.

Надо сказать, женский вопрос в Советской России 96-го года был мной изучен, мягко говоря, слабо. Но я не упустил случая как историк указать на известную ошибку Горсея на счет женитьбы Ивана Грозного. Потом пошли тосты, которые немцы провозглашали с чисто грузинским колоритом. Оказалось, что многие мои собеседники бывали в СССР как туристы, и вообще с некоторых пор это не проблема. Наиболее популярное направление таких вояжей – Готтенланд, то бишь Крым.

Зигфрид что-то вспомнил и сказал мне:

– Вальдемар, вы не могли бы говорить со мной на русском? – его русский язык был весьма неплох.

Потом начались танцы: менуэт и какие-то другие, мне неизвестные. Танцевальная зала была разукрашена еловыми ветвями, которые немцы держат в своих домах от Нового Года до Равноденствия. По стенам в нишах стояли литые статуи древнегерманских богов.

– Наша современная мифология, – объяснял мне словоохотливый Зигфрид, с которым мы решили выпить на брудершафт отличного рейнского, – вполне уживается с абстрактной наукой. Вы, государь, конечно, читали Оруэлла. Он у нас широко не прессуется, но я читал. Так вот, Оруэлл пишет о двоемыслии, и что же в нем плохого? Это еще Ар-

хилох писал: «Живи так, будто ты бессмертен, но помни, что ты можешь завтра умереть».

Потом я танцевал с той самой любопытной девушкой, ее звали вроде бы Магда, которая и теперь не теряла времени:

– А верно ли то, что в России в Бухаре в каком-то музее можно увидеть «чашу Рустама» в сто литров и кнут, которым можно погонять мамонтов?.. А правда ли, что ваши врачи надеются когда-нибудь оживить забальзамированного Ленина? – спрашивала она. Я отвечал, что знал.

Надо сказать, что та негритянская тамтамщина, которая гордо именуется «современной музыкой», в Германии принципиально отсутствует. Ту музыку, под которую мы танцевали, я бы назвал постсимфонической; она строилась на плавном перетекании лейтмотивов с рядом неритмичных «скачков» звука, режущих эту симфоническую макаронину на части. Впрочем, это мое личное и непрофессиональное впечатление.

В разгар танцев – было уже около одиннадцати вечера – появился сам хозяин, который пригласил всех нас к огромному – метр на метр – телевизору, по которому должны были вот-вот показать казнь масонов. А пока что с экрана звучала бетховенская музыка (та самая, что в «600 секундах»), и время от времени голос диктора объявлял:

– Германцы, приготовьтесь к важному официальному сообщению.

К нам присоединились слуги и уже довольно почтенная

бабушка Ганса: всем полагалось присутствовать при таких мероприятиях, все должны были демонстрировать единство при любых событиях и сообщениях.

Наконец на экране появилось изображение Александер-плац, окруженной со всех сторон солдатами СС. В центре ее возвышался помост с гильотиной. Стража вела восьмерых приговоренных. А диктор пояснял:

– Смотрите, германцы. Эти люди отказались от права первородства самой высшей в мире нации. Они променяли нашу священную арийскую кровь, наше безоблачное тевтонское небо, нашу твердую германскую почву на бредовые идеи подлой свободы, губительного равенства и кровосмесительного братства. Продавшись врагам рейха, они готовили нам участь порабощенной державы, вырождение нашей расы и гибель нашей культуры. Да будут они казнены и прокляты германским народом!

– Будьте прокляты! – неожиданно для меня воскликнули все зрители вокруг.

Когда осужденные один за другим восходили на эшафот и укладывались на смертный одр гильотины, стало заметно замешательство где-то слева от места казни. Солдаты отгоняли какого-то человека, который лез напролом (читатель, должно быть, догадался, что это был не кто иной, как мой попутчик Сванидзе, который по возвращении в СССР раз тридцать пересказывал захватывающую историю, как он рвался в первые ряды зрителей, а потом и к самому помосту, и как его

побили, и какой начался после этого международный скандал, и как наш посол в Рейхе Белоногов приносил извинения...)

Сцена казни сменилась заставкой Большого Зала Рейха, и миллионы телезрителей запели государственный гимн: Германия превыше всего, превыше всего на свете! И я тоже подпевал.

После просмотра казни возобновились танцы, и германцы перешли от одного к другому так же запросто, как средневековые бюргеры в свое время от помоста казни к шутовскому балагану. Лишь моя любопытная партнерша не упустила случая поинтересоваться:

– А у вас в России тоже так казнят государственных преступников?

– Нет, – ответил я, и, как потом выяснилось, не ошибся (хотя публичные казни практиковались в Советском Союзе с 1948 по 1971 год, «как зримое воплощение неизбежности наказания за содеянное» – так писали в газетах тех лет).

А в соседней зале несколько курсантов и среди них Зигфрид играли в порнографические карты (что, впрочем, не вызывало никакого возмущения у замечающих это девушек: им были неведомы вывихи заатлантического феминизма) и обсуждали казнь масонов. Я присоединился к ним.

– Предателями становятся, – доказывал курсант с одной нашивкой за ранение (он год назад попал в засаду, устроенную басконскими сепаратистами в окрестностях Пампло-

ны), – либо неудачники, либо люди, с жиру бесящиеся. Если человек находится на своем месте, он гармонирует с социальной средой, и он далек от желания изменить окружающий его социальный строй.

– Нет, – возразил Зигфрид, – предатели подобны верблюдам, которых манят миражи. Некто однажды сказал: «Хорошо там, где нас нет». Вы заметили, что всем революциям и социальным переворотам сопутствуют горькие разочарования в их результатах. Революционер подобен алхимику, который вместо искомого золота получает в конце своих трудов какую-то полурыжую смесь с запахом собачьего дерьма. Этим дерьмом оказывается масонская свобода. Наисвободнейший человек – это человек, падающий с самолета, его падение СВОБОДНО!

Все отреагировали на это дружным гоготом, а Зигфрид продолжал:

– Сколь мудр Гегель, считавший свободу осознанной необходимостью! Здесь истинная свобода предполагает сознание и закономерность, чем можем похвастаться мы – континентальные германцы, и чего явно не хватает нашим морским собратьям, строящим свое мировоззрение на не правильной интерпретации некоторых кантианских максим. А у вас, сударь, – кивнул он мне, – у вас в стране свободу считают вороватой вседозволенностью, уж не обижайся, но ведь это так?

Будучи вынужден согласиться, я сказал:

– Вам куда легче клеймить предателей, апеллируя к национальному самосознанию. У нас это гораздо сложнее, наша империя полиэтнична, главная наша идея – это идея социального строя. Россия может быть только советской, иначе все полетит к чертям. И именно в эту идею бьют диссиденты...

– Диссидентами в России именуют евреев, – пояснил Зигфрид. – Кстати, все хотел спросить, наказан ли тот... диссидент... который оскорбил память Пушкина?

– Не знаю.

– А что, что? – залюбопытствовались все остальные.

– Пушкин, – начал свой рассказ Зигфрид, – хотя и неарийского происхождения, однако внес огромный вклад в формирование русской литературы. Тут уж, как говорится, культура выручила расу. В России существует своего рода культ Пушкина, подобно культу Гете в Германии (Гете был старшим современником Пушкина). И вот лет двадцать назад появился труд, с позволения сказать, некого Синявского-Израэля, диссидента, естественно, под названием «Прогулки с Пушкиным». Больше издевательство над писателем, чем эта книга, трудно представить. И что вы думаете? Он был казнен, подобно Грему Грину, ненавидевшему Германию? Арестован? Получил публичное порицание со стороны официальных лиц? Нет, нет и еще раз нет! Он по-прежнему благоденствует в Москве и смеет в глаза смотреть пушкиноведам. Нет, Вальдемар, поплатитесь вы за свою мягкотелость!

У нас бы эту пархатую тварь как собаку на двери его же дома повесили!

Наша беседа была прервана несколькими декламантами, которые в ярких кафтанах гетеанской эпохи шагали на анфиладе залов, громко декламируя:

Скоро, скоро обниму.
Песня вновь, плясать готова,
Вторя сердцу самому.
Ах, как песня та звучала
Из ее желанных уст!..

Столь же разодетые служанки разнесли по гостям маленькие бокальчики с каким-то напитком типа глинтвейна на основе вишневого сока. Вечер близился к концу.

На этом заканчиваются мои германские воспоминания. Помню еще только разглагольствования Харальда по пути домой:

– Европе очень повезло, камрад (это словечко и манеру его произносить он явно позаимствовал у отца), что мы взяли ее под свою опеку. Двадцать лет – от Версаля до Мюнхена – она катилась в никуда. Если бы не германский гений, Европа сейчас была бы пустыней, по которой разъезжали бы цыганские кибитки. Но мы положили конец этому безумию, и сейчас все народы Европы могут продолжать свое национальное бытие: французы могут фарбовать духи и снимать кинокомедии, испанцы – травить быков и возделывать олив-

ковые рощи, польки – показывать стриптиз, а итальянцы – жрать свои похожие на дождевых червей спагетти. А надо всем этим возвышается Германец Непобедимый – хранитель родовой чести, воинской доблести и европейского порядка. А ведь это и есть счастье, Вальдемар! Быть самим собой! Этого никогда не понять тем либеральным кликушам, которые желают превратить весь мир в винегрет. Вальдемар, ты любишь винегрет?

– Терпеть не могу, – отвечал я, и это была правда.

Двадцать девятого февраля этого високосного года я уже выезжал тем же самым поездом в Россию. Мама подарила мне отличный кожаный плащ, вроде того, который был у Мюллера в «Семнадцати мгновений весны» (этот фильм здесь тоже существует, правда, весна эта не 45-го, – эта дата здесь ни у кого не вызывает никаких эмоций – а 41-го), что довершило мою германизацию.

Судьба в образе Виолы встречала меня в первый день весны на перроне Варшавского вокзала.

АВЕНТЮРА ПЯТАЯ, из которой читатель узнает, что защита чести и достоинства граничит с преступлением против человечности

Евреи, как и всякий кочевой народ, были нечистоплотны, и это вызывало отвращение у оседлого населения.

С.Я.Лурье.

Виола ничуть не изменилась, однако по ее обеспокоенному лицу я понял, что что-то произошло.

– Мой двойник снова защищал свою библиотеку? – сразу же спросил я после сдержанных приветствий.

– На этот раз похуже.

– Что же случилось?

– А вот что. Позавчера на лекции по диалектическому материализму, сразу после каникул, наш лектор Моисей Давидович Доберман-Пинскер – фамилия довольно смешная, правда? – рассердился за опоздание нескольких студенток, стал читать им мораль и дошел до того, что сказал, мол, слишком много русские девушки рожают... Ты ведь сам студент и знаешь студенческое кредо всех времен и народов:

собака лает, караван идет. Так нет! ему понадобилось встретиться, и требовать от профессора извинений перед русскими девушками, будто тот когда-нибудь извинится. Что за человек! Он постоянно попадает в какие-нибудь дурацкие истории, а иногда и меня впутывает...

– Это просто поразительно, – усмехнулся я. Мы шли через вокзальную площадь, где к нам приставали цыганки, – ты жалуешься мне на меня самого.

– Ой! Никак не могу привыкнуть... Но ты какой-то другой.

– Что ж было дальше?

– Тот, естественно, не извинился, а Вальдемар тогда пожелал ему всех чертей и вышел.

– А ведь он правильно поступил, – произнес я, проходя через контроль. – Всякий человек на его месте, я думаю, поступил бы так же, вне зависимости от национальной принадлежности.

– М-да, все вы одинаковы, – с легкой мечтательностью протянула Виола (именно эта мечтательность сводила меня с ума) и тут же рассмеялась сказанному.

– А поскольку, – продолжала Виола, – он слишком самодоволен, чтобы иметь лишь одних друзей, началось разбирательство... И тут он вспомнил о тебе.

– В каком смысле?..

– Рассказал следователю о твоём существовании. Следователь сошел с ума – я не шучу. И дело передали в Горуправ-

ление МГБ – это их компетенция.

– Так-так. Мой кузен, уж позволь мне его так называть, живет за счет моей вящей славы. Я не удивлюсь, если он скоро будет показывать меня на ярмарках.

– Дело, конечно, секретное, но если кому рассказать – никто не поверит, так что подписку о неразглашении с нас пока что не взяли. А вообще учти: мы сейчас под наблюдением.

Это окончательно меня обескуражило. Я огляделся – мы стояли на перроне метро – но никого подозрительного не заметил.

– Ну, как там, в Германии? – поинтересовалась она.

– Мама тебе тут подарки передала, – кивнул я на свой чемодан. – Это ведь вы теперь станете невыездными?..

– Не знаю, а мой супруг полон мрачного оптимизма.

Вальдемар был дома и в отличном настроении:

– Приветствую берлинского паломника! Нас ждут великие дела, герр Вальдемар!

– В чем же они будут заключаться?

– Твоим появлением заинтересовались многие люди, до членов правительства включительно. Ты можешь стать своего рола серым кардиналом нашей системы.

– Неужели мои познания столь важны, что ими интересуются даже члены правительства? – с большой долей иронии спросил я.

– Как?! Неужели ты сомневаешься в колоссальной важности твоего появления здесь?! Да ведь это событие сравнимо

по масштабам разве что с изобретением радио! Если бы ты мог быть рассекречен, ты был бы знаменитее Гагарина.

– Первым космонавтом, – поправил я его, – был барон Германарих фон Остгейм.

– Не придирайся к словам! Ты даже не представляешь, в каком диком восторге десять НИИ, которые будут нас изучать!

– И Виолу тоже? – продолжал я иронизировать.

– Да нет же! Нас с тобой! – он был неистов, как Луи де Фюнес, – Наука прикасается к самому неизведанному – к проблеме времени и пространства!

– Умерь свои восторги, Вальдемар. Мы во всей этой истории исполняем роли морских свинок, а не все морские свинки доживают до конца эксперимента. И потом я вижу разницу интереса ко мне со стороны науки и со стороны госбезопасности. Последним я нужен, грубо говоря, лишь затем, чтобы назвать явки, пароли и клички. А как только они все это выяснят, свидетели будут им в тягость.

– Ну что за демократический пароксизм! Ты хоть сам понимаешь, что ты говоришь? Да, забили вам там демагоги голову! Я нашел там у тебя в сумке книжку «Пособие по истории СССР для поступающих в ВУЗы».

– Да, я брал ее в тот вечер у Алешки почитать – до чего дошла историческая наука.

– До идиотизма – вот до чего! Извини меня, может, я оскорбляю твою демократическую щепетильность, но эта ис-

тория СССР смахивает на историю Рима, написанную галерными рабами.

– Да какой из меня демократ? Я ж не еврей, не сутенер и не журналист... Ладно, черт с ним! А как они посмотрели на мою берлинскую экскурсию?

– Здесь и меня ждало удивление. Я ведь хотел дождаться твоего возвращения... но так получилось... Они, впрочем, отнеслись к этому весьма беспечно. Хотя, если поразмыслить: какие «тайны» ты мог выдать немцам?! Это все равно, что докладывать Кромвелю о валенном исходе битвы при Гастингсе.

– Да нет, я был архиосторожен. Хотя однажды я чуть не попался, из-за джинсов. Ты должен был меня предупредить.

– Ну, знаешь! Я не женщина, и за модой следить не обязан. Однако, я вижу, – кивнул он за окно, – машину. Это приехали ученые...

Я думаю, читатель вряд ли найдет интересным описание многочисленных медицинских процедур, которые мне и моему двойнику пришлось вынести в течение следующего месяца. Ни я, ни Вальдемар терпеть не можем медицинских обследований, а особенно в таких количествах. Врачи же дошли до какого-то исступления. Они определили и сравнили наш состав крови, ритм сердцебиения, биологический возраст, психические реакции и эротические фантазии. Мы заполнили никак не меньше двенадцати тысяч страниц всяческих тестов, в том числе и придурковатый тест Роршаха, буд-

то мы были какими-то детсадовскими недорослями. Группа крови у нас была одинаковой, состав тоже, генетический код идентичен, реакции – в норме, наш биологический возраст заметно отставал от календарного, так что врач-геронтолог, как гадалка, посулила нам долгую жизнь, а в пятне Роршаха я заметил двух тощих котов, а он – гриб ядерного взрыва. Несчастливая Виола, должно быть, боялась, что ее заставят родить от каждого из нас по ребенку, чтобы изучать и их, но до этого не дошло, и только однажды ее попросили опознать своего мужа из нас двоих: мы стояли плечом к плечу в одинаковых трусах и с одинаковыми стрижками – она не смогла этого сделать. Потом уже я узнал, что три медика обязаны мне своими докторскими диссертациями, а один даже стал академиком.

В кубическом белом здании на Трамвайном проспекте (для удобства меня приглашали в Кировский райотдел МГБ) все было иначе. Трое суток по восемь часов в день меня допрашивали (виноват, расспрашивали). Я не скрывал ничего. Меня сдали на попечение полковника – меланхолика и буквоеда. Пока я рассказывал, он часами сидел в одном положении, обхватив лысеющую голову руками. На четвертый день он сказал мне:

– Мы вам, конечно, сначала не поверили. Но проверка показала, что названные вами люди действительно существуют, и маловероятно, чтобы вы смогли установить предварительный контакт с частью их.

– А кто они... здесь, если не секрет? – меня так и затопило любопытство. Он нехотя раскрыл папку:

– Ельцин Борис Николаевич, работал начальником Свердловского домостроительного комбината, в девяносто третьем году вышел на пенсию по состоянию здоровья... Горбачев Михаил Сергеевич, работал начальником управления юстиции по Ставропольскому краю, в девяносто первом вышел на пенсию по выслуге лет... Жириновский Владимир Вольфович, работает с 1991 года в нашем посольстве в Анкаре, пресс-атташе, и, кстати, дважды задерживался турецкой дорожной полицией за нарушение правил уличного движения. Гайдар Егор Тимурович – он действительно внук писателя Аркадия Гайдара – директор Института экономической политики АХН РСФСР... Лебедь Александр Иванович, командир воинской части 55599...

– Это Тульская воздушно-десантная дивизия?

– Не знаю. А вот Шеварднадзе, сами знаете, в Политбюро... Задали вы нам работы... А все же мне слабо верится в несанкционированность вашего появления.

– Да нет же! – горячился я. – Наша наука столь же далека от секретов перехода в параллельный мир, как и ваша.

– То, что вы рассказали, ужасно. Мой шеф плакал, когда читал ваши показания. Я имел в виду события последних лет.

– Многие люди у нас, в том числе и я, не в восторге от этих событий, но...

– И что, действительно, в вашем мире живут копии нас?

– Не всегда. Разумеется, там нет тех, кто погиб в войну с Германией и их потомков. Вот вы где родились?

– В Красноярске.

– А ваши родители?

– Там же.

– В таком случае, скорее всего, вы там существуете. Это очень сложно и непредсказуемо. Например, у вас Черняховский умер в восемьдесят первом году, а у нас – погиб в Восточной Пруссии в 45-м. Аркадий Гайдар до сих пор жив, а у нас погиб в первые месяцы войны. Иногда могут быть другие странности: человек остается в живых, женится, и его супруга рождает совсем другого ребенка, чем того, кого бы родила от другого мужа.

– Уж не думаете ли вы, что тут какая-то мистическая связь?

– Я уже ничего не думаю. Поставьте себя на мое место. Если то, что со мной случилось – не чудо, то что же такое чудо?

– Чудо есть случайность, а случайность – это непознанная закономерность, – нравоучительно заметил полковник.

Мне выдали краснокорый паспорт, и я стал получать жалование в двести рублей, что равнялось 1600 тысячам рублей в России демократической. Получив аванс, я купил немецкий магнитофон (29 рублей 48 копеек), фотоаппарат (44 рубля 34 копейки), новомодный, тоже немецкий костюм

«Герр Командант» и еще что-то, пустив таким образом все деньги по ветру. Вальдемар посмотрел на мои покупки, покачал головой и ничего не сказал.

Работа моя заключалась в написании многотомного труда, в котором со всеми подробностями, памятными моему историческому образованию, описывалась всемирная история в том варианте, который был знаком мне с детства, начиная с нападения Германии на СССР и кончая вводом войск НАТО в Боснию и победой коммунистов на выборах в Госдуму России – это было последнее, что я помнил, покидая свой мир на старте избирательной кампании по выборам президента. Нетрудно догадаться, что я и сейчас не знаю, чем они окончились, но когда я исчез из своего мира, перевес был на стороне Зюганова (Зюганов, кстати, в этом варианте истории погиб в автокатастрофе около года тому назад).

У меня отобрали все вещи, с которыми я оказался здесь, не исключая и нижнего белья, так что я уже ничем не отличался от окружающих, и никто не поверил бы мне, стань я рассказывать каждому встречному о своем происхождении. У моей рубахи обнаружили сильное электрическое поле, которое никак не вступало во взаимодействие с местными электропроводниками, а больше никаких отклонений найдено не было. Судьба лифта, доставившего меня в мир иной, оказалась куда плачевней. Целая бригада физиков всех профилей около недели копалась в нем под видом ремонтников, чтобы не вызвать подозрений у жильцов. Они ни к че-

му не пришли, демонтировали лифт и увезли в Москву для дальнейших исследований, а шахту лифта пока изолировали и напихали туда уйму приборов. Алешка, которому теперь приходилось подниматься на шестой этаж пешком, постоянно жаловался на это Вальдемару, а тот едва удерживался от смеха.

В общем, жизнь потекла своим чередом. К концу марта врачи успокоились, физики отбыли в Москву, а МГБ поверило мне на слово и сняло слежку, хотя я должен был написать подробнейший отчет о своем пребывании в Германии, с большей частью которого читатель уже ознакомился. Я писал историю, болтался по весеннему городу, иногда ходил в Университет вместо Вальдемара.

АВЕНТЮРА ШЕСТАЯ, ДЛИНОЙ В ЖИЗНЬ

Когда вечером, в лютый февральский мороз ко мне явился мой двойник, выходец из параллельного мира, у меня, что называется, ни один мускул на лице не дрогнул. В самом деле, поставьте себя на мое место. Конечно, человек, начитавшийся в детстве фантастики, не воспринимает такие происшествия трагически, но такие совпадения прививают нам самые мистические настроения. С другой стороны, во всем этом я не вижу ничего сверхъестественного, просто наука еще не исследовала как следует эту сферу бытия, и мы, образно говоря, оказались в роли дикаря, которому шутки ради дали поговорить со своим соплеменником на соседнем острове по телефону. Все познается в сравнении. Однако это ничуть не умаляет тех проблем, которые выросли с быстротой бамбука после пришествия Вальдемара второго (первым я по праву хозяина называю себя). Фантастика фантастикой, но этот «фантом» ел, пил и занимал место в пространстве наравне с нами – туземцами. Я не говорю уже обо всех проблемах легализации, объяснениях с властями, родственниками и т. д. и т. п. К счастью, я тут же отправил его в Германию, а сам, подобно герою Тарковского, сел и стал думать думать. До сих пор я вел довольно размеренную, спокойную

жизнь, и это неожиданное появление спутало все карты. Теперь я сам начинал раздваиваться, меня могли видеть в двух разных местах одновременно. Причем мой двойник не скрывал своих взглядов на жизнь, а так как они у нас несколько различаются, это могло ввести в заблуждение наших общих знакомых.

Ему все у нас не нравилось, он брюзжал по поводу нашего общественного строя, утверждая, что он построен на костях, крови и сломанных судьбах. Как будто конституционная монархия в Англии строилась на розах и фиалках! Волков бояться – в лес не ходить! Ему не нравилась наша литература, музыка, средства массовой информации, он скучал по романам какого-то Солженицына (ну и фамилия для писателя!). Мое членство в комсомоле он называл показухой, а одним глазом все посматривал на мою супругу, которую он тоже знал в своем мире, и в которую был безответно влюблен. Но все это простительно, на его месте я вел бы себя не лучше. Прибавьте сюда и то, что он с минуты на минуту ожидал своего исчезновения и возвращения в свой мир.

То, что он рассказывал об участии нашего Советского Союза – ужасно. Я бы удавился, если бы дожил до этого. Хвала всем богам и Основоположникам! нам такое не грозит! Оказывается, наш глава государства, Алексей Иванович Архипов, родился именно в то злополучное утро 22 июня 1941 года, когда в их варианте истории Германия напала на СССР. Как потом нам сказали в МГБ, Алексей Иванович в тот день

находился в роддоме в Вильно (его отец же был офицером Красной Армии), и скорее всего погиб в первый день войны. Представляю его эмоции, когда он узнал о таком варианте своей биографии! Вскоре своими судьбами в мире ином стали интересоваться другие члены правительства, а Вальдемар, как какой-нибудь штатный маг, рассказывал им все, что мог припомнить.

Хорошо все-таки, что не было войны. Нам хорошо, и немцам не обидно. Такие войны выгодны только тем мизантропам, для которых суббота важнее человека. (Кстати, мой отчим барон Иоганн фон Кампенгаузен родился не где-нибудь, а в Дрездене, и не когда-нибудь, а именно 15 марта 1945 года, когда в параллельном мире этот город подвергся варварской бомбардировке американской авиацией.)

Я происхожу из достаточно старинного дворянского рода, из польской шляхты, перешедшей впоследствии на службу московским царям. Я родился в Орехове, небольшом райцентре Запорожской области Украинской ССР, в конце января 1974 года в разгар самых лютых морозов. Хотя мне хотелось бы справлять день рождения в мае, мой знак зодиака меня вполне устраивает.

Мой дед окончил авиационное училище, но всю жизнь проработал в органах госбезопасности. За три года до моего рождения он оставил должность начальника лагеря и получил пост начальника милиции Ореховского района. Орехов – южноукраинский вариант Миргорода – являл собой ред-

кий ныне пример населенного пункта, сочетающего все достоинства села и все удобства города (за исключением горячей воды) – до таких высот изредка поднимаются лишь некоторые города-спутники больших столиц. Возникший на рубеже Казацкого Войска Запорожского и Крымского Ханства, он отмечает в этом году свое трехсотлетие. С рекой Конкой, на которой стоит сей град, связана небезынтересная легенда. Когда-то река была столь полноводной, что по ней могли ходить даже небольшие пароходы, но два брата-мельника столет назад решили построить где-то вверху по течению водяную мельницу – этот дореволюционный вариант гидроэлектростанции – и завалили фарватер мешками с овечьей шерстью. С тех пор река обмелела, а идея строительства на Конке гидроэлектростанции была признана бесперспективной. Вот пример вопиющей капиталистической бесхозяйственности, нарушающей экологическое равновесие в масштабах отдельно взятой реки! Я помню, когда в детстве мне рассказывали эту легенду, я представлял некое внезапное половодье Конки: уровень воды, стремительно поднимаясь, затопляет берега, приливная волна мчится по упирающейся в берег улице Гоголя и достигает большого незаасфальтированного перекрестья булыжной мостовой в центре города. В центре на третьем этаже массивного сталинского дома с отличным видом на главную площадь города жили мы.

Говоря «мы», я не совсем прав. Ваш покорный слуга провел свое детство в двух разных местах, похожих друг на дру-

га как Кабул и Хельсинки. Мой папа, обрусевший немец Отто Вольфгангович Блюхер, родился в Крыму, и после окончания Ростовского университета был направлен на практику (по специальности он инженер-строитель) в Запорожье. Там он познакомился с моей мамой – студенткой педагогического института. А потом по распределению папа оказался в Энгельсе – столице Немецкой республики на Волге, находящейся под личным покровительством каждого очередного фюрера немецкого народа. Таким образом, шесть зимних месяцев я проводил в Энгельсе, а шесть летних – в Орехове. Энгельс – город, описанный Львом Кассилем в «Кондуите и Швамбрании» (эта книга одно время была моей настольной принадлежностью) – запомнился мне мало. В памяти всплывают лишь три сцены: я в детсадовском углу, куда я попадал не реже двух раз в день; давка в переполненном зимнем автобусе, и я, прижатый тепло одетыми телами людей к стеклу кабины шофера, вглядываюсь в темноту заснеженной трассы с красивыми немецкими домиками по обочинам и рассматриваю календарики с портретами Гитлера и Геббельса, приклеенные водителем к кожаной обивке приборной доски; мультсериал по мотивам сказок Гауфа по немецкоязычному республиканскому каналу.

Орехов мне помнится гораздо лучше, и хотя я уже пятнадцать лет не был там, я бы и сейчас не заблудился на тенистых ореховских улочках, поросших шелковицами (кстати, в Ленинграде половина моих знакомых понятия не имела

о шелковице) и платанами. Я никогда не забуду того цветущего и привольного августа тех разноцветных клумб, вокруг которых я – трехлетний – бегал за соседской девочкой, и того фотографа районной газеты, который нашел в нас отличный типаж для иллюстрации к статье о детских радостях среди чарующих цветов (цитирую почти дословно вырезку из той газеты, сохранившуюся у меня по сей день). Я помню навязчивых мух в нескончаемой очереди за мясом (дед никогда не пользовался спецраспределителем – как бы это кому ни показалось странным!), погребную прохладу почтового отделения с узкими южными оконцами, райком партии из мелкого белого кирпича через дорогу от нашего дома (в просторечье его величали «Белый Дом», и я – пятилетний – слыша по телевизору в новостях: «Грязная возня Белого Дома...») и т. д., был в полной уверенности, что большая политика делается здесь, рядом, на другой стороне улицы), карикатуры, бичующие пьянство, на специальных щитах у автовокзала и уходящую в бесконечность украинскую степную дорогу, обсаженную по краям двумя шеренгами пирамидальных тополей.

Дед был начальником милиции, бабушка – учительницей: две самые популярные профессии. Когда дед вечером после работы гулял со мной по одному и тому же маршруту: от памятника Ленину на центральной площади – через обширный парк – к автовокзалу у моста через Конку – и дальше вдоль реки до мясного магазина, с ним здоровались постовые ми-

лиционеры, чиновники, возвращающиеся домой после восьми часов необременительной провинциальной службы, владельцы скооперированных еврейских лавочек у автовокзала (юденблок, специально устроенный в пятьдесят втором году, располагался на окраине города за автовокзальной площадью), немец-портной Ганс Гете, обшивавший весь городской Олимп – он всегда до вечерам играл в парке на губной гармошке, выказывая ноль эмоций по поводу пиликанья еврейских скрипок за три квартала, продавщицы киосков «Союзпечать». В этом по своему великом городе на двадцать девять тысяч душ по переписи 79 года я не помню никаких особых преступлений, и даже входные двери, как в средневековых утопиях, запирались лишь на ночь.

Литературный русский язык был неизвестен мне лет до шести: Орехов поголовно говорил на том жутком полу-русском, полу-украинском койне, которое бытует в юго-восточном углу Украины со времен Тараса Бульбы, а на берегах Волги я изъяснялся куда лучше на немецком, чем на русском. Судьба моя радикально изменилась около 80-го года. В том году папу перевели в Ленинград (он строил какие-то секретные объекты на Карельском перешейке), а дед вышел в отставку и купил «поместье», как он сам его в шутку называл, на севере Молдавии в украинском селе (честно говоря, наше родовое поместье существует и по сей день в Черниговской области, оно было конфисковано в 1920 году и перестроено под сельскую библиотеку, а десять лет спустя – под

правление колхоза, которое еще десять лет спустя сторело дотла, и с тех пор так и стояло заброшенное).

Первое, что я запомнил в зимнем Ленинграде 1980 года, были шикарные сталинки в Автово, импортная «Пепси-кола» и знаменитые ленинградские молочные сосиски, которые долгое время были моим излюбленным блюдом. Год спустя я был затянута в ученическую форму с белым поясом из искусственной кожи и засажен за науки. Не припомню, чтобы я прилагал сколько-нибудь значительные усилия к учебе. Все предметы делились для меня на две части: те, которые давались мне легко – история, география и биология – на которые я не тратил много времени, и, как выражалась мама, «пасынки», которые мне вовсе не давались – физика и математика – хоть сиди за уроками круглые сутки. Как сейчас вижу себя в школьной форме цвета морокой волны с пионерским галстуком и фуражкой с гербом Ленинграда, ни свет, ни заря преодолевающего короткое расстояние до серо-кирпичной трехэтажной школы. В школьные годы проявился мой организаторский талант: я входил в пионерский, а затем комсомольский актив класса и школы, был политинформатором и в своих обзорах бичевал троцкизм, ревизионизм, коминтерновщину, диссидентство, сионизм, пацифизм и прочие враждебные Советской Власти доктрины, участвовал в выпуске стенгазеты, исторических олимпиадах и биологических викторинах. Не умеющий по самой своей натуре скучать, я всегда был душой любой компании, в ко-

торуую попадал, и всегда привык играть роль первой скрипки, хотя и не был явным лидером.

В школе я, как учительский сын, был на особом счету, и все преподаватели не упускали случая поздравить мою маму с моими успехами или пожаловаться на мои проступки (помню, мама однажды поинтересовалась моим поведением у своей подруги и коллеги, преподававшей у нас биологию, но та ответила: «Нет, ты приходи ко мне, как к преподавателю!») Мировоззрение наше эдак в классе пятом-шестом было незатейливо: мы верили в незыблемость существующего строя, всех иностранцев, за исключением немцев, считали варварами, и в мыслях чаще блуждали по кратерам иных миров, чем по земным улицам (освоение Солнечной системы казалось нам вопросом короткого времени). Первые сомнения стали появляться ближе к старшим классам: мы втихаря слушали по радио западные голоса, пели белогвардейские песни, я гордился своим дворянским происхождением. Когда мне было четырнадцать лет, я задумал создать политическую партию революционно-романтического направления. Сказано – сделано: мы пошили буденовки с голубыми свастиками, как у фадеевских героев, наделали партбилетов и стали печатать на гектографе во Дворце пионеров, где учился один из нас, листовки, которые рассовывали по почтовым ящикам мирных обывателей. Впрочем, все это было в духе эпохи с ее лейденшафтом в первые годы правления Архипова, когда у Казанского собора происходили потасовки

активистов Демсоюза и «Памяти» с «рабочими дружинами» «Коммунистического единства», а журналы превратились в баррикады, самими непримиримыми из которых были космополитический «Огонек» и «черносотенная» «Русь Советская», который одно время выписывал я. В октябре 1989 года наша «партия» – Ударная Бригада Национал-Революционного Наступления – была раскрыта, и все мы пятеро получили выговоры с занесением в личное дело за «провокационный экстремизм» (мы в своей «программе» требовали суровых мер против бюрократов и спекулянтов), что, правда, ничуть не помешало нам продолжить свою комсомольскую карьеру, а наша директриса (ну вылитый Брежнев в женском роде!) стала обращаться ко мне на «вы».

Так и пролетели мои школьные годы, заполненные ученическими забавами, флиртом с одноклассницами, футболом, анекдотами, космическими мечтаниями и политическими фантазмагориями. Мне всегда удавалось за один год прожить несколько лет, и неплохих лет. Грусть мою по безвозвратно ушедшим годам усугубляет потеря школьных дневников – этой «табула раза», последовательно заполняемой из года в год летописи моих эмоций и свершений. Вспоминаются еще многочисленные описания русской природы в упражнениях по русскому языку и историческая олимпиада пятиклассников, в которой ваш покорный слуга – шестнадцатилетний мэтр – принимал участие в роли члена жюри.

С начала девяностых годов политическая ситуация резко

изменилась. Разрешение частной торговли несколько улучшило ассортимент и снизило оппозиционность. МГБ, чьи штаты существенно расширились, отлавливало особо строптивных диссидентов. Миллионными тиражами расходились «Русь изначальная», «Память», романы балашовского цикла и повести деревенщиков. Один из последних гласных диссидентов, Янов, жаловался в «Новом мире», что человека, критикующего теорию этногенеза Д-ра Гумилева, в Москве ждут большие неприятности. Снова была ужесточена процентная норма в ВУЗах для евреев (помнится один постмодернистский анекдот на эту тему: «Процентная норма для евреев в ВУЗах 10 %, значит, в группу из четырнадцати студентов можно зачислить 1, 4 еврея!») Инициативные группы требовали переименования Свердловска, института им. Гнесиных и улиц Рубинштейна и Розенштейна.

В юности я перебрал множество профессий, и ни на одной из них не мог остановиться. В 5–6 классах я мечтал стать космонавтом или палеонтологом, в 7-м – хирургом (что, кстати, для меня нехарактерно), в 8-м – историком, и, наконец, в старших классах я окончательно избрал для себя сферу идеологии в ее философском ключе. Надо сказать, что факт ежегодного выпуска ЛГУ доброй сотни «философов» немало меня позабавил: ведь в самом подробном философском словаре едва ли насчитывается 2000 мыслителей всех времен и народов. Таким образом, силами одного нашего вуза эту славную когорту можно удвоить за каких-нибудь 20 лет.

Во всякой шутке есть доля правды, и в этой тоже: информационный поток в современном мире удваивается каждые двадцать лет!

Еще в девятом классе я прослушал курс лекций на Малом Философском факультете, и вступительный экзамен сдавал по совпадению своему недавнему лереру. Это было в тот самый день, когда террористическая группа «Живое Кольцо» попыталась совершить покушение на Архипова во время его визита в Ленинград. Народное возмущение по этому поводу вылилось в ряд избиений диссидентов в Москве, Киеве и Днепропетровске. В первый день сентября мы – новоиспеченные студенты – перед тем, как отправиться на полевые работы в пригородный совхоз, ходили на митинг на Дворцовой площади с требованием смертной казни для террористов.

Каждое лето я отправлялся на Украину, проводя там полтора-два месяца в переездах между нашими многочисленными родственниками. Любопытная вещь – на юге мои отношения с прекрасной половиной советского общества были куда удачливее, чем на севере. В женщинах я искал – да поймут меня правильно! – женственность. Это сложное понятие можно перевести как антиэмансипированность (ведь эмансипация – суть бесплодная попытка женщин превратиться в мужчин). Наоборот, женственность не носит брюки, отращивает длинные волосы и не стремится сделать карьеру, она – наивна и беззащитна. Часто говорят, что женская эмансипа-

ция – неизбежное следствие «измельчания» мужчин. Отчасти согласен, но все же это встречные потоки. Если девушка владеет карате, то всякое желание защищать ее отпадает напрочь. Заокеанские феминистки (и феминисты!) бубнят о комплексе «единицы» у мужчин рядом с «вечным нолем» женщин. А что в этом странного или страшного?! Это вполне соответствует двоичному коду, открытому гениальным германцем, истинным арийцем Готфридом Ляйбницем. Типичная диссидентская штучка – критиковать законы природы.

По натуре я романтик. То, что многие мои ровесники узнавали на улице, я знал из литературы, живописи и музыки, естественно в моей интерпретации. Мое восхищение женщиной, оформившееся в сколько-нибудь определенное чувство годам к тринадцати-четырнадцати, было восхищением женственностью. Меня не интересовали девушки, к которым относится сонет Петрарки «Есть существа с таким надменным взором». Нет, меня привлекали несовершеннолетние существа, чья юность не исчезала десятилетиями. Не так давно, изучая творчество русского писателя-эмигранта Владимира Набокова, подметил у него те же склонности. Еще в 5–6 классах школы у нас сформировалась компания (на ее основе я и создавал вышеназванную «партию»), и девушки, дружившие с нами, по какому-то негласному правилу вполне соответствовали такому фюрнаме. Зимы сменялись веснами, у нас ломались голоса, мы дарили друг другу на день рождения электробритвы и «серьезные» книги. Ме-

нялись и наши девушки, все более и более удаляюсь от столь милого феминизму детского равенства. Я часто влюблялся, но, как правило, безуспешно, хотя сейчас, в начале моей семейной жизни, годы юности представляются мне вовсе не такими бесплодными, как могло казаться там, на месте действия.

Представьте себе сияющий фюрерсветер, эдак в конце мая, когда китель школьной формы выглядит сибирской шубой, а идущие к концу занятия в школе представляются лишь досадной помехой игре в теннис, перемигиванию с одноклассницами и наполеоновским планам в политике. Через открытое окно в жаркий класс доносится пахучее поветрие вскопанной парной земли, пышной травы и специфический запах зацветающего шиповника. Макс Геллер – единственный еврей на нашем пиру богов – с грустью рассматривает девственнообнаженные (отличный германизм!) плечики стройной Инны, которая, едва вслушиваясь в монотонно-бубнящую речь преподавателя об употреблении точки с запятой в нераспространенных предложениях, шушукает с Галинкой под прикрытием наших с моим соседом по парте Колей широких спин. А май за окнами звенит трамвайным лязгом, и мечта поэтов о вечной юности не кажется такой уж несбыточной.

А потом, когда вечер опускается на тихую улочку Героев Халхин-Гола, мы, юные и отыгравшие несколько партий в бильярд под акомпанимент песен Карела Готта острохло-

вы и мечтатели, отправляемся к Галинке – дегустировать только что приготовленный ею торт со взбитыми сливками. Синь белой ночи застает меня уже дома перед телевизором: идет фильм по мотивам геббельсовского романа «Микаэль» о германской помощи в индустриализации СССР, а из другой комнаты доносится разговор моей мамы по телефону об экзаменационных билетах для восьмиклассников. А безмятежная юность кажется бесконечной.

В детстве я мечтал быть военным, а несколько позже – офицером госбезопасности. Пятнадцать лет спустя мечты мои самым неожиданным образом реализовались: я подыскал себе преподавание в училище МГБ, что забирает у меня четыре дня в неделю и приносит две сотни рублей в месяц. Я нашел занятие, полностью удовлетворяющее моим вкусам: теперь я мог влиять на общественное мнение пятисот молодых людей (естественно, в рамках политической линии партии в наробразе), обязанных по уставу меня выслушивать и, главное, запоминать то, что я говорю. Я люблю разрядить «академическую» атмосферу лекции каким-нибудь анекдотом: например, о кинике, который реагировал на обидчика не более, чем на лягнувшего его осла, о взаимоотношениях Гегеля и Шопенгауэра, о чернильнице Лютера и т. д. Меня обмундировали в цвет голубой ели, и накануне эффектного появления Вальдемара-2 я получил чин младшего лейтенанта. Разумный консерватизм – закономерный итог всех метаний юности, любых «отклонений» – подобен тому, как

Ванька-встанька неизбежно после многочисленных, как выражается мой двойник, альтернативных наклонов принимает единственно правильное вертикальное положение. Мир мнения, это гетто интеллигенции, лейдеяшафтен и валеннен, ибо, к примеру, мнение об обратной стороне Луны – до известного момента! – каждый житель Земли мог иметь свое. Но когда вид обратной стороны Луны благодаря успехам науки и техники из области гаданий перешел в область ясного научного знания, всякий «плюрализм» по этому вопросу нелеп. Истинный консерватизм приветствует науку, ибо она осеняет все вещи и явления аурой истинности или ложности в последней инстанции. Единица – ноль! – совершенно прав Маяковский; мы стоим на плечах наших предков, стоит нам оступиться, и «распалась веков связующая нить». Этого никогда не понять суицидным либералам, для которых торжество их сумасбродных идей куда важнее реального народного блага, и которые, как говорится, готовы судить народ за антинародную политику. Ужасные рассказы моего двойника окончательно убедили меня в этом. Представляю его радость, когда он попал сюда. Его хныканье, конечно, можно понять: в мановение ока, как говорят немцы, оказаться в чужом мире, под чужим небом, оставив там – у себя – родных и близких; мы – не роботы, чтобы переносить такое без стога. Но, с другой стороны, теплый прием здесь и участие в его судьбе стольких людей должны убедить его в преимуществе нашего общественного строя и обществен-

ных отношений, да и сам он рассказывал, что там у них ностальгии по советским временам предаются девять из десяти. Не скрою, что в его нынешнем положении я принимал не последнее участие: ведь я работаю в системе МГБ, и мое мнение относительно данного казуса отчасти было учтено начальством.

Пора спать. Завтра рано утром планерка в научной части. На часах ровно полночь, и Виола уже сладко уснула в неровном свете флуоресцирующего ночника.

АВЕНТЮРА СЕДЬМАЯ, в которой я начинаю обживаться в новом мире, а Вальдемар желает развеять мое одиночество

Да будет благословлена природа за неуживчивость, за завистливое соперничающее тщеславие, за ненасытную жажду обладать или господствовать! Без них все превосходные человеческие задатки остались бы навсегда неразвитыми.

И. Кант.

5 или 6 мая я проснулся довольно рано. По вчерашней договоренности с моим кузеном, я должен был сегодня «замещать» его в университете, и потому начал собираться. Вальдемар еще подремывал в своей комнате, а мы с Виолой на скорую руку завтракали на кухне. Сегодня юбилей: ровно пятьдесят лет назад Красная Армия вступила в пределы Индии. В радиопередаче, посвященной этому событию, процитировали Павла Когана:

И мы еще умрем в боях...

Виола собиралась в Щедринку (когда я «замещаю» Валь-

демара в университете, она предпочитает там не появляться). Вот кто действительно понес урон – моральный урон от моего появления. Даже и не знаю, чем утешить ее.

В «Автово» новый частный фотокиоск: надо сдать на проявку пленки, отснятые мной в прошлое воскресенье в Павловске, чьи ансамбли, естественно, остались нетронутыми войной, которой не было.

В шумном, многолюдном вестибюле философского факультета меня встречает комсорг Руслан:

– Вальдемар, не забудь: сегодня в три летучка. Передай, кого из наших увидишь. Только не забудь!

На втором этаже в уютной аудитории с пианино собралось несколько философов-античников, а Катя (есть эквивалент в моем мире!) с видом хозяйки аристократического салона играет на пианино студенческий гимн. Один из студентов, Самуил бен Ионатан Шифаревич, единственный из присутствующих знающий латынь, негромко подпевает. Все меня знают и приветствуют. Я возвращаю Самуилу (которого отродясь не знал в своем мире) пластинку с модернистскими вариациями на темы Вагнера, которую брал Вальдемар. Я напоминаю о летучке Альгирдасу Томикиявичусу, уже успевшему отслужить в армии штабным писарем литовцу.

Своих давних (еще по демократической России) друзей я нахожу играющими в преферанс в отдаленной аудитории. Все они комсомольцы: и коммуникабельный Борис, в совершенстве постигший софистическое искусство, и ироничный

скептик Андрей Титомиров, давший мне когда-то телефон баркашовцев (здесь он убежденный германофил, и носит в петличке студенческого вицмундира миниатюрный портрет Ганса Дельбрюкка), и обстоятельный поляк Андрей Малиновский – человек без родины (до сих пор из деликатности не могу выяснить его отношение к пакту Молотова – Риббентропа). Они и не догадываются, что мне известно об их альтернативном антикоммунизме в мире Нюрнберга, Мальборо и Интифады. Но я не подаю вида.

– Какая у нас сегодня тема семинара по политологии? – спрашивает Борис.

– «Критика мелкобуржуазных аспектов национал-социализма», – я в курсе.

– Что там со стипендией?

– Должны повыситься. Я (то есть Вальдемар) вчера заходил в бухгалтерию.

– Как здоровье твоей супруги? – бестактный вопрос, сам ведь женат.

– Да все в порядке. Скоро партию заканчиваете?

Андрей Титомиров рассказывает анекдот про Сталина:

– Поехал Сталин в США. Встречается с Рузвельтом. Разговор заходит о преступности. А в США, надо сказать, полиция стреляет с бедра и без предупреждения. Рузвельт – Сталину: «Не веришь?» – «Нет». – «Ну давай!» Взяли по автомату, пошли. Ну, тот своих знает – им мало не показалось! А Сталин ходил-ходил: везде люди как люди. Наконец, видит

– идут строем: все в кожанках, взгляд настороженный. Он всех перестрелял, приходит в наше посольство, а ему посол говорит: «Иосиф Виссарионович, у нас тут приехала делегация к американским рабочим, а какой-то идиот всех перестрелял!» – и продолжает:

– А вы знаете, почему арабы присоединились к национал-социализму, а не к нашему коммунизму? – Я знал, почему, но промолчал.

– Дело в том, что в дословном переводе на арабский язык слово «коммунизм» означает «несправедливое разделение награбленного», а слово «социализм» – «справедливое разделение награбленного»...

– Так это готовый тост! – воскликнул Борис. – Так выпьем же за то!..

– Вы знаете, где у нас будут военные сборы?

– Нет. А что, ты уже узнал?

– Да. Как вы относитесь к сопкам Маньчжурии?

– Так что, на Дальний Восток поедем? Вот хорошо, я там никогда не был!

– Ну, и не много же ты потерял. Там жуткий климат и тучи комаров.

– Постой, так ведь комары только в тундре.

– Не веришь – проверишь.

Потом все стали почему-то говорить о снах, а Малиновский сказал по этому поводу:

– Я давно подметил, что конструкция, то есть режиссу-

ра сна зависит от умственного уровня, то есть начитанности человека. У людей попроще соблюдается это... аристотелевское правило единства места, действия и времени. А у людей образованных гораздо сложнее композиция: присутствует действие «за кадром» и «мысленная предыстория» событий.

Потом все стали считать общую сумму прожитых лет, и получилось 87. Тут же пришла миниатюрная Аллочка, подруга моей (то есть Вальдемаровой) супруги, поинтересовалась у меня, где она, и спросила, что это за поэт, у которого есть такая строка:

Я предположил, что это кто-то из декадентов (чуть не сказал «из Серебряного века»), но оказалось, что это какой-то современный московский поэт с претензией на диссидентство. Андрей Титомиров сказал, что «такое дерьмо» его не интересует, и показал нам небольшой синий том «Избранного» из дневников Эрнста Юнгера.

Потом мы заторопились на семинар. Мой доклад на оном состоял из краткого сообщения о социальной окраске событий 34-го года в Германии и их влиянии на последующую историю Рейха.

День пролетел абсолютно незаметно, и в три часа я подошел к актовому залу на собрание комсомольского актива. Среди пришедших я с удивлением заметил одну мою знакомую с отделения философии науки, которая в моем depo-

литизированном мире подрабатывала в мухинском училище натурщицей. Кроме нее было множество совершенно незнакомых мне людей (при моей отличной зрительной памяти я там, у себя, знал в лицо почти всех студентов философского факультета). Двое из незнакомцев поздоровались со мной. Наконец появился Руслан и роздал всем присутствующим маленькие брошюрки с тезисами к начинающемуся в эти часы XXX съезду КПСС в Москве.

За Русланом появился секретарь Университетского комитета ВЛКСМ и начал заседание. Он представил нам инструктора Василеостровского райкома Арона Рувимовича Кизякберга – длинного тощего еврея, который сразу же взял широкий аккорд:

– Как вы все, товарищи, знаете, тезисы к XXX съезду КПСС помимо всего прочего предусматривают повышение бдительности и бескомпромиссную борьбу со всевозможными проявлениями антисоветского космополитизма. Товарищи, наш идеологический враг не дремлет, и неустанная борьба с космополитами – долг каждого советского человека. Антисоветские круги Великобритании и США делают ставку именно на космополитические круги в силу их патологической ненависти к нашему государству, советскому строю и русскому фольксгейсту... И чем более очевидна бесперспективность этой ненависти, тем более беспардонно и параноидально ее проявление. Пользуясь либерализацией советским правительством правил поступления в высшие учебные за-

ведения, космополиты активно проникают в их стены с целью разложения советской науки и использования академической трибуны для своих человеконенавистнических планов....

Кивавший в такт речи инструктора Руслан воспользовался паузой в его речи для своей реплики:

– Выявим, Арон Рувимович, и обезвредим. Постараемся. Я едва не расхохотался на весь зал.

Жара достигла апогея, когда я вышел из историко-философского корпуса. Сидящий Ломоносов провожал меня взглядом до самой троллейбусной остановки. Девушки-студентки, ожидающие транспорта, все как на подбор – в легких длинных платьях, а поверх них темно-сизые студенческие тужурки с кокетливо подвернутыми манжетами. И так же, как в моем мире, долго, отчаянно долго не было троллейбуса. Наконец он появился в перспективе Университетской набережной. Люди встрепенулись и приготовились к приступу.

На Невском во всю торговали мороженым в виде факелов – «Факельцуг», а у Казанского собора милиция разгоняла немногочисленных анархистов. На платформе метро немец-турист спросил меня на родном языке, как доехать до «Московской». Я показал ему на схеме метрополитена уже в вагоне. Когда поезд остановился на станции «Площадь Мира», ко мне обратился только что вошедший баптистский проповедник с увещеванием, соответствующим его убеждениям. Я отвечал, что у нас есть наши славянские боги, и упо-

вать на каких-либо импортных богов – самое настоящее предательство. Не успел я перечислить по его просьбе славянских богов, как мы приехали на пересадочный «Технологический институт», и я вышел из вагона вместе с массой людей. В поезде, идущем, по объявлению машиниста, «только до Автово», девочка лет тринадцати везла в плетеной корзине крупного кота, который из страха перед подземельем громко орал на весь вагон. На Автово (было уже пять часов тридцать пять минут) я купил факельное мороженное и германский ежегодник «Рейх» за прошлый год. Парило как перед дождем. На остановке, куда подходил автобус-двадцатка, ругались на чем свет стоит муж и жена алкоголического вида. В переполненном автобусе можно было не опасаться контролеров, да и действовали они при данном социальном строе как-то более застенчиво. Крупные капли дождя западали с темно-сизого неба, когда я уже входил в подъезд своего дома.

Вальдемар был один и готовил себе перекусить на кухне шпроты, бутерброды с сыром и чай. Я коротко рассказал ему о произошедшем в университете и показал газету, найденную только что в почтовом ящике – «Диссидентские сиделки», которую, по всей видимости, космополиты подбрасывают в почтовые ящики порядочных граждан.

– Да, попадается время от времени такое дерьмо, – сказал Вальдемар.

Я из любопытства стал читать. Эпиграфом к газете слу-

жили некрасовские строки:

Но гражданином быть обязан.

На первой полосе в статье под заголовком «Заклеймим советский фашизм!» последними словами поносился Шеварднадзе.

– А у нас он считается демократом, – заметил я.

– Да что им! По меркам диссидентов даже президент США – фашистско-маккартистский лакей.

На второй полосе – статья «Памяти Андрея Дмитриевича Сахарова, зверски убитого советскими спецслужбами десять лет назад». В ней меня поразила фраза: «С первых дней установления тоталитарного большевистского режима Сахаров вел бескомпромиссную борьбу со всеми проявлениями русского фашизма – советизма».

– Постой, но ведь Сахаров родился в 1921 году! Он никак не мог бороться с советизмом с первых дней советской власти!

– В этом-то вся соль анекдота!

На следующей странице публиковался мартиролог диссидентов, расстрелянных в первом квартале 1996 года, а последняя, четвертая полоса целиком была посвящена рубрике «Враги и предатели». Из двух статей в первой был заклеен Сергей Курехин, некогда близкий к диссидентству лидер «Поп-механики», а ныне принадлежащий к исследовательской группе директора Ленинградского НИИ геополитики.

тики Дугина. А во второй содержался призыв к ленинградцам-петербуржцам не приобретать и не читать погромно-антисемитского сатирического журнала, издаваемого Ленинградским отделением ДОСААФ, «Смеюсь над сатириками». Редколлегия газеты была анонимна, но стиль, лексика и ряд формулировок напоминали нескольких известных в демократической России политиков и журналистов.

Когда газета была отправлена в надлежащее место, Вальдемар, все это время внимательно следивший за выражением моего лица, сказал мне:

– Я замечаю все увеличивающуюся твою тоску. Но позволь предложить тебе средство.

Вот так я всегда начинаю разговор издалека, если не от Рода, то уж от Кия. Просто поразительно наблюдать себя со стороны.

– Что ты имеешь в виду?

– Тебе надо познакомиться с девушкой, – и сразу оговорился. – Нет, ты не подумай, что я перефразирую Гессе, но...

– А что, ты уж и кандидатуру подобрал?

Уж перед самим-то собой я не стесняюсь в выражениях; и он тоже.

– Да, а что?

– Боюсь, из этого ничего не получится. Я, как я понял – лицо квазигосударственное. А стало быть, моя личная жизнь неизбежно оказывается под государственным контролем. Я ведь по сей день пишу аккуратные еженедельные отчеты в

известное ведомство. Да и потом, зачем портить кому-либо жизнь, я ведь еще надеюсь выбраться отсюда...

– Куда? – с самой крепкой иронией спросил он. – Если оставить в стороне родственные связи, что ты потерял?! Жалкую стипендию в тринадцать советских рублей? Синтетическое питье из «развитых» стран, сбываемое в развивающиеся? Лицемерие сатириков, на которых клейма ставить негде, и которых хлебом не корми, дай посрать людям в душу? Из твоего повествования о ваших злоключениях я единственного никак не пойму: ради чего все это? во имя чего? Кому вы хотите всем этим доставить удовольствие? Создается впечатление, что у вас вся страна живет по христианской заповеди о пощечинах. Но ведь так же не бывает?! И это лишний раз меня убеждает, что наша страна может жить или при тоталитаризме, или вообще жить не может.

Не успел я ответить на это, что когда герой одного фантастического рассказа на машине времени попал в свою мечту, в ту же минуту он понял, что покинул единственное пригодное для него место обитания, как надрывно зазвонил телефон. Это был Владик Борин – наш общий с Вальдемаром друг. Он звонил по международной линии из Марбурга, где уже год учился в университете по советско-германскому студенческому обмену (Вальдемар рассказывал, что председатель германской комиссии пришел в восторг от его расового типа: Владик был земляком Ломоносова). Пока Вальдемар на русско-немецкой смеси переговаривался с Владиком,

раздался звонок в дверь – пришла Виола. Она уже научилась распознавать нас по выражению лица: у Вальдемара оно было куда жизнерадостнее и самоувереннее.

Вечером по телевизору немецкий киножурнал о праздновании 1-го Мая: титры предупреждали: «Евреям и их родственникам смотреть не рекомендуется». Горны, сияющие небеса, улыбки людей; престарелый Курт Вальдхайм, которому члены гитлерюгенда в белых рубашках и коричневых шортах дарят цветы; празднично иллюминированный Большой Зал Рейха, салюты в виде распускающихся роз и маков; немецкая рабочая семья – отец, мать и трое ребят-шек – собрались вечером у огромного телевизора; студенты-ботаники Гамбургского университета сажают тонкие липы; в венском Пратере открываются фонтаны; сверхплановые фольксвагены сходят с конвейера на заводе в Кракау; молодожены получают в подарок от бургомистра экземпляр «Майн Кампф»; в далеком гарнизоне вермахта на Мадагаскаре поднимается по флагштоку государственный флаг; космонавты на орбитальной станции «Дойч Вельт» слушают токкаты. Потом сажусь за написание истории СССР и демократической России. Уже приближаюсь к концу, сегодня должна быть написана глава о чеченской войне.

АВЕНТЮРА ВОСЬМАЯ, в которой я выражаю свое презрение к детективному жанру, а МГБ признает свою ошибку

Внутриполитическое положение страны характеризуется морально-политическим и идейным единством всех классов и социальных групп, всех наций и народностей, составляющих советское общество.
«Страны мира»

В ночь с восьмого на девятое мая мне приснился кошмарный сон. Вообще-то я с детства научился регулировать свои сновидения, но в тот раз суровый Утгард бесцеремонно вторгся в мой уютный и обустроенный Мидгард.

Снится мне, что я – не я, а немецкий еврей престарелой наружности. И будто живу я в самый разгар тридцатых годов. Будто бы у моих родителей – зажиточных торговцев – хорошая усадьба в шагаловском стиле. И будто бы я – Вениамин бен Даниэл Шофец – выхожу в свой сад и слышу разговор двоих слуг (тоже евреев). Они спорят, могут ли только евреи вкушать мацу, и приходят к выводу, что только евреи. Потом ко мне приходят две мои знакомые еврейки лет пятнадца-

ти (одна из них должна вскоре стать моей женой) и играют со мной в теннис. Потом мы идём в город погулять и встречаем по дороге факельное шествие национал-социалистов. Стоящий рядом с нами русский купец, бежавший из Советской России, сокрушается (на русском): «Господи, и здесь социализм!» Потом к нам подходит высоченный штурмер, очень похожий на Нильса из истории про диких гусей – занимательной географии Швеции. Этот Нильс совершенно бесцеремонно снимает с шеи моей невесты драгоценное ожерелье, а я ничего и ответить не могу. В отчаянье я бегу по улице и вижу, как в еврейском ресторане несколько скрипачей на визглявых скрипках очень противно исполняют «Полет валькирий». За такое беспардонное оскорбление величайшего музыканта всех времен и народов штурмовики карают горе-музыкантов, а под горячую руку достается и мне, пробегающему мимо. Я, подобно апулеевскому ослу, тщетно пытаюсь сбросить с себя эту губительную наружность, хочу объяснить, что я – Вальдемар, сын немца и пасынок немца, но каркающие звуки, вырывающиеся из этой чужой гортани, никого не обманывают.

Пробудившись от столь тяжких сновидений в холодном поту, я счел это весьма дурным предзнаменованием и с удовлетворением потрогал правильной формы нос, а также удостоверился в отсутствии другого, более ужасного признака.

Предчувствия меня не обманули: сразу после завтрака зазвонил телефон, и меня срочно вызвали в райуправление

МГБ. Обреченный, я собрался и пошел. Квадратное здание райуправления на Трамвайном проспекте было выдержано в канонах оруэлловского романа. А на тротуаре рядом кто-то написал розовым мелком: «Вова любит Машу!!!» Я вошел в здание минилюба, предъявив розовый пропуск.

Полковник, когда я вошел в его кабинет, перебирал бумаги в столе и кивнул мне на кресло напротив. Потом он долго минуту изучал выражение моего лица и, наконец, спросил:

– Вальдемар, на кого вы работаете?

– В каком смысле, на кого работаю? – не понял я.

– Какого черта вы здесь?! – полковник едва сдерживался.

– Вопрос нелеп. С тем же успехом вы могли бы спросить Робинзона, какого черта он торчит на острове...

– Хватит валять дурака! Вы слишком дорого нам обходитесь, Вальдемар! Ваша писанина – бред сивой кобылы! Того, что вы пишете, не может быть! Вы столь самоуверенно лжете, что даже не стараетесь избавиться от логических противоречий в вашей версии российской истории. Мы проверяли на ЭВМ.

– А как же экземпляр «Истории СССР для поступающих в ВУЗы»? Его ведь писал не я...

– А как вы докажете, что эти вещи – подлинники, а не подделки ваших немецких хозяев?..

– У меня нет хозяев...

– Опять лжете! 1 марта сего года вы приехали из Герма-

нии.

– Но вот тут уж вы необъективны. Если бы я действительно был немецким агентом, зачем же мне было 20 февраля того же года появляться из ниоткуда в Ленинграде, зачем мне было являться к своему двойнику, и зачем мне было быть идентичным моему двойнику? Как вы это объясняете? Хозяевами?

Полковник помолчал, потом спросил:

– А какой черт понес вас в Германию?

– Мой двойник, чьими документами я воспользовался. Или, по-вашему, документы тоже подделка?

– Отвлекающий маневр. Вы направили следствие по ложному пути, да еще сочинили такое, что кровь холодеет.

– Но что же сказали ваши биологи по поводу нашего двойничества?

– Оставьте это. Это не ваш козырь. Нам известно об уровне немецкой генетики.

– Так вы меня, что, за биоробота считаете?! – мной овладели одновременно смех и ужас. Логика полковника была неопровержима. – Но в действительности вы ошибаетесь, глубоко ошибаетесь! Я презираю детективный и шпионский жанр! Я ненавижу политику! Я возненавидел ее там, у себя!

– В Германии? – переспросил полковник.

– Нет, в России. Я историк, и мне чужд авантюризм. Несчастный случай вы приняли за злой умысел. Я желаю вернуться назад или жить здесь частным образом. Поставьте

себя на мое место! Что бы вы отвечали? Как бы вы доказывали, что вы не верблюд?

– Это все риторика. Заговаривать зубы вы умеете. Придется поговорить с вами по-другому, – и, заметив внезапную бледность на моем лице, добавил. – Вы ошибаетесь, если думаете, что мы будем вас бить. Это кустарщина. У нас есть другие способы заставить вас говорить правду. Ни с места!

В ту же минуту меня схватили сзади два сотрудника и отвели (я, естественно, не сопротивлялся) в тесную кабинку где-то налево от кабинета полковника, напоминающую что-то вроде зубного кабинета и рентгеновского аппарата. Меня зафиксировали в просторном кресле и подключили к моей груди, лбу и вискам множество датчиков. Потом в запястье очень болезненно вошла толстая игла, и я потерял контроль над самим собой. Потом я отвечал на множество вопросов часа два-три подряд. Как только я отвечал на очередной вопрос, он вылетал из памяти, а сознание до краев заполняло следующее видение: я – мужественное начало – вторгнулся танковыми колоннами во французские пределы – женственное начало...

Я пришел в себя лишь несколько часов спустя в том же кабинете полковника (читатель, должно быть, догадался, что я побывал в кабинке детектора лжи). Полковник долго смотрел на меня, не говоря ни единого слова. Потом тем тоном, каким в детских фильмах постовой милиционер извиняется перед задержанным за нарушение уличного движения ино-

планетянином, произнес:

– Извините, мы ошиблись... Значит, все, что вы сказали ранее, действительно правда...

– Неужели вы не могли выяснить этого два месяца назад? – я начинал приходить в себя.

– Дорогой мой, это ведь не от нас зависит! Я в этом деле вообще стрелочник... Но это ужасно... Аппарат не врет... Вы действительно не из нашего мира...

– Ну вот, наконец-то вы, Павел Сергеевич, оказались на моем месте!

– Дело не в этом. Вашего двойника ждет большой нагоняй.

– За что?!

– Он должен был тут же заявить о вас, а он решил, как мальчишка, поиграть со службой безопасности в прятки. Идиот! Вы чувствуете себя не в своей тарелке? Отлично! У вас есть шанс занять его место.

– А вы всерьез решили, что я – немецкий шпион?

– Видите ли, Вальдемар, все гораздо сложнее. Думаю, я не нарушу служебную дисциплину, если открою вам глаза кое на что. Нам известно, что в германских структурах безопасности и внешней разведке существует план «Барбаросса» – план взятия власти в СССР в случае попытки проамериканского переворота (вроде того, что случился у вас в 91-м году). Кое-какие детали этого плана нам еще неизвестны, и мы ожидали связного, а тут появляетесь вы...

– Хотите правду?..

– Какую правду? Вы уж высказались.

– Я не помню, что я говорил, но могу лишь повторить. Я терпеть не могу шпионских игр, у меня другой темперамент. При всей моей симпатии к германской культуре, я отказался бы на них работать. Просто потому, что я мало пригоден для этого и, потом, питаю отвращение к детективному жанру.

– Ну да это уже не важно. Просто мы были удивлены, что вы слишком «вошли в роль». Оказывается, это правда...

– Что же меня ждет?

– Не хотелось бы произносить какую-нибудь идеологическую банальность, но вы должны влиться в наше общество, принять наши правила игры, и никакой самостоятельности: сами видите, к чему это приводит.

– А мой кузен?

– А с ним разговор еще будет! Это ж надо такое придумать: послать вместо себя двойника! В игрушки до сих пор играет!

– Надеюсь, он не будет слишком сурово наказан?

– А он сам себя наказал. Отныне он – невыездной. Вместо него будете ездить вы – шеф принял соломоново решение. Так что обустраивайтесь, женитесь, работайте, живите как мы. А что касается вашей психологической реабилитации, то от нас-то что хотите? В этом вопросе мы вам ничем помочь не можем.

– Да нет, я не жалуясь.

– А все же скажите, где лучше: здесь или там, у вас?... ну,

по большому счету.

– Хорошо там, где нас нет. Хотя здесь мне понравилось.

Тут вошел врач, который дал мне несколько таблеток от наркоза.

– До свидания, Вальдемар. Завтра я выхожу в отпуск, а вами займется лейтенант Мироненко. Познакомьтесь, это Слава, – он представил меня молодому человеку, почти моему ровеснику, и вышел.

Когда я довольно поздно вернулся домой, по радио сообщали о шестидесятилетнем юбилее известного театрального деятеля Марка Залупышкина. Вальдемар выслушал мои рассказы и сказал:

– Мы с тобой ещё хорошо отделались. А вообще тебе лучше на время уехать...

– Куда?? Зачем??

– Я спасаю самолюбие нашего ведомства, подожди, они сами тебя об этом попросят...

– Это ты пустил версию, что я немецкий шпион?

– Нет! С какой это стати?! Это наверно, тот сумасшедший, который хотел пришить мне дело об антисемитизме. Мне говорили, он неврастеник.

– О горе мне! – я обхватил голову руками. – Я – в чужой стране (да, в чужой!) Никому я здесь не нужен, а контрразведка смотрит на меня, как кошка на сало.

– Не прибедняйся. В конце концов, что ты хотел в своем исключительном случае? В этом и заключается горечь славы

– она съедает человека. Моральный кодекс строителя коммунизма учит не искать славы, ибо она тяжка.

– Наплевать мне и на кодекс, и на коммунизм!..

– Недальновидно, Вальдемар. Кто ты здесь? Никто. Ты – моя тень, фантом, недоразумение, игра природы, если хочешь. Но я обязан нести ответственность за самого себя. Ситуация вне моральных норм, но я делаю осознанный выбор... Нас все равно рано или поздно поймали бы. Бытовая фантастика в стиле Кира Булычева – сказка. Вспомни Лемма: до Земли долетит человек, то есть его документы.

– Лемм? Станислав Лем?!

– Да, Станислав Лемм (немецкий фантаст польского происхождения). По его роману «Солярис» Тарковский снял фильм... А что ты так удивлен?..

– Я не могу себе представить Лема германизированным писателем. В 39 году ему было восемнадцать... И о чем там?

– Действие происходит через несколько тысяч лет. Немец-психолог английского происхождения Кельвин летит на исследовательскую станцию на планете Солярис (это где-то в районе альфы Лебеда)...

– Можешь не продолжать... Что же делать?

– А знаешь что, когда меня вызовут в МГБ, я предложу им такой план: ты уезжаешь на Украину к одному моему давнему другу, а тем временем...

– Меня удивляет либерализм данного ведомства.

– Да перестань ты паясничать! У тебя какие-то вурдалак-

ские взгляды на жизнь. У всякого ведомства бывают провалы в работе, да и ситуация неординарна. Быть может, ты ещё понадобишься.

– Знаешь, с тех пор, как я взглянул на себя со стороны, так сказать, мне часто бывало стыдно за себя самого.

– Ну знаешь! я тоже был весьма удивлен твоим вариантом моей биографии, да и вашим вариантом истории вообще.

А за окном нарастали сумерки, обволакивая пространства чернильно-серой вязкостью весенней ночи. Этот мир существовал реально, он существовал независимо от меня и моих знаний о нем. А мое сознание все еще прерывало в состоянии солипсизма. Но я нашел выход.

АВЕНТЮРА ДЕВЯТАЯ, в которой меня спасает от сумасшествия маленькое дорожное приключение, и я нахожу доказательство реальности моего существования

*Поэтому женщины всю свою жизнь остаются
детьми.*
А.Шопенгауэр.

Существует множество вариантов интеллектуального помешательства, даже весьма экзотических. Помню, когда я только начинал учиться на первом курсе, один студент сошел с ума из боязни потерять земное тяготение; он постоянно держался за какие-либо закрепленные предметы, а вне дома ползал по земле, судорожно хватаясь за пучки осенней травы: ему все казалось, что наш ничтожный по космическим масштабам шарик не удержит его, и он унесется в мировое пространство, где холод и нет кислорода.

Когда пятнадцатого мая я въезжал в городскую черту Москвы, смятение, царившее в моем мыслительном пространстве, было сродни тому вихрю, который образуется в

голове человека, читающего сразу пятьдесят книг. В полупустом экспрессе я делил свое купе со среднего возраста православным священником, едущим на какой-то симпозиум в Сергиев Посад. По необъяснимой причине я всегда вызывал доверие у этой категории людей, может быть, потому, что я вполне мог бы стать истым священнослужителем, если бы не был навеки влюблен в исконную Природу, обожаемую моими белокурыми предками. Священник оказался ярым советистом:

– Никакие гонения на Церковь со стороны Советской Вла-сти не сравнимы с тем глумлением над православием, кото-рое ожидало бы нас в России Керенского. Свобода совести, видите ли, Вальдемар, есть неслыханное оскорбление Церк-ви, ибо она ставит ее на одну доску с ересями. И мы понима-ем, что в конечном счете коммунисты ближе нам, православ-ным, и душой и разумом, чем какие-нибудь пошлые бапти-сты. Ведь многие революционеры вышли из духовных семей. А Сталин, вы же знаете? учился в духовной семинарии. Вы знаете, что в 46 году он хотел помазаться на царство?

– Да, я знаю...

– А то, что Сталин вернул нам браки, воскресенья, что он спас названия наших русских городов, которые троцкисты в двадцатые годы хотели просто пронумеровать? Да, да, назы-вать по номерам!

– Я знаю это, да.

Священник был несколько удивлен моей осведомленно-

стью.

– Сталин был консерватором, – продолжал я. – Идеалом государственного устройства для него была Российская империя прошлого века. И вся его деятельность – это неуклонная реставрация дореволюционных порядков.

– Да, скорее всего, вы правы, Вальдемар.

На перроне, как и в сороковые годы, проверяли документы. Комсомольская площадь, где встречались приезжие из Казани, Ленинграда и Ярославля, была запружена народом. Уже темнело, и я заторопился в недорогую привокзальную гостиницу. Я бывал в Москве всего два раза в жизни, и мне не нравился этот город.

Стоя в длинной и малоподвижной очереди в регистраторскую в холле гостиницы, я смотрел по телевизору юморину «Выбор Веры».

Вначале на эстраду вышел не то вавилонский маг, не то индусский махатма. Он воскликнул:

– Кара-бурзу-бурзу! – и тут же пояснил. – Кто понял, тот познал шестую истину третьего уровня.

Потом появился баптистский проповедник с дебилно-детским выражением лица:

– Дорогой друг, открой свое сердце Иисусу и купи акции Иисуса. Всем известно, что акции такой великой компании, как «Дженерал моторс», дают прибыль не более десяти процентов. Десяти процентов! Но я верю, дорогой брат, что акции Иисуса дадут тебе прибыль в тысячу процентов! Поду-

май: тысяча процентов в Иисусе!

Последним шел под соответствующую мелодию раввин с куриными перьями в пейсах.

– Так это же Степка из Виленского юденблока! – крикнул кто-то из выборщиков. – Как вы там, Степка, живете?

– Плохо нам, евреям: в воскресенье работай, свининку не ешь...

– А ты, может, еще и не пьешь?

– А где это в Заповедях сказано: «Не пей»?

Едва я с усталым удовольствием откинулся на спинку кресла в одноместном уютном номере и протянул руку к лежащему на столике рядом журналу «Вокруг света», в дверь постучали.

Имея во всех стратегических пунктах Европейской части СССР многочисленных родственников, я никогда не пользовался гостиницами и не знал, что следовало делать в этом случае. Я сказал первое, что пришло на ум:

– Да, да! – ожидая, что в номер ворвется банда грабителей, или запустят гремучую змею.

Вошла девушка в длиннополом черном плаще (я вообще заметил в советской моде тенденцию к длинным женским подолам, что, правда, было лишь перепевом германских мод под влиянием бургундца-Кардена) и с маленьким дорожным чемоданчиком в светлых тонах:

– Здравствуйте. Я хочу с вами познакомиться.

– У меня нет денег, – пожал я плечами и не соврал (зав-

тра Вальдемар должен был переслать мне аванс в Москву до востребования).

– Что вы? – она вскинула брови. – Не думайте обо мне так. Я приехала одним с вами поездом (в соседнем купе), и у меня нет знакомых в этом городе... Я так и буду стоять?

– Нет, нет! садитесь, – я даже привстал. – Как вас зовут?

– У меня очень экзотическое имя – Инда, – она повесила свой длиннополый плащ в шкаф и села в кресло напротив.

– В тебе... давай уж на ты... в тебе есть что-то восточное.

– Да, моя мама – крымская татарка.

– А меня зовут Вальдемар, – я протянул руку. – Будем знакомы.

– Ты – немец?

– Полунемец-полуукраинец.

– И что же вы, герр, и вы, пан, будете есть на ужин? – она явно кокетничала.

Я заходил по номеру. Хрестоматийного звонка, которым вызывается прислуга, в советских гостиницах нет.

– Здесь даже умывальника приличного нет! – я спустился на первый этаж и заказал в буфете. – Пожалуйста, две порции бифштексов, сыр, два салата, да вот этих, из помидоров, только покраснее, и бутылку сухого.

– «Золото Рейна»?

– Да, да.

– Обслуживающий персонал как всегда на высоте? – сыронизировала Инда, когда я вернулся в номер в ожидании

заказа.

Через четверть часа мы ужинали. Умывальника в номере не было, но зато между платяным шкафом и кроватью с бледно-зеленым покрывалом стоял старый громоздкий пропыленный радиоприемник, настроенный кем-то на берлинскую волну. Когда я включил его, тишину номера наполнила «Девятая симфония» Бетховена в исполнении Берлинского филармонического оркестра под управлением Герберта фон Караяна – об этом сообщила лаконичная дикторша.

– Ты учишься? – неожиданно спросила моя гостья.

– Да, студент философского факультета ЛГУ.

– А я – натурщица, – призналась девушка, – да, да, натурщица. Все вы любите разглядывать прекрасных женщин на полотнах великих художников, а забываете, что для удовлетворения ваших эстетических потребностей нужны мы – часами просиживающие в холодных мастерских, стуча зубами.

– Да, об этом мы и не задумываемся, – я убавил громкость радиоприемника.

– У меня рекомендательное письмо к Глазунову. Но сейчас поздно и холодно...

– Ты мне очень нравишься, – произнес я, трогая ее плечо, – не знаю пока за что, но нравишься...

– А ты торопишься жить. Сколько тебе?

– Двадцать два.

– Я тебя старше, – она прищурилась. – На четыре года.

– Однако!.. Честно говоря, когда ты вошла, я дал тебе не

больше пятнадцати.

– Странно это. Я ведь родилась в Талды-Кургане. Нас туда мерзавец-Сталин забросил. Какие там жуткие морозы! У меня сестренка маленькая умерла от воспаления легких, – на ее глазах блеснули слезы.

Я обнял ее и погладил по плечу, потом по щеке. У нее уже слипались глаза.

– Все, пора спать, – поднялся я.

Я долго целовал ее, хрупкую и легконогую. Она, казалось, была создана утолять жажду не хуже Бахчисарайского фонтана. Зеленоватый ночник освещал наши головы, прильнувшие друг к другу на одной подушке. А полуприглушенное радио убаюкивающе шушукало на той же берлинской волне:

Кто стражем хочет стать реки!

Я не был в этом мире фантомом. Я действительно существовал. Я занимал закономерную клеточку бытия. В этом заключался мой ключевой эксперимент, который я, пользуясь случаем, поставил в московской гостинице. Но как только я убедился в реальности моего существования здесь, сразу же зародилось и созрело ощущение того, что я видел свое двадцатидвухлетнее существование в «моем мире» во сне.

АВЕНТЮРА ДЕСЯТАЯ, в которой я совершаю паломничество в прошлое и будущее одновременно

*Коммунизм – это высокоорганизованное общество свободных и сознательных тружеников.
Краткий политический словарь.*

От Москвы мой путь пролегал дальше на юг. Через Тулу, через Орел, через полуночные Курск и Белгород, пересекая незаметно для спящих пассажиров условную линию, разделяющую российские и украинские области, через туманно-утренний Харьков (где на вокзале я купил свежий номер «Перца»); наконец, разъезд Синельниково направил экспресс по последнему семидесятикилометровому отрезку пути – в Запорожье. Я ступил на перрон в половине одиннадцатого утра восемнадцатого мая в субботу. Я не был здесь уже четырнадцать лет. Моя поклажа, как обычно, ограничивалась скромным чемоданом и фотоаппаратом в рифленном футляре. Расписание электричек обещало мне длительное сидение в переполненном зале ожидания, и я отправился побродить по городу. Очень скоро я нашел длиннейшую в мире улицу Мира, на которой родился (я имею в виду местонахож-

дение роддома) – она разместила на своих четной и нечетной сторонах все архитектурные стили российской провинции от доходных домов времен Александра III до позднебрежневских железобетонок. Естественно, и здесь господствовал имперский стиль, разбавленный пятиэтажками и новейшими еще строящимися домами из мелкого оранжевого кирпича, в которых проглядывало что-то средневековое. Как всех своих путешествиях, я приобрел в киоске карту Запорожья и долго изучал ее уже на вокзале, закусывая мороженым в форме факелов.

Электричка тряслась по рельсам целый час, пока я не приметил уже почти стершиеся в памяти очертания Ореховского вокзала. Густые кроны привокзального парка уже скрывали бюст Ленина и перспективу главной улицы Орехова (в моем мире сна называлась улицей Ленинградских курсантов, а здесь – улицей Юрия Гагарина). Я не торопясь шел мимо частных домиков и трех-пятиэтажных домов с маленькими балконами, прошел мимо стадиона и пункта приема стеклотары (закрытого на переучет), мимо школы справа, где когда-то училась моя мама и откуда взбегали тонконогие школьницы в коричневых платьицах. Через квартал от школы высился большой универмаг, в котором со мной приключилась заслуживающая упоминания история.

Когда мне было два года, мама впервые повела меня в игрушечный магазин и позволила самому выбрать себе игрушку (тогда такие эксперименты еще не разоряли родителей).

Первое, что я схватил, была огромная кукла, что лишний раз подтверждает мое равнодушие к женскому полу уже в столь юном возрасте. Отказавшись через пять секунд от этой идеи, я побродил по людному залу и тут заметил нескольких игрушечных коней на колесиках, застоявшихся в ожидании двухлетних наездников. Надо сказать, что у меня тоже был такой конь по кличке «Бим». В полной уверенности, что это и есть мой уникальный и неповторимый Бим, я уселся на первого же коня и победоносно поехал по магазину. Все продавцы, покупатели и дети едва не померли со смеху. Выбрал в тот день я огромный ракетовоз.

Все это я вспоминал, рассматривая витрины универмага в очереди за отличным ореховским квасом, чей вкус я помнил всегда. Потом я пошел дальше, перешел на левую сторону улицы Гагарина, обрамленной цветущими каштанами. Там был продовольственный магазин «Березка» (нет, не валютный; от нашего уездного городка до любой границы было не менее трех месяцев, а если никуда не порываться, то и вся жизнь). У магазина в открытой легкой коляске сидел малыш и держал в ручонках стебель барвинка с нежно-сиреневыми цветами. У следующего овощного магазина «Город» («Огород» укр.) толпились люди в длинной очереди за прошлогодней картошкой, а столетняя бабка возле автоматов с газированной водой продавала редиску по двадцать копеек пучок. Еще дальше на углу улиц Гагарина и Гоголя было общежитие Ореховского сельскохозяйственного техникума, а нале-

во – дом моего детства, большой трехэтажный сталинский дом, какой обычно строят в провинции для мелкого начальства. Здесь на втором этаже жил молодой человек, которому Вальдемар рекомендовал меня в длинном и обстоятельном письме объемом со среднюю новеллу Чехова. Я не знал его, но Вальдемар объяснил, что его дед – чистокровный немец, так что в моем варианте истории он, должно быть, был женат на предприимчивой крымской татарке в дальне-казахстанском городе Талды-Курган. Друг вальдемарова детства, он дважды приезжал в Ленинград и годами переписывался с ним. Ему-то и разрешили рекомендовать меня Вальдемару после долгого и малоинтересного инструктажа в райотделе МГБ. На фотографиях он – высокий, белокурый, со странной смесью на лице черт фон Караяна и Караулова. Двадцатипятилетний комсомольский функционер с высшим астрономическим образованием (он мечтал открыть новую звезду – малый астероид – и назвать ее именем любимой девушки). Звали его Антон Торвальденко – в пятидесятые годы многие немцы на Украине измелили свои фамилии на украинский лад, что бы там ни думал Гитлер. Его отец, Гунтер Карлович, был вторым секретарем пионерской организации Орехова и очень любил возиться с детьми.

Перед тем, как войти во двор, я еще раз окинул взглядом просторную площадь направо от улицы Гагарина, в центре которой на месте бывшей церкви стоял огромный памятник Ленину, а дальше начинался ухоженный парк с каруселями

и качелями. Как и четырнадцать лет назад, рядом со мной был киоск «Союзпечать».

Подметавший во дворе асфальтовые дорожки среди клумб дворник-еврей осведомился у меня, к кому, собственно, я. Я не удостоил его ответом и вошел в сырой подъезд. Дверь искомой квартиры как раз открывала, стоя ко мне спиной, школьница лет тринадцати с черным ранцем. Она обернулась на звук моих шагов и несколько секунд вглядывалась в черты моего лица; я тоже не спешил.

– Ах! Вальдемар! – воскликнула она наконец.

Это была сестра Антона. Тут в полуоткрытой двери появился сам Антон в тренировочном костюме и с книгой в руке. Меньше всего он ожидал увидеть меня.

– Вальдемар! Ну триста лет не виделись! Почему ты так долго не писал? Это ж просто неприлично.

После первых приветствий я подал ему рекомендательное письмо и сказал:

– Пожалуйста, прочти это. Только постарайся не удивляться прочитанному. Все это правда.

Зина, сестра Антона, как раз зашла в свою комнату переодеваться и не заметила столь странного поведения гостя при встрече с давним другом. Столь же удивлённый Антон тут же вскрыл конверт и углубился в чтение. Это продолжалось минут пять, в течение которых я успел прослушать весь выпуск новостей: сообщали о терактах голлистов в Нормандии, об успехах повстанцев на Филиппинах и о спуске на воду

нового ядерного авианосца в Северодвинске. По мере того, как Антон читал, его лицо приобретало выражение, подобное выражению лица всех людей, посвященных в мою тайну: он соизмерял прочитанное со своим представлением о мире. Соображал он, видимо, быстрее, чем все они вместе взятые, ибо к концу чтения у него уже была точка зрения на это происшествие.

– Поздравляю вас, сударь, – сказал он мне, складывая письмо.

– С чем? – не совсем понял я.

– Если бы вы пожелали, вы могли бы играть огромную роль в нашей политике.

Еще и луна не сменилась, а меня вновь втягивали в политические игрища. Я запротестовал:

– Я нетщеславен. К тому же близкое знакомство с вашими спецслужбами отбило у меня последние крохи политического авантюризма.

– Вас, конечно, воспринимали как аномалию... – начал было Антон, но тут вышла Зина, и он резко сменил карты. – Ну и что там у вас, в Питере? До нас дошли слухи о всяких вылазках... этих... недобитых... я о троцкистах говорю.

Я в точности уразумел намек и, как ни в чем не бывало, стал играть роль заправского советского Вальдемара, подражая его словоохотливости и вычурности стиля. Мы перешли в просторную кухню. Я достал подарки всем домочадцам (их родителей не было дома). Антон последний раз встречался

со мной (то есть с Вальдемаром) на моей (то есть вальдемаровой) свадьбе, и еще ничего не знал о двух вояжах Вальдемара в Германию (один из них мой). Тут я был знатоком и даже показал сохранённый мной (дедова привычка) билет «Ленинград – Берлин», а Зине, коллекционирующей путеводители по зарубежным городам (из всех загранич она побывала лишь в Стамбуле прошлым летом), подарил путеводитель по Потсдаму.

– Ты знаешь, Антон, когда Петр I впервые приехал в Германию триста лет назад, он велел всем своим людям зашить карманы во избежание краж. И правильно сделал. Оказывается, в Германии на каждом прилавке в магазинах лежат кипы ярких буклетов (немцы не любят броских реклам и ограничиваются буклетами). В первый же день я понабрал всех подряд по одной. Через два дня решил, что этого мало, то будет, и еще по одному экземпляру тяпнул. А в последний день, воровато оглядываясь на продавцов и покупателей, втихаря стянул целую пачку брошюр насчет адриатических курортов и новых сортов пива с сосисками...

– Намек ясен! – хохотнул Антон, достал из старинного шкафчика трехлитровую банку пива и разлил нам по литровым кружкам, не обойдя и Зины. Банку он тут же аккуратно вымыл и поставил сушиться на сетку над раковиной.

– Но что самое замечательное, – продолжал я, – это немецкие бани. Представь себе, что какой-нибудь из твоих друзей приглашает тебя со всей своей семьей в баню, где вы и

оказываетесь без различия пола и возраста. Тут уж русская икра заключает пакт с немецким пивом, а потом приглашают несовершеннолетних полек показывать «танец осы»... не при даме будь сказано...

– Да какая она дама! – Антон не воспринимал сестру всерьез. – Ну, что? говорила с математичкой?

– Да, она сказала, что если я буду заниматься все лето, то поставит четверку по алгебре.

– Вот маму и порадуешь, когда придет. А сейчас брысь! У нас разговор важный.

– Ну и оставайтесь! – хмыкнула она, наряженная в красивое салатное с белым платице, и ушла, обиженная.

Хозяин за долю секунды перевоплотился в серьезного собеседника, и, потягивая недопитое пиво, сразу заговорил о деле:

– Если тебя смущает твоя неприкаянность, могу предложить тебе должность моего секретаря. Я работаю в лектории по распространению научных знаний среди старшеклассников. Кстати, а я... я там есть?!

– Не знаю... Я никогда не был знаком с человеком, похожим на тебя. Учти, что в 41 году почти всех немцев депортировали из Европейской части СССР в Казахстан.

– А, ну в таком случае, ни меня, ни моего папы там точно нет. Мой родитель с 42-го. Стоп! Но ведь у тебя же тоже папа немец.

– Его немецкая фамилия – Блюхер. По всей видимости,

никому в военном Крыму и в голову не могло прийти, что герой гражданской войны может быть немцем.

– Весьма остроумно! Ты жил этажом выше. Там сейчас обитает бывшая жена начальника вокзала, очень хорошенькая, могу познакомить...

– Успеется.

Мы еще долго сидели и обсуждали проблемы мировой политики, пока не пришли родители Антона: они были на кладбище, где покоилась недавно умершая прабабушка Антона – в последние годы жизни она сама устроила себе могилку, в уходе за которой проводила иногда и полдня; доходило до черного юмора: на вопрос соседки, где прабабушка, отвечали: «На своей могилке»... (Это все мне рассказывал Вальдемар, вешая на стену картину Глазунова в раме из поддельной бронзы).

Отец Антона имел фюрнаме детского психолога, и сразу становилось ясно, что с детьми ему гораздо легче общаться, чем со взрослыми. Мое появление оживило атмосферу, и после, увы, неизбежных расспросов о дороге и ценах на колбасу в Ленинграде он пригласил меня на «мировую рыбалку» и рассказал об одном сослуживце, который переехал на новую квартиру и сетовал, что у него нет кота пустить первым на порог:

– Так я ему говорю: я тебе тут в камышах штук семь-восемь – полный мешок наловлю.

После этого мы с Антоном пошли на автовокзал в другой

конец города встречать его девушку, и я вновь увидел вереницу карикатур, бичующих пьянство, и старый мост, уцелевший без войны, от которого в моем мире остались лишь полуразрушенные быки. В Конке уже бултыхались купальщицы, в Запорожье уезжал маршрутный «Икарус» (Хорти нормализовал отношения с СССР весной 41-го года, и венгерской стороне были возвращены реликвии революции 1848 года – трофеи русской армии).

В стороне от автовокзала действительно был юденблок, обнесенный местами поломанным дощатым забором. У забора еврейка в нарушение субботы торговала карамельными петушками. Мимо нас прошел дряхлый ветеран с целой планкой неизвестных мне наград, он опирался на блестящую палку. Сорванцового вида мальчишка в зеленой рубашке погнался за девочкой в школьном платьице. Прошли две женщины с огромными авоськами. Вдалеке милиционер прогнал хлыстом двух особенно назойливых цыганок. Он подошел к нам, кивнул Антону, как своему давнему знакомому, и поздоровался с нами за руку. Уехал автобус на Гуляй-Поле, приехал автобус из Запорожья, а девушки Антона все не было. Наконец, он позвонил ей по междугороднему телефону, и оказалось, что она и не думала еще выезжать, и будет только завтра утром.

Антон крепко, не благопристойно выругался (не в трубку) и продолжил наш обеденный разговор. Солнце уже клонилось к закату, и асфальт дорог покрылся толстыми и мерца-

юще-тонкими тенями.

– Но меня вот что удивляет: как же вы могли там у себя допустить распад страны? И какой страны!

– Из будущего легче судить прошлое. Но там, на месте все казалось иначе. Например, году эдак в восемьдесят девятом было само собой разумеющимся, что достаточно сбросить с себя «имперские оковы», провозгласить себя частью «демократического мира», и в следующие несколько лет экономический бум, ну, быстрый подъем, неминуемо выведет Россию на первые места в мире по потреблению и производству.

– Вы забыли элементарное правило: борьба за высокий уровень жизни – не наш козырь в соперничестве с другими империями. Я где-то недавно читал, что первое место в мире по уровню производства на душу населения занимает Япония – 28 тысяч долларов, на втором – Рейх – 24 тысячи, а на третьем – США – 23 тысячи долларов.

– А у... нас... сколько?

– Подсчет весьма труден, но по курсу в прошлом году было около 11 тысяч долларов на душу населения. Это при том, что у нас чистое потребление составляет 36 % национального продукта, а в США – 64, и в Рейхе – 52. Это значит, что личное потребление в СССР в три раза меньше, чем в Рейхе, и в четыре раза меньше, чем в США. А... у вас?

– В последней энциклопедии я встретил цифру 3 220 долларов на душу населения – это производство.

– М-да, доперестраивались.

– У нас все еще зависит от курса доллара. Когда я исчез, за один доллар давали около пяти тысяч рублей. . .

– Серьезно?! Вы как аргентинцы – оперируете миллионами?

– Не совсем миллионами. У нас средняя зарплата – семьсот тысяч рублей.

– Интересно, сколько это на наши, – Антон остановился возле дверей аптеки и занялся подсчетами в уме. – Восемьдесят пять рублей, – сообщил он через минуту. – А у нас за триста.

– Нет, с этим всем я абсолютно согласен. Но вы в более выгодном положении. Вы отгорожены от «свободного мира» двумя отличными «железными занавесами»: Рейхом и Ниппонией.

– Да нет, почему? Никакого «железного занавеса», по правде, не существует. Это троцкистский миф. Информационное пространство едино, но тут-то и оказывается, что свобода информации не только благоприятствует демократиям, но и очень вредит им. В той же Америке гораздо больше сторонников национал-социализма, чем в Рейхе – демократии. При равном уровне жизни в Рейхе и Штатах последним остается уповать в своей антигерманской пропаганде лишь на «свободу творчества», то есть доказывать бюргерам и бауэрам, что симфоническую музыку слушать «нельзя», а рэп – «можно». Но в том-то и дело, что германцы невосприимчивы к таким «доводам». Еще в прошлом веке у них сложилась

концепция «культуркампа».

– Да, все хотел спросить, почему в Африке так мало народу?

– Так это только белые. Негры в африканских странах приравниваются к животным и не учитываются при переписях. Их что-то вроде около двухсот миллионов. А в африканские страны-сателлиты Рейха переселяются венгры, французы, босняки и прочие. У Гитлера была концепция Евра-Африки. К тому же уменьшение численности негров благотворно повлияло на сохранность африканской природы: тут уж или-или.

– У нас совсем другая картина: две мировые войны опустошили Европу и стимулировали резкий количественный и качественный рост Третьего мира.

– Какого мира?

– У нас с сороковых до восьмидесятых годов весь мир делился на три части: капиталистический мир во главе с США, социалистический лагерь и так называемой «Третий мир» – страны Азии, Африки и Латинской Америки, которые часто меняли свою ориентацию с СССР на США и обратно.

– Мир у вас, однако, более примитивен, чем наш.

– Нет, почему. Третий мир очень неоднороден: китайский коммунизм – маоизм, азиатский национализм, панисламизм на Ближнем Востоке, панафриканизм. В каждой из стран – множество противоборствующих группировок, постоянные перевороты, гражданские войны.

– У нас конфликты двух видов – конфликты между сателлитами разных империй, например нашей Эфиопии и немецкой Сомали, а в Европе сторонники независимости от Германии – голлисты, титоисты. «Красные бригады» в Италии проповедуют индивидуальный террор. Их, естественно, поддерживают американцы. А наши поддерживают кубинцев и повстанцев в Латинской Америке.

– И ещё одного я не понял: как у ниппонцев появилась атомная бомба?

– Им передали ее немцы сразу же после бомбардировки Хиросимы, и ниппонцы смогли три дня спустя сбросить ее на Лос-Анджелес.

– И что с Лос-Анджелесом?

– То же самое, что и с Хиросимой. Миллион погибших сразу и сотни тысяч умерших от лучевой болезни. В США началась паника, и они вскоре заключили мир с Ниппонией. Только потом выяснилось, что это германская бомба, и что ниппонцы создали свою бомбу только в 56 году.

Так, беседа, мы миновали летний кинотеатр, куда уже собирались зрители, заглянули в ярко освещённый книготорг – ничего интересного – прошли через пустынную площадь, на которой кто-то рассыпал воздушную кукурузу (на Украине воздушную кукурузу (по-украински: баранци) делали еще во времена Тараса Бульбы). Теплая южная ночь опускалась на землю, и уже появились первые парочки, а слева, в доме, где до революции жил поп, располагался немецкий клуб с

бюстом Гебхарда Блюхера, обрамленный двумя рейсбаннерами.

– Почти в каждом украинском городе есть немецкий клуб, – сказал Антон. – А у вас, выходит, всем заправляют янки?

– К сожалению.

– Странно... Очень странно... Вальдемар прав: у вас там не правильная история...

– «Для каждой нации правильная история равноценна ста дивизиям»? – процитировал я Гитлера.

– Эх, Вальдемар, если ты думаешь, что там, где стоит статуя свободы, живут неподкупные объективисты, ты очень заблуждаешься. Один английский публицист писал: «Историю войны пишут победители».

– Это Джордж Оруэлл.

– Оруэлл? Не знаю такого. Стоп! Давай сверим: я буду называть фамилии, а ты вспоминай, есть ли эти люди у вас... Парфенов?

– Не знаю...

– Детский писатель школы Гайдара... Кнут Гамсун?

– Норвежский писатель, сочувствовал фашистам.

– Совершенно верно, только не фашистам (фашисты – это в Италии), а национал-социалистам... Невзоров.

– Есть! Он вел у нас на ЛТ патриотическую программу «600 секунд», а тут я его видел в роли телеведущего.

– Карл Готт?

– Чешский певец и киноартист...

– Немецкий, немецкий киноартист чешского происхождения. Ему сейчас за полтинник.

Тут мы подошли к празднично иллюминированному киоску у нашего дома, и он встретил здесь двух своих друзей – Стеценко и Безверхого. Безверхий написал пару фантастических новелл в стиле Лемма и предлагал их Антону в ореховскую пионерскую газету. Тот взял черновики и пообещал посодействовать.

Когда мы входили в подъезд, я сказал:

– У меня создалась такое впечатление, что в СССР живут только немцы и евреи.

Он остановился, подумал секунды три и ответил:

– По большому счету это так. Русский патриотизм безвозвратно утерян. На него ставят лишь мечтатели или фанатики. Реальных сил только две: либо евреи превратят Россию во враждебную Германии и Европе страну и погонят русских парней убивать немецких братьев, либо мы воссоединимся с Германией и Европой на принципах господства арийской расы. Видишь ли, через сто лет негры станут господствующей расой США, уже сейчас...

Навстречу нам спускалась женщина лет тридцати с чертами Эдиты Пьехи, слабо различимыми в тусклом свете лестничных лампочек, которая, видимо, слышала часть нашего разговора и была знакома с Антоном:

– Здравствуй, Антон. Что-то тебя не видать. Совсем за-

знался?

– Здравствуй.

– А это кто такой красивый?

– А это тот самый Вальдемар, который ленинградец, – и Антон слегка подмигнул мне. – А это Галя.

– Очень приятно, – моя реплика.

– Надолго к нам?

– Не знаю. (Это зависело от моего прототипа на берегах Невы.)

– Ну, пока, – и она спустилась дальше.

– Это и есть бывшая жена начальника вокзала, – тихо сказал мне Антон. – Она развелась с мужем еще десять лет назад и осталась жить здесь одна в четырехкомнатной квартире.

– Десять лет назад... А сколько же ей лет?

– А сколько дашь?

– Ну, тридцать...

– Нет, ей сорок три года.

– Однако!.. Вы что? открыли секрет вечной молодости?

– Не без этого.

АВЕНТЮРА ОДИННАДЦАТАЯ, в которой происходит не только то, что в ней описывается

Стремление «гуманизировать» (которое весьма наивно полагает, что решило вопрос с том, «что человечно») есть тартьюфство, под прикрытием которого определенный род людей стремится достигнуть господства.

Ф.Ницше.

Сон, а я уснул буквально на полуслове (мне постелили в зале, напротив тихо рокочущего телевизора), был еще хлеще. Я познакомился с девушкой; сначала я слушал лишь ее голос, и только потом сообразил, что она находится в утробе своей матери, а я веду с нею беззаботную беседу, будто мы сидим на скамейке в парке, и ведь ей еще находиться в таком стеснительном положении еще около двух месяцев.

Я очнулся на восходе солнца, которое уже окрасило обои в зале в розовый цвет (залом в украинской квартире называется большая комната, даже одна из двух). Я умылся и пошел на кухню, где возле окна висела целая вязанка сушеных окуней и верховодок. Я съел три рыбки, запил квасом и через наушники, подсоединенные к радио, прослушал новости: Генеральный Секретарь ЦК КПСС Алексей Иванович

Архипов посетил Львов и выступил перед партийной общественностью города; завтра будет уложен последний рельс на АЯМе – Амуру-Якутской Магистрале; подписано Постановление Совета Министров СССР о создании Зайсанского гидрозаповедника; Народная Армия Ирана нанесла серьезное поражение сепаратистам в районе Захедана; уже пять лет действует паромная переправа Одесса – Стамбул, приносящая сторонам огромную прибыль и сокращающая путь от Одессы до Стамбула в четыре раза; продолжаются ожесточенные бои ниппонских и марионеточных филиппинских войск с повстанцами на южнофилиппинском острове Минданао; претендент на пост президента США сенатор-республиканец Роберт Доул уверенно лидирует в предвыборной гонке, чему способствуют разоблачительные материалы, касающиеся личной жизни Клинтона; германские ученые в ряде опытов показали, что вирус иммунодефицита Эйч не представляет опасности для представителей белой расы и, благодаря этому, распространен преимущественно в негроидных районах планеты.

Потом была воскресная юморина. Жванецкий (а он и здесь неплохо устроился) повествовал об Оклахомском инциденте с присущей ему неподражательностью:

– Это ж надо до такого додуматься?! детсад и райотдел ФБР поместить в одном здании! Во дебилы! Они б на каждом таком здании табличку вешали: «Американская мечта»! чтоб всем сразу понятно было...

Из кухонного окна сквозь густые ветви деревьев я разглядел одиноко идущую через площадь в нашу сторону девушку в красном визитном костюме и с чемоданчиком. Интуиция подсказала мне, что это и есть тщетно ожидавшаяся вчера девушка Антона. Все, за исключение главы семейства, затемно уехавшего на рыбалку в сторону Токмачки, еще крепко спали, и я был вынужден сыграть роль гостеприимца. Девушка, не ожидавшая увидеть на пороге искомой квартиры меня, вначале решила, что ошиблась адресом, но я разубедил ее. Когда мы уже сидели на кухне, и я чистил для неё рыбку, появился Антон, заслышав шум голосов. Он молниеносно оделся, причесался, перемигнулся с нею, и они куда-то ушли. Я тоже подался побродить по городу.

Если центральные улицы имели более современный, знакомый мне вид, то в закоулках сохранилось множество незнакомых довоенных домов. Никто из многочисленных прохожих не узнавал меня, да и я никого. Лица людей, виденных в детстве, гораздо быстрее стираются из памяти, чем фасады домов. На дверях мебельного магазина висела табличка «Требуются...», и тут же важное примечание: «Работаем по субботам» (Вальдемар объяснил мне, что многие евреи соблюдают субботнюю заповедь, и потому не могут найти иной работы, кроме шитья на заказ и уборки помещений – служащие в Советской Стране принципиально трудятся шесть дней в неделю).

Я дошел до парка (до того, где не было качелей и сиде-

ли старушки, курирующие малышей – эдакая шпенглеровская утопия), где я в самом юном возрасте впервые с удивлением, близким к паническому ужасу, обнаружил, что ящерица действительно отбрасывает свой хвост (до того я знал это чисто теоретически). Потом сделал большой крюк и оказался у по-монастырски замшелой стены ореховской больницы, где я побывал лишь раз в жизни: в трехлетнем возрасте у меня было подозрение на туберкулез (я произносил «беркулез»). К больнице, будто в назидание, примыкало городское кладбище, в котором покоилась моя прабабушка – ровесница века, которая в семнадцатилетнем возрасте записалась в один из ударных женских батальонов и даже воевала (мама рассказывала, что прабабушка нашла в занесенном снегом немецком блиндаже рецепт изготовления какого-то французского крема для лица в красочной брошюрке, которую хранила еще полвека). Она закончила институт благородных девиц в Минске, говорила на трех иностранных языках, а годы свои провела за конторкой бухгалтера в райсобесе, и вспоминала французский лишь для того, чтобы перевести какую-то идеологическую банальность из школьного учебника. Она умерла, когда мне было четыре года – от рака и новомодного лекарства. Так оборвалась единственная нить, связующая меня с милым сердцу серебряным веком, по которому я грустил столь безнадежно, будто бы сам пережил его на семьдесят лет.

Я так и не решился проведать ее могилку, поблуждал по

кривым улочкам, застроенным частными домами, и вышел на вокзальную площадь, где стоял в ожидании пассажиров единственный городской автобус, который-то и номера не имел, а назывался в стиле революционной романтики «Вокзал – Площадь Ленина». Об этом автобусе ходили легенды. Никто не видел его в работе. Он так долго ждал каждый раз достаточного количества пассажиров, что можно было пешком дойти до конца маршрута и вернуться обратно. На сей раз я решил дождаться отправления, сел в однодверный «деревенский» автобус, заплатил за проезд три копейки и стал ждать. Водителя не было, слева от меня две по-деревенски немолодые женщины с жаром обсуждали последнюю городскую «новость»: старая бабка без роду, без племени, торговавшая на базаре семечками, скончалась позавчера, а в матраце ее кровати (жила она более чем скромно) нашли ДВЕ-НАДЦАТЬ ТЫСЯЧ(!!!) рублей. А я все ждал и ждал, млея под пекучими лучами солнца.

Наконец пришел шофер, окинул нас взглядом, и стал заводить мотор. Автобус проехал за пять минут ту дистанцию, которую я вчера преодолел за мечтательных полчаса. Я вновь был в центре и направил свои стопы дальше – мимо райкома, молочного магазина, банка и почты в краеведческий музей. Он, как я и ожидал, оказался закрыт. Вдоль нескончаемой улицы Юрия Гагарина тянулись огромные щиты наглядной агитации, вполне заменявшей наглуую рекламу. Трудно было спорить с плакатом, декларирующим свободный мирный

труд советских людей, и с другим, показывающим истинное лицо американской военщины. Еще один плакат изображал белокурого германца и русоволосого советского человека, рука об руку идущих в Светлое Будущее (кто-то написал по-ниже квадратными буквами: «Смерть нацистам»).

Я вернулся в центр и долго бродил по магазинам, рассматривал товары, и даже купил в книготорге карманный атлас Украины. В магазине продавались еще полнее собрание сочинений Эрнста Юнгера, «Мифологический словарь» и свежий стенографический отчет о XX партконференции 1994 года. Уже стало смеркаться, когда я вспомнил, что ничего не ел, и один за другим заглотал пять еще горячих бубликов с маком.

Войдя во двор моего дома, я увидел едущую на роскошном голубом велосипеде Зину, которая крикнула мне вдогонку:

– Антон дома, и тебя ждет!

На противоположной от дома стороне двора возвышалась гигантская труба котельной, которая, как Эйфелева башня, была заметна из любого конца Орехова. Я помню, когда еще дед служил в милиции, какая-то полоумная жена уголовника-рецидивиста (его только что посадили в четвертый раз), ставши посреди двора, орала во всеуслышанье, что «повкыдае усих нас» в эту трубу (ее потом, кажется, забрали в психушку).

Антон сидел на кухне, что-то писал и живо отреагировал

на мое появление:

– Какое вероломство! Ты только подумай! Она приехала только для того, чтобы сообщить мне о том, что не собирается выходить за меня замуж!

– Антон... Нам бы ваши заботы!..

– Кому вам?.. А...

Он разорвал уже почти написанное письмо и сказал:

– Ладно, брудер. Идем наверх, к Гале, познакомлю, – и, заметив сомнение на моем лице, добавил, – А зачем же еще ты сюда приехал?

Его логика была неоспорима, и я последовал за ним.

Галя встретила нас в домашнем зеленом халате с какими-то иероглифами на лацканах. Она угостила нас салом, вареными раками и молдавским вином, а сама рассказывала (уже в своей версии) историю об умершей старухе, причем найденная сумма увеличилась до двадцати тысяч. Я до неприличия много ел, а Антон демонстративно жаловался на жизнь и женское вероломство и сетовал на потерю трех лет, «лучших трех лет» жизни. Галя его утешала и дивилась, что он, будучи комсомольским вожаком, не может найти себе девушку. Вся квартира Гали (а ведь когда-то это была моя, то есть Вальдемарова, квартира) была выдержана в японском стиле, а ее халат оказался кимоно. Галя действительно была очень похожа на Эдиту Пьеху (самой Пьехи я в этом мире не обнаружил), и не верилось, что этой тридцатилетней женщине сорок три года.

Около одиннадцати Антон шепнул мне: «Действуй» и ушел.

В ту же ночь мне приснился сон, заслуживающий особого упоминания. Я в Киеве. Лето. Тепло. Каштаны. Сажусь в поезд. В купе входит гренадерский поручик в форме, но без фуражки. На вид лет 20. Да это же мой прадед Иван Сергеевич Тарнавский! С ним дама в дорожном платье и вуали. Это его жена, моя прабабушка – Ханна Николаевна, в девичестве фон Трампедах. Ей – 17. Мысль мчится, обгоняя все поезда вместе взятые. Я таинственным образом перенесся на сей раз в прошлое – в лето 1917 года – еще не все потеряно – договариваемся с поручиком – и к Корнилову – чтобы шел на Петроград без малейших колебаний и вешал всю демократическую сволочь! «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые!» В душе – оркестр и слезы. Но тут поручик замечает, что на мне креста нет. Начинаем спорить. Я готовлю целую тираду апологии наших прекрасных славянских богов. Ханна Николаевна, как-то постарев на глазах, нас примиряет. Смотрю в окно. Поезд уже едет вдоль Днепра. На Днепре громадные валы, вровень с поездом, который едет по обрыву на высоте десяти метров над уровнем воды. Это напоминает вагнеровскую увертюру. Невероятно хорошо вижу без очков; все яркое и красочное, как на американском буклете. Дальше водная гладь, над которой встает солнце. Несколько девчонок в футболках и закатанных до колен спортивных штанах моют ноги в воде. Так хорошо вижу, что различаю

маникюр на ногтях пальцев ног (на расстоянии 15 метров!) Пожалуй, это девчонки из нашего университета. Значит, началась массовая репатриация в прошлое (лучше жить в 17-м, чем в 96-м!) Надо как-то сойти вниз...

Проснувшись в бывшей нашей квартире, я тут же вышел на балкон и с высоты третьего этажа оглядел по-утреннему безлюдную площадь. Нет, это всего лишь сон. Хотя всякий раз, когда я вижу сон, я не сомневаюсь, что это явь – акустика, цвет и т. д. А жаль... Там-то я уж точно знал бы, что! надо делать. Уж я бы постарался, чтобы не настало ни 7 ноября, ни 12 декабря тем более. Судьба чертовски несправедлива ко мне. Почему, столь любящий древность, был я слишком поздно рожден – как сказал один китайский поэт с неблагозвучной фамилией.

АВЕНТЮРА ДВЕНАДЦАТАЯ, в которой Антон дает понять, что деньги тоже пахнут

За эпохой буржуазии последует эпоха рабочего, за экономикой свободного рынка и буржуазными политическими компромиссами – эпоха авторитарного господства и планирования.
К.Зонтеймер.

Позавтракав у гостеприимной Галинки, я спустился вниз к Антону и застал его за сборами.

– Куда?..

– Если хочешь, составь мне компанию.

– А куда?..

– Потом скажу.

Заинтригованный, я согласился.

Во дворе уже стоял черный мотоцикл с коляской, куда мы забрались и быстро понеслись по утреннему Орехову. Через пять минут мотоцикл уже стоял перед железнодорожным шлагбаумом. Я насчитал тридцать пассажирских вагонов, следующих из Жданова в Киев. За путями тянулись частные домики (я, кажется, никогда не был в этой части города). Нашей целью был один из мелких поселков к югу от Орехова.

– Видишь ли, – сказал мне Антон, когда мы слезли с мотоцикла, – в нашем наилучшем из возможных обществ все же есть «отдельные недостатки», на которые наше руководство не реагирует, полагаясь на творческую активность масс...

– Ты имеешь в виду что-то вроде народной дружины или «голубого патруля»?

– Ты почти угадал. Только мы контролируем не чистоту водоемов или мелкое хулиганство, а незаконное обогащение отдельных членов советского общества.

– А-а! Так у нас это тоже есть. Называется рэкет.

– Что есть сие?

– Молодые люди, вроде нас с тобой, объединяются в банду и облагают мелких коммерсантов налогами, защищая их при этом от других банд.

– Это напоминает философию истории Чернышевского. А что они делают с выручкой?

– Берут себе, чтобы со временем самим стать мелкими предпринимателями...

– Заколдованный круг... Вот где проявляется ваша буржуазная сущность! Всякий Робин Гуд мечтает стать шерифом. Нет, у нас все по-другому. Во-первых, мы не ворует у торгашей деньги.

– А что же вы с ними делаете?

– Они их поедают...

– Серьезно?!

– А куда девать деньги-то?! Можно было бы сжигать, но

это менее эффективно.

– Насколько я понял, ты действуешь не в одиночку.

– Ты правильно понял, и мы сейчас направляемся на встречу с моими соратниками.

Уже вечерело, а мы все еще сидели в засаде под видом картежников, собравшихся на кружку пива под прикрытием дровяного склада. Наша жертва проживала на втором этаже небольшого домишки. Еще в обед один из нас под видом агента соцстраха выяснил у соседки, что хозяин возвратится поздно вечером. Но надо было ждать, другого случая могло не представиться.

Наконец около девяти в кухонном окне жертвы зажегся свет. Мы встрепнулись. Под окнами его квартиры росло несколько больших черешень; по стволу мы забрались на балкон и через небрежно прикрытую дверь бесшумно проникли в зал. Торгаш был не один, и это едва не испортило наши планы; но тут же мы услышали женский голос – его собутыльницей была какая-то девка, которой не хватало на покупку немецких полусапожек с гермесовскими крылышками. В масках и с преувеличенно большими пистолетами мы вошли на кухню в момент их первого поцелуя. Он – рябой и плохо выбритый – сразу понял, кто мы, а его гостья окаменела на все время нашего посещения.

– Сколько вам надо? – спросил он, бледнея с каждым словом.

– Все! – Антон был намеренно немногословен, дабы его

голос не запомнился жертве.

– Но ребята!.. имейте же совесть...

Пять дул смотрело на него. Из тайника под половицей он достал внушительных размеров пакет со сторублевками, и я засомневался, съест ли он это все. Но нет, по приказу лаконичного Антона, он порезал их пополам и, запивая водой из-под крана, начал пережевывать. На глазах у него выступили слезы, а сами глаза все бегали: не ждать ли откуда подмоги. Но подмоги не было: ни один дворник, сосед или налоговый инспектор не появились в ту гибельную для его капиталов минуту. На триста тринадцатой купюре он взмолился:

– Может, хватит?..

– Тебе посолить? – Антон был неумолим.

Эта трапеза – самая дорогая в жизни нашей жертвы – продолжалась около получаса. Наконец, последние три сторублевки Антон вручил торгашу, которого уже начинало рвать, и сказал:

– Это твоя зарплата. Помни это.

– Но это мои кровно заработанные деньги, – заартачился тот, хотя было уже поздно.

– Ты не космонавт и не балерина. Не может столько человек твоего пошиба заработать честным путем. Пора!

Пока рыцарь предпринимательства ползал по полу, отрывая остатки своего состояния, мы покинули его квартиру тем же путем, что и пришли, и быстро рассыпались в крошечной тьме. Наш мотоцикл стоял у дверей сберкассы.

– Ты осуждаешь это? – спросил меня Антон.

– Нет! Как раз наоборот! – ответил я, вспомнив шикарные автомобили новых русских, подъезжающие к дверям ресторанов прямо по тротуару, и прохожих, жмущихся к стенам домов (сопровождая меня студент-испанец – он изучал в нашем университете прозу Лескова – увидев это, сказал: «Я удивляюсь, как у вас до сих пор не было революции!») – Может, потому, что ни один моих предков за последние десять тысяч лет не стоял за прилавком.

– Да и мои тоже, – кивнул Антон. – А сейчас нам нужно алиби, и оно у нас, как на счастье, есть – сегодня свадьба в Немецком клубе.

Перед тем, как появиться в клубе, мы зашли в буфет ореховского вокзала и выпили по целой бутылке шампанского. («Это,» – сказал Антон, – «для маскировки, будто мы там уже давно были.») На подступах к Немецкому клубу былолюдно, стояли автомобили свадебного кортежа, украшенные национал-социалистической символикой, а шафер жениха в альпийской шапочке выговаривал за что-то шофёру одной из машин. Мы проскользнули в свадебную залу на первом этаже и заняли первое же свободное место с двумя столовыми приборами. Было уже около десяти вечера, и свадебные торжества давно перевалили за экватор и разбились на несколько несвязанных частей. Люди пили на брудершафт, обсуждали политику, рассказывали анекдоты, справа от нас уже немолодой немец довольно бесцеремонно знакомился с

молоденькой немочкой в вицмундирчике Ореховского сельскохозяйственного техникума, а оркестр на эстраде пел общеизвестную песню:

К жене пришел молодой любовник,
Когда мушь пошоль за пивом,
За пивом, за пивом, трала-ла-ла,
Когда мушь пошёл за пивом.

Бутылки шампанского натошак оказалось многовато для моего желудка, и как я ни закусывал, но вскоре стал ощущать себя как бы на палубе корабля, причем справа по борту до меня доносились комплименты, все до единого позаимствованные из новейшего немецкого романа, в стиле юнгержанства, а слева по борту Антон запоздало поздравлял жениха и целовал руки невесте: ее изображение плыло и плясало у меня в глазах, будто отделенное толщей текучей воды. Потом я пошел с кем-то танцевать (помню лишь легкое платьице из шелка и миниатюрные ручки, прижимавшие меня к себе), потом я сам как-то по-лермонтовски признавался в любви (Антон потом рассказал мне, что я танцевал с дочерью главного инженера «Орсельмаша», которой до брачного возраста по самым оптимистическим подсчетам оставалось года два), потом он вел меня какими-то закоулками, а я кричал, что я знаю, что все это мираж, сон, что все это – потемкинские деревни, и стоит мне толкнуть ближайшую картонажную стенку, как я сразу окажусь в своем прежнем американизирован-

ном обителище по кличке демократическая Россия.

АВЕНТЮРА ТРИНАДЦАТАЯ, в которой все идет своим чередом

И такие люди, как вы, должны подать пример: вернуть стране военные барыши, распахнуть для народа свои закрома, забыть об охотничьих угодьях и прочих английских штучках, а вместо шампанского пить молоко с добрых немецких пастбищ.

Г.Штрассер.

Последствия нашей предыдущей авантюры нас не беспокоили. «Грабитель никогда не будет жаловаться на грабителей,» – резюмировал Антон. При первой же встрече с моей танцпартнершей – четырнадцатилетней девочкой с длинной русой косой (ее звали Хильда Барним) – я так искренне извинялся, что, наверное, был бы прощен даже Дианой. Моя синекура в качестве ассистента у Антона заключалась в обслуживании небольшого кинопроектора, чем я и занимался три-четыре раза в неделю. Остальное время Антон подробно выслушивал мои рассказы о моей параллели и долго размышлял над услышанным.

Событием последней недели мая был ультиматум Фюрера немецкого народа президенту США с требованием извиниться за омерзительное освещение в средствах массовой информации США немецкой действительности («Извинит-

ся, никуда не денется,» – предсказывал Антон. – «Такое уже было два раза: в 61-м и 79-м. Янки, видишь ли, это такие существа, для которых главное – их личное благополучие, исчисляется в долларах на душу населения, на подвиг в массе своей они не способны»). Клинтон некоторое время отмалчивался, но под угрозой ядерной бомбардировки Нью-Йорка первого июня сказал что-то невразумительное, что вполне устроило немецкую сторону, также не желавшую раздувать конфликт. Второго июня наши войска взяли штурмом столицу Ассама – Гувахати, завершив, таким образом, разгром войск прониппонских сепаратистов. Ниппония же предъявила претензии на нейтральный ранее Тибет, но созванная пятнадцатого числа в Коломбо международная конференция по тибетскому вопросу выявила негативное отношение к этому России и Германии, да и США тоже не остались в стороне. В Копенгагене был торжественно открыт тоннель, связывающий датскую столицу с Мальме. В Москве какая-то правозащитница осквернила памятник «антисемиту» Кирову и была до смерти забита одним из прохожих – об этом Антону написал его дядя, работавший когда-то в Московском угро.

Вальдемар также прислал мне короткое письмо, ибо, напоминая, не был силен в эпистолярном жанре:

«Здравствуй, Вальдемар. В нас все добре. Сдаем выпускные экзамены. Виола уже сдала два на отлично, я завтра сдаю немецкий. Экзаменатор – Рудольф

Йоганович – прославился тем, что подрался прямо на торжествах по поводу годовщины комсомола с тем самым евреем, который дурно отзывался о русских девушках. Эта зараза таки отомстила мне, поставив четверку на госэкзамене по марксистско-ленинскому мировоззрению. Так что красный диплом мне улыбнулся. Но зато мне открыт путь в аспирантуру.

К тому же я сам – экзаменатор в училище. Сегодня курсанты сдавали мне историю философии, а накануне сессии вижу удивительный сон: будто один из моих самых неуспевающих учеников умоляет меня поставить ему пятерку, а я приторно-назидательно объясняю ему, что жизнь не есьм натянутая за экзамен оценка.

Мой отчим впал в немилость, и его переводят из Берлина куда-то на периферию Рейха, так что они хотят продать свой Карлсгоф, чтобы расплатиться с долгами и купить особняк на новом месте службы.

Передавай привет Антону. Виола передаёт тебе привет. Не женился ли ты еще?

Ленинбург. 10.06.96».

И все же поразительно смотреть на себя со стороны.

Беседы с Антоном помогали мне прояснить способ мышления этих людей и их жизненные аксиомы. Для Антона же это было чем-то вроде «игры в бисер», в которой он возвышался до поразительно тонких и справедливых оценок моего зазеркалья.

Антон: Меня больше всего удивляет, как это у вас никто не замечает вопиющих недостатков демократической фор-

мы правления?

Я: Нет, почему же. Недостатки демократии общеизвестны, но к ним относятся так же, как к преступности или детской проституции – по принципу «ничего не поделаешь», и в утешение приводят известное изречение Черчилля...

Антон: Знаю, читал... Но ведь чистая демократия просто-напросто невозможна, если под демократией понимать наиболее коллегиальное принятие решений. Во-первых, чтобы принять правильное решение, надо быть специалистом...

Я: Все это верно лишь на первый взгляд. Но в таком случае было бы логично разрешить заключение брака лишь людям с психологическим образованием, однако политическое «знахарство» существует подобно медицинскому.

Антон: Не вижу ничего странного. Не знаю, как у вас, а у нас во всех школах есть курс «Этика и психология семейной жизни»... А во-вторых, не будем забывать, что демократия – лишь форма. Ее содержание – неизбежно идеологическое. Представь себе корабль, на котором плывут сто троцкистов. При всеобщем единомыслии у них не будет никаких серьезных разногласий, карательная система в этом микросоциуме будет излишня, и формально он будет столь же демократичен, как и любой микросоциум, сплошь состоящий из либералов. С другой стороны, я не знаю более нетерпимых людей, чем те, которые борются за всеобщую терпимость. Если у «тиранов» еще бывают сомнения, то эти роботы неумолимы.

Я: Насколько я понял, ты хочешь сказать, что сама по себе демократия бессодержательна; ее необходимо чем-то наполнить.

Антон: Да, высокие идеи лежат в основании любого государства, иначе оно никогда бы не возникло. Люди по природе своей эгоистичны, и лишь более-менее принудительно внушенные идеалы заставляют их видеть не только свою личную выгоду, но и проблемы ближних. Но картина будет неполной, если не учесть весьма важного обстоятельства: мир в последние полвека потому еще столь стабилен, что каждая великая держава обрела свою естественную культурно-политическую нишу. Ниппония – это традиционная монархия, несколько похожая на европейские монархии столетней давности, что ничуть не мешает ниппонцам раухеризировать все сферы жизни. У нас – коллективистский советский строй, свойственный еще древним славянам. В Рейхе – принцип фюрерства – безусловной преданности вождю и высококультурного народного единства, что представляется разумным бюргерам и бауэрам единственной валеной веймарской Германии, когда, по выражению Ремарка, настало время торгашей и негодяев. Ну, а Америка с её индивидуализмом, свойственным всякой торговой культуре, наслаждается всеми прелестями демократического правления – туда им и дорога.

Я: Да, идеологическая одержимость ушла в прошлое, и на повестке дня повсеместно оказываются геополитические

темы, это происходит и у нас.

Антон: Но в чем же, по-твоему, причина импотентности вашей власти?

Я: В том-то и дело, что наши правители вполне искренне желают обустроить Россию, дать народу желанную передышку, но... Когда у нас перед телекамерой собирается высоколобые стратеги реформ, то разговор начинается с бодрых реляций о необходимости принятия кардинальные мер, а заканчивается «за упокой» – общей констатацией невозможности что-либо предпринять под угрозой нарушения прав человека, и они, как монахи – не совершу, не согрешу! – расходятся, довольные своей толерантностью.

Антон: Чем-чем?

Я: Терпимостью.

Антон: У нас это называется «лейденшафт». Почему у вас так не любят немцев?

Я: У вас сколько человек погибло в финскую войну?

Антон: Тысяч 80, если память не изменяет.

Я: А у нас в Великую Отечественную войну полегло двадцать миллионов. Так-то.

Антон: Впрочем, мне ясен корень ваших неудач – он в эклектике вашего мировоззрения. Вы слишком буквально поняли идею о диалоге культур, об интеграции в «мировое сообщество». А его нет, есть лишь отдельные влияния, претендующие на звание такового – германское, американское, двести лет назад – французское. Нельзя одновременно вы-

двигать идею мировой революции и бороться за разоружение и демократию. Мы упростили систему. Сталин – великий человек, в 1949 году он возродил все атрибуты Российской империи, разве что не короновался.

Я: После того, что я здесь видел, выхода два – покончить жизнь самоубийством или возвращаться назад, в свой мир, и создавать партизанские отряды и убивать безо всякой пощады журналистов.

Антон: Боюсь, Вальдемар, ты идеализируешь наше общество. Ты заблуждаешься, если думаешь, что у нас самой важной проблемой является очистка тротуаров от собачьего дерьма...

(Действительно, последним постановлением Совета Министров СССР был указ о специальном налоге на владельцев собак в фонд коммунального хозяйства, что привело к бурным скандалам и настоящему следопытству со стороны фининспекторов.)

АВЕНТЮРА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, в которой я общаюсь с умершими

*Я опять находился в пути, опять сидел за рулём
синего седана, опять был один.*

В.Набоков.

Настали летние ферейны. Зину отправили в пионерлагерь под Бердянск. Хильда Барним трогательно простилась со мной и, пообещав хранить мне верность (право же, здесь девушки как-то поласковее), уехала туда же. Антон в должности замзавлагеря отправился в тот же лагерь тремя днями позже, а я с чемоданом пожитков, портативной радиолой и жалованием за два месяца вперед отправился в самое трудное моё путешествие. Я ехал в Могилев-Подольский к деду, умершему три года назад от пневмонии в то самое время, когда в Москве из танков расстреливали Белый Дом, а мы лихорадочно занимали деньги на астрономически дорогие итальянские лекарства. Здесь, где бесплатная медицинская помощь гарантировалась государством, а танки не гуляли по Садовому Кольцу, он был жив, и недавно справил свое семидесятидевятiletие. Часто и бесперспективно споря с ним почти по всем вопросам, я в те, октябрьские дни, когда диссиденты праздновали свою победу над Россией, понял его правоту – правоту дворянина, ставшего коммуни-

стом. Его душа, казалось, вселилась в меня, изгнав последние «иллюзии 91-года» (правы были пифагорейцы). Разбирая его посмертный архив, я чувствовал на себе проклятье прошлого, проклятье от века Расцвета веку Упадка и агонии. Так Кентервильское привидение из своей двухсотлетней дали посылало проклятье демократии, актеромании и современным гостиницам.

Чем дальше я ехал на запад, тем более проявлялась германизация Украины. За Кривым Рогом стали попадаться богатые немецкие колонии с главными улицами в форме свастики, а расхожее слово вокзал сменилось на вывесках германизмом «банхоф». На станции Бобринец (часто, рассматривая в детстве карту Украины, я мечтал хоть раз побывать в этом городе, чье название дышало «пивденной» жарой, спелыми арбузами и легкостью летней одежды) я пошел в вагон-ресторан и, проходя мимо первого столика, слышал разговор:

– Вы представляете, – говорил один еврей другому, – во времена Брежнева во все президиумы и комиссии сажали всегда для виду одного еврея, чтобы не было обвинений в антисемитизме...

– А вы что, милейший, хотели бы, чтобы было наоборот? – спросил я, проходя мимо.

Мигом появился официант – услужливый армянин неопределённого возраста... Из длинного и малопонятного меню я, не доверяя замороженным салатам, выбрал мясной

гуляш (или «гуляж», как было написано в меню), положившись на всеядность мяса, виноградный сок и свежую клубнику. Рядом лежал забытый кем-то «Крокодил» с карикатурой «Американец делает вид, что думает». Июньская жара была невыносима, две осы лакомились разлитым на соседнем столике и засахарившимся лимонадом, а по портативному радио передавали концерт покойного Высоцкого.

Под вечер поезд прибыл на узловую станцию Жмеринка. На перроне ведрами продавали спелые черешни. По осовевшему от душного ожидания вокзалу ходил человек, похожий на Иисуса Христа, в синем костюме и смотрел в потолок. Каждый второй встречный был евреем (еврейский квартал – юденблок – обнесенный глухим высоким забором с большой шестиконечной звездой на калитке, размещался за станционными путями). Выяснив, что ближайший дизель до Могилева-Подольского будет только в три часа ночи, я закупил все газеты, какие продавались в киоске (даже местную еврейскую «Дегель Тора» на идиш и русском), устроился, насколько возможно, уютно на жесткой деревянной скамье и стал читать. Помимо случайных путников в зале ожидания осталось ночевать множество «челноков» из Румынии; они приехали менять свой недорогой ширпотреб на украинские продукты (в Румынии в прошлом году случился неурожай). Румыны громко переговаривались на своем языке, укладывались спать прямо на расстеленные на полу газеты и иногда затевали ссору с целым цыганским табором, облюбовав-

шим целый угол между билетными кассами и щитом расписания, куда они навалили целую кучу тюков с чем-то мягким и грязным. Среди всего этого прохаживался дежурный милиционер с круглой добродушной физиономией и время от времени делал замечания галдящим румынам, не из желания их приструнить, а просто, чтобы скоротать ночное дежурство. В самом дальнем от цыган и самом ближнем к выходу углу сидело целое семейство туристов из Скандинавии, все в одинаковых очках в изящной справе. Они, затерявшиеся на малороссийских дорогах, чтобы убить время в ожидании нужного поезда, смотрели дорожный телевизор, а престарелый начальник станции в бордовом мундире что-то горячо доказывал главе семейства. Человек, подобный видом Иисусу Христу, оказался баптистским проповедником и слева от меня вещал евангелие среди очень недалеких крестьян. Дежурный это заприметил и, сев рядом, долго дискутировал с ним на потеху собравшихся отовсюду зрителей.

Газеты сообщали, что в Ленинграде пущена еще одна линия метро, Лахтинско-Ржевская, что российский спутник приземлился на один из спутников Марса, Деймос, и установил там исследовательскую аппаратуру, что Гамбургский институт космического льда занимается исследованиями ледяного пояса Второй Луны, упавшей на Землю около пятнадцати миллионов лет назад, когда на планете высились гигантские термитники и муравейники, моделирующие подструктуры и сверхструктуры сознания (об этом писал Обру-

чев в «Плутонии»), что американская поп-звезда Мадонна забеременела, а германский ультиматум резко понизил шансы Била Клинтона на переизбрание в ноябре на второй президентский срок. В «Дегель Торе» выделялась большая статья об антисемите и фашисте Гоголе, а в другой неопровержимо доказывалось, что временщик Петра I Шафиров был оклеветан национал-социалистом Татищевым.

Около двух часов ночи, когда я перечитал все газеты, а милиционер и проповедник пришли к выводу, что, чтобы спорить о чем-то, надо быть хоть в чем-то согласным, я вышел пройтись по пустынному перрону, где молодая женщина, ожидая поезд из Москвы, катала свою пятилетнюю дочь на бесхозной почтовой тележке, и вышел вовремя – через пять минут инкогнито подошел дизель, и еще через пять минут я уже всматривался в темные лесопосадки вдоль путей. Холмы с громоздящимися то тут, то там доисторическими валунами то обступали нашу дорогу со всех сторон, то расступались, открывая освещенную полной луной ночную перспективу озимых полей и пирамидальных тополей, обозначающих шоссейные дороги и стрекочущие переезды. Напротив от меня сидело целое семейство, состоявшее из типично-сельской учительницы и ее четырех дочерей: одной маленькой и трех 14–17 – летних. Они постоянно возились, красились, играли в карты при свете фонарика, ссорились, мирились и все боялись пропустить свою остановку.

Уже стало светать, когда я устроил свой багаж в камере

хранения Могилевского банхофа и налегке отправился на молдавскую территорию, где в пяти километрах вверх по течению Днестра в небольшом хуторе Наславча жили родители моей мамы. Украинский берег Днестра с небольшим автовокзалом и уже оживавшим рынком, где торговали в равной мере запчастями к импортным фольксвагенам и лошадиной упряжью, более-менее полого спускался к воде, а молдавский берег круто вздымался, превращая улицы в лестницы. На том берегу был Атац, городишко раз в пять меньше Могилева, где на террасах среди неопрятных еврейских мазанок попадались кое-где очень красивые усадьбы с каменными верандами-галереями в романском стиле.

Атац не имел специального юденблока, а по центральной площади за мостом, обстроенной кругом еврейскими лавочками, бродили низкорослые цыгане. По улице направо яркая киноафиша рекламировала старый недавно оцветненный немецкий фильм о Хорсте Весселе, тротуар был то тут, то там запачкан кровоподтеками раздавленных черешень, чей-то козел объедал кусты у левого забора, старый еврей в жилетке неопределённого оттенка возился в огороде у закопченной печки. По перекрестку с музыкой проехал свадебный кортеж, и по сторонам много бросали пшена и мелких денег (я по обычаю поднял одну монетку). Восходящее солнце окрашивало побеленные стены домов в розоватый цвет.

Весь пятикилометровый путь вдоль Днестра занял у меня, бодро шагавшего молодого человека в куртке и штанах по-

лувоенного – а ля зольдат – покроя, около часа. Здесь недавно прошел ливень, и потоки дождевой воды нанесли в реку обширные зыбкие отмели смытого грунта.

Хутор Наславча лежал в глубокой долине, чья горловина открывалась в сторону Днестра. По самому дну долины проходила единственная улица, по которой змеился мелкий ручей. Ранней весной вся улица превращалась в один мощный поток, омывающий ветхие насыпи, оцетинившиеся хворостяными и дощатыми заборами. На вершине одного из склонов лощины виднелась маленькая железнодорожная станция – единственная связь с внешним миром (кроме своих двоих). Узкая и крутая тропка вела от станции к нашему дому – богатой усадьбе с несколькими строениями, обнесенными настоящей каменной оградой из мелкого оранжевого кирпича – а другой склон порос густым лесом, похожим на пушистую шубу, накинутую на плечи задремавшего Гулливера. Я шел со стороны станции, и как только подошел к полутора-метровой ограде, заметил деда; он в своей обычной одежде собирался в город, а бабушка с крыльца давала ему какие-то указания. Он смотрел на меня, но меня не видел; так люди смотрят вдаль. Я пошел было к воротам усадьбы, но он меня опередил, и не только вторично не заметил, но и как-то прошел сквозь меня – я даже почувствовал крепкий запах одеколona, которым он злоупотреблял. Очень похожий на Бисмарка, обладающий титаническим здоровьем, он быстро взобрался по тропинке и скрылся в станционном здании. Я

был невидим не только для него, пробежавшая мимо собака не обратила на мою персону ни малейшего внимания, а ведь собаки меня терпеть не могут, и часто я держал круговую оборону, отмахиваясь от ненавистницы зонтом, хотя ни одним жестом не спровоцировал ее на нападение. Когда я вошел в ворота, бабушке, рвущей в это время крыжовник на огороде, показалось, что ворота распахнулись порывом ветра, и она поспешила их закрыть. Когда я приблизился к крыльцу, я понял причину моей невидимости: на крыльце стояла пара мужских непромокаемых сапог, принадлежащих без всякого сомнения Вальдемару, а рядом с ними, прислонившись к ним – пара красных женских сапожек, размеров на семь поменьше. Я не удержался и заглянул в одно из окон усадьбы: в утреннем полумраке я заметил спящих Вальдемара и Виолу, и она лежала головой на его руке, слегка откинувшись в сторону.

Объяснение могло быть одно – начался процесс моего перехода обратно, в свой мир, и я заторопился в Могилев из боязни лишиться своего имущества. Пользуясь призрачностью, свойственной лишь душам умерших, я вторично миновал бабушку, рвущую крыжовник к завтраку молодоженов, и, не желая вторично изумлять ее, ловко перепрыгнул через ограду. Весь десятиминутный путь на дизеле до Могилева я проделал, сидя напротив деда, но он и здесь не заметил моего существования. В свои семьдесят девять он выглядел в четверть моложе, и я помню, когда мы еще только переехали

ник грядущего, плод радости созидания... rrrrrrr. Новая Олимпикдорф расположена к западу от германской столицы в Ост-Хафельланде, уууутуууутуууутууу. Министр закордонних справ Рядяньского Союзу выдвинув пропозицию зныщить до кинця цего столитья уси таможени барьеры мѣж СРСР и Ниметчиной, що буде..., ть-у-у-ув. Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин, И первый маршал в бой нас поведет...»

Итак, мои предчувствия не оправдались, я все еще был в том мире, где Олимпийские игры имели один постоянный адрес. Разбитый и подавленный, я поплелся к банхофу, сел на первый попавшийся дизель, который и повез меня, безбилетного, в сторону Жмеринки.

АВЕНТЮРА ПЯТНАДЦАТАЯ, в которой вкратце описываются мои скитания по Украине, а весь мир следит за XXVI Олимпийскими Играми

*Возраст – 50 лет. Врач, чистый ариец, ветеран руандийской войны, имеющий намерение заняться земледелием, желает иметь мужское потомство путем брака со здоровой целомудренной, молодой, скромной, бережливой женщиной-арийкой, привычной к тяжелому труду, широкие бедра, широкие ступни и отсутствие серезжек имеют значение.
«Берлинер тагеблатт».*

Мои скитания по Украине продолжались. Теперь я повернул к северу и утром 22 июня въезжал в столицу Украины. Киев встретил меня тридцатиградусной жарой и новым сортом мороженого в виде полена, которое стоило аж целых 40 копеек! Я навестил нескольких моих киевских знакомых: двоих вообще не существовало на свете, а третий меня не узнал (представлялся я, естественно, советским Вальдемаром). У четвертого моего знакомого я как раз попал на его

свадьбу, где меня напоили до полусмерти. Дав себе зарок больше ни за какую дружбу не пить, я побродил по книготоргам (в советские времена Киев славился своими книготоргами). Купил наконец-то наиболее подробную историю второй мировой войны в пяти томах (15 рублей 50 копеек).

Война началась 1.09.1939, закончилась 8.11.1941. Принимало участие 21 государство. Затраты на военные нужды: у Великобритании и союзников – 60 млрд долларов, у Германии и союзников – 77 миллиардов. Потери: Германия и союзники – 300 тысяч убитых, Великобритания и союзники – 700 тысяч. «Война, развязанная британскими империалистами, превратилась в освободительную войну европейских народов – был завершён вековой процесс воссоединения немецкого народа; народы Западной Украины и Западной Белоруссии навеки воссоединились со своей исторической родиной – и привела к распаду британской колониальной империи» (Т 5, с 357). Затем начался раздел «британского наследства», и эта цепь войн не прекращается и по сей день (в том же Киеве я видел пышные проводы на Бенгальский фронт: статный, увитый аксельбантами офицер даже процитировал в пространной речи Гегеля; а в другой раз на запасных путях маленького банхофа городишки Шостка, известного единственно своим заводом киноплёнки, я увидел целый товарный вагон, наполненный гробами с телами солдат, погибших во время последнего штурма ассамской столицы; охранники заметили меня и хотели задержать, но мне удалось скрыться и

через час уехать из города).

Вообще я покупал много книг, и к концу путешествия мой багаж удвоился. Что касается художественной литературы, то здесь меня ждало много открытий. Жанры советской литературы сохранились в принципе те же, но их содержание было куда разнообразнее. В сороковые годы литература под влиянием германских образцов была захвачена откровением патриотизма, фигура историка стала монументальной и почти магической; именно тогда создавались все крупные исторические романы (первым «Петр Первый» Толстого). В следующее десятилетие (опять под германским влиянием) усиливаются моралистические тенденции – это было связано со становлением в Европе возрожденных на новом уровне развития традиционных, «языческих» религий. В Советском же Союзе тяга к «языческой» эстетике диктовалась дальнейшей борьбой с христианством, а первые диссиденты, наоборот, прокламировали библейские сюжеты. В эти же годы Гайдар становится классиком. Шестидесятые годы ознаменовались в европейской культуре возрождением романтизма – на неколебимом тоталитарном фундаменте выросло новое поколение людей, не знавшее ни безработицы, ни преступности, и воспринимавшее комфорт послевоенной жизни как нечто само собой разумеющееся; в советской литературе этому соответствовали «лирики», «деревенщики» и «космисты». Семидесятые годы отрезвили «лириков» и к западу и к востоку от Бреста. В Рейхе национал-консерватизм, про-

возглашенный Геббельсом на очередном партийтаге в 71-и году, породил поколение «людей 71-го года»; казалось, история пошла вспять; «новое средневековье», предсказанное Бердяевым, стало реальностью; средневековым мироощущением пронизана вся советская литература 70-х: баллады бардов, романы балашовского цикла, даже в кинематографии на первый план вышел герой, чья жизнь чужда суеты и неторопливо течет по руслу бытия. В восьмидесятые годы в обеих наших империях наступил «разброд и шатание», интеграционные процессы в Европейском сообществе привели к возрастанию роли негерманских культур Европы и всевозможных гибридов: музыка стала «бургундской», в кинематографии на первые роли выдвинулись итальянцы, целое литературное направление основал молодежь талантливый автор немецко-венгерского происхождения Карой Рек. Усилился нажим на европейскую культуру «ангриканства» (так французские философы называли американизм). В этой ситуации происходит становление романа «культурологического», фабула которого – столкновение культур, их субъективных «правд». То же самое характерно и для советской литературы начала 90-х годов, в которой происходит переключка веков русской истории, но уже на более высоком, «культурологическом» уровне. Из эссеистов последние пять лет наиболее популярны Кургинян, из прозаиков – Заварзин, молодой ленинградский писатель, по стилю близкий к Кафке. Колоссальное влияние на современную русскую поэзию оказал российский

немец Гарольд Вогау, написавший в 86-м году новый текст гимна Советского Союза.

А мои скитания продолжались. Размеры Украины невелики, а железнодорожные переезды кратки и неустойчивы. 1 июля я был уже в Одессе. Этот грязный, шумный, галдящий город произвел на меня скверное впечатление. В отличие от других украинских городов он не имел юденблока, и казалось, что евреев здесь гораздо больше, чем индоевропейцев. Из Одессы я на водной ракете доплыл до Запорожья, а потом посетил Миргород, Полтаву, Харьков и Чернигов.

В Миргороде действительно существует знаменитая лужа перед зданием миргородского горсуда, а бублики и минеральная вода восхитительны. В Миргороде я случайно познакомился с правозащитником моих лет, но, как вы догадываетесь, в этом знакомстве не было ничего приятного. Правозащитники здесь надеются на постепенное разложение советской системы и действуют по принципу: чем хуже, тем лучше, полагая, что только страдания способны воспитать гражданское общество, а прочие лишения должны сбить с русских «имперскую спесь» и обеспечить в будущем гегемонию оплота демократии – США.

Помню еще, как в Полтаве я набрел в сумерках на летний кинотеатр: шел «Иван Васильевич», еще мелькали титры, и мне вспомнилась очень грустная песня какой-то рок-группы о безвозвратно ушедшем времени.

АВЕНТЮРА ШЕСТНАДЦАТАЯ, В которой Вальдемар всеми силами не дает мне скучать

*«Равенство» есть нечто такое, чему природа не
дает никакого примера.*

Р.Генон.

Прошу не считать это описание докладной запиской на имя какого-нибудь демократического одержимца или практика с масонским партбилетом. Если мне когда-нибудь будет суждено возвратиться обратно, в Россию демократическую, я всячески буду бороться против возможной интервенции демократических государств, которая неизбежно закончится поражением войск интервентов, а, возможно, и к ответному вторжению Германского Рейха и Советского Союза в наш мир. Если со временем будет освоена техника перехода из одного мира в другой, эту возможность необходимо использовать исключительно для мирных целей – туризма, культурного обмена и налаживания родственных связей.

Когда я 16 августа вышел на перрон Витебского вокзала, меня встречал сам Вальдемар, чисто выбритый и в форме своего министерства (он уже сдал государственные экзамены и получил право повсеместно носить форму госбезопасно-

сти). Новенький белый китель подпоясан темно-синим поясом, стирать такой – сущее наказание для любящей супруги.

– Ну что? «репатриант»? – таким насмешливым тоном я разговариваю со своими близкими друзьями.

– Нет, – ответил я, – репатриация – это было бы, если бы я оказался году эдак в 1913-м. А это – эмиграция, хуже того – «беженство», хотя и непреднамеренное.

– Месяц назад... – он сделал паузу для того, чтобы предъявить документы на контроле, – месяц назад правительство, как мне об этом дали знать, решало вопрос о твоей судьбе...

– Да?! Никогда не думал, что мое затерянное существование станет проблемой для целого кабинета министров. И любопытно, что же они там решили?

– До сих пор для всех людей ты был как бы моим двойником, мною...

– Так я и есть ты.

– Физически нет. Ты занимаешь свое место в пространстве и ведешь независимый образ жизни. Юридически, следовательно, ты тоже – не одно со мной.

Я улыбнулся.

– Что?

– Мы с тобой как два лица некой двоицы – подобосущны, но не единосущны. Они хотят меня натурализовать, в смысле смены имени и места проживания?

– Видишь ли, все это составляет государственную тайну – пока, во всяком случае. Когда мы освоим технику перехода

в параллельный мир, тогда пожалуйста: ты рассекретишься.

– И то дело! Может, назад хоть вернусь.

– Тебя так тянет назад?!

– Каждому – свое, Вальдек. Здесь я как Грильдриг завишу от ваших великанов. Достаточно единого их сомнения, и мои часы будет нетрудно сосчитать.

– Какие у тебя пессимистические взгляды.

– Я не верю в гуманность вашей системы.

– Дорогой мой, на тебя уже истратили больше, чем на любого космонавта, а ты все еще считаешь себя обреченным. В общем, пока они ничего не решили, и все оставлено как есть...

– Куда отвезти прикажете? – спросил чернявый таксист на привокзальной стоянке, приняв нас за братьев-двойняшек.

– Улица Героев Халхин-Гола.

Всю, дорогу водитель и Вальдемар оживленно обсуждали последние события на маньчжурской границе (водителя на эту тему навел наш адрес). В начале этого месяца участились провокации со стороны маньчжурских пограничников, и значительная группировка войск на Дальнем Востоке была еще более усилена. Водитель полагал, что это и есть начало большой войны с Ниппонией, и что мы можем наконец отомстить за Спасск и Оху. Вальдемар, наоборот, был уверен, что все обойдется, как обходилось все прошлые разы. Я же рассматривал улицы города, не знавшего ни блокады, ни приватизации. По сравнению с весной появилось множество

новых машин скорой помощи германских марок, а частные ларьки, стоявшие раньше где попало, убрали в строго отведенные места. На многих фонарях висели предостерегающие надписи: «Выгул собак строго запрещен! Штраф – 10 рублей».

Двумя близнецами мы вошли в вальдемарову квартиру, где нас ожидала белокурая Виола, чья внешность сама по себе была пропагандой расизма. За ужином Вальдемар рассказывал:

– Моего отчима едва не разжаловали в рядовые... Да... Обыкновенная борьба ведомств, в Рейхе это часто случается... По счастью, его выручил его давний знакомый по летной академии в Ванзее: и они завтра, да, завтра отправляются на новое место службы – в Южную Африку в Ивангород, то есть Йоханнесбург. И приглашают меня на новоселье... Поедешь?

– Нет! На сей раз – нет. У меня что-то вроде аэрофобии – боюсь летать на самолетах. Все время представляется, что мои кости белеют где-нибудь в сахарских дюнах вперемешку с обломками самолета, а в теленовостях всех континентов проходит короткой строкой: «Потерпел аварию самолет „Люфтганзы“, следовавший рейсом Берлин – Йоханнесбург».

– В таком случае тебе предстоит прогулка на сопки Маньчжурии, ибо мне через месяц надо быть в двух разных концах планеты. М-да, если бы тебя не было, тебя надо было бы

придумать!

– А если я там часом погибну? Или в этом и состоит попытка вашего правительства решить мою проблему?

– Дурак ты, Вальдемар! У тебя часом, – передразнил он меня, – не развилась мания преследования?

– А откуда мне знать, не нахожусь ли я под колпаком у твоих коллег? Тут не только мания преследования появится.

– На основании знакомства с твоим вариантом моей биографии я могу сделать вывод, что с психическим здоровьем у вас плоховато, – он безнадежно махнул рукой. – Да нет же: погибнуть ты можешь и на ближайшем перекрестке под колесами грузовика. Или – как ты мне рассказывал – погибнуть, не родившись от аборта, как у вас при демократии заведено. Ты меня убил, Вальдемар. В стране, где разрешены аборт, ни одна диссидентская тварь не смеет и рта открывать насчёт каких-то там «репрессий».

– Ладно, извини, мне просто надоело быть переезжей свахой. Очень жаль, что правительство не пришло ни к какому выводу.

– Вальдемар, неужели тебе здесь плохо?! Ну скажи, положи руку на сердце, где лучше: там или здесь?

– Мне кажется, наши миры просто несоизмеримы.

– Хотя у вас же там капитализм со всеми его прелестями – чего я спрашиваю?

– Я тебе писал о том, что был в Наславче?

– Ты там был? Когда?

– 21 июня.

– Так в это самое время...

– Да, вы с Виолой тоже были там. Но меня никто не заметил: для всех я был невидим, люди даже проходили сквозь меня. Я решил, что начался мой переход в мой мир, но нет – эффект исчез через несколько часов.

– И это случилось именно в то время, когда ты приехал к деду?

– Я думаю, это совпадение. Первое, что я заметил, это равнодушие ко мне собак.

– Да, это показатель! Но ведь это же уникальное явление! Ты был в тот момент сразу в двух мирах! Тебе надо немедленно обратиться к ученым.

– Оставьте вы все меня в покое! Я устал от этого всего! Я ненавижу шпиономанию, научные исследования и медицинские процедуры!

– Ты часом не замыслил самоубийство?

– Дойдет и до этого.

– Смотри на вещи проще, Вальдемар. Ты был у Антона в пионерлагере?

– Да. Я как раз поспел к его дню рождения – 17 июля – и передал ему подарок от родителей – видеоплеер.

– Что?

– У нас это называется плеер, а у вас – проигрыватель. Антон в чинах не обойден – замначальника лагеря. Он недолго горевал о той своей любви и нашел себе очень миниа-

тюрную медсестру пионерлагеря. Хильда сохранила мне верность, хотя в мое отсутствие ее домогались несколько мальчишек, и моя личная жизнь впервые за последние несколько лет приобрела плавные и предсказуемые очертания. Я ведь был в этом пионерлагере еще в 86 году, в 12 лет. Помню одного парня, который был похож на зазнавшегося ученика факира. С ним у меня тогда вышла ссора из-за девчонки, и мы, здраво рассудив, что не гоже двум таким панам из-за этого чубы друг другу рвать, поделили ее: мне – четные дни, ему – нечетные.

– Эге! Когда из пана пан, то еще ничего, а когда из Ивана пан!..

– Потом...

– Стоп! Сейчас десять: новости, – Вальдемар включил радио.

– Генеральный секретарь ЦК КПСС Алексей Иванович Архипов посетил город металлургов и машиностроителей – Свердловск. Трудящиеся города встретили руководителя страны своими трудовыми достижениями: ПО «Уралмаш» досрочно выполнило годовой план по производству нефтебуровых установок новой конструкции; НПО «Уралгормаш», переведенное в этом году на совместный советско-германский капитал, запустило на проектную мощность производство вагонов типа пульман; на Верх-Исетском металлургическом заводе опробованы новые очистные сооружения, снижающие загрязнение атмосферы в этом экологи-

чески неблагополучном городе вдвое.

– На встрече с представителями интеллигенции города в киноконцертном зале «Космос» Алексей Иванович Архипов получил ходатайство комсомольской организации города о возвращении городу Свердловску «исторического названия „Екатеринбург“ в ходе борьбы с проявлениями космополитизма, а также в честь двухсотлетия со дня смерти императрицы Екатерины II, неустанно боровшейся с британским империализмом и антинациональным масонством».

– Продолжается работа XXI съезда Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи в Москве. Делегаты подавляющим большинством голосов одобрили доклад Первого секретаря комсомола Дмитрия Алексеевича Архипова и переизбрали его на этот пост. Рассмотрен вопрос о космополитической группе Кагана – Кричевского: принято решение об исключении ее активных членов из рядов комсомола.

– Союзный министр микробиологической промышленности Овсиенко арестован по обвинению во взяточничестве в особо крупных размерах. Арестованный оказал при задержании сопротивление, ранив одного сотрудника госбезопасности.

– Разворачивается уборочная страда на Кубани. В нынешнем году хлеборобы планируют собрать до тридцати центнеров яровой пшеницы с гектара. В закрома Родины уже засыпано более миллиона тонн зерна.

– Сегодня чрезвычайный и полномочный посол Тамилнада в СССР был вызван в МИД, где ему была вручена нота советского правительства по поводу факта задержания властями Мадраса советского научно-исследовательского судна «Академик Лихачев». Советское правительство требует безоговорочного освобождения судна и всех членов команды, а также возвращения всего расхищенного имущества.

– Победоносная германская армия продвигается по джунглям северного Заира. Части вермахта завершают окружение и разгром повстанческой группировки троцкиста Чикесенди. В результате диверсии доблестно погиб командующий центральноафриканской группировкой вермахта фельдмаршал Манфред Вернер.

– В ознаменование пятидесятилетия злодейского убийства американскими сионистами вождя американских национал-социалистов Питера Брауна Американская национал-социалистическая партия белых людей устроила траурное факельное шествие по улицам Вашингтона. Произошли столкновения демонстрантов с полицией и еврейскими активистами.

– Согласно подсчетам Берлинского института этнологии численность немцев на планете составляет: рейхсдойче – 150 миллионов, фольксдойче – 50 миллионов – итого 200 миллионов немцев. Общая численность нордической расы – 300 миллионов человек. Численность союзной немцам балто-славянской расы – 220 миллионов человек. Общая чис-

ленность арийских рас на планете – 1 миллиард 260 миллионов человек, что составляет пятую часть населения Земли. По тем же данным численность евреев составляет 20 миллионов, а цыган – около миллиона.

– Советский космический корабль «Буран-4» находится сегодня в десяти миллионах километров от Марса. Дальнейшая программа предусматривает облет красной планеты на высоте двухсот километров и высадку спускаемой «шлюпки» с двумя космонавтами около десятого градуса северной широты. Это произойдет через пятнадцать дней. Самочувствие команды нормальное. У бортмеханика Юрия Красовского на Земле родилась дочь.

АВЕНТЮРА СЕМНАДЦАТАЯ, в которой я все еду и еду

*Я не русский, мои предки были немцами.
Иван Грозный.*

Через две недели после этого разговора ваш покорный слуга уже стоял в тамбуре спецпоезда министерства обороны у широко раскрытого окна и сосредоточенно рассматривал местность. Поезд мчался по евразийским просторам – час назад мы миновали Красноярск и теперь находились на полпути к Канску. Здесь уже были заморозки, и ледяной ветер то и дело обдувал меня, неожиданно врываясь в окно.

В тамбур вошел Андрей Титомиров – как и я, в форме «студенческого легиона»:

– Какая холодина! Пойдем в карты подуемяся.

– Постой, – ответил я. – Мы уже неделю на колесах, а мне ничего кроме банальностей типа «перед ним расстилались необозримые просторы его Родины» не приходит на ум.

– Это что-то в стиле позднего Гайдара. Не ты первый потрясен нашими просторами. Чего-чего, а жизненного пространства у нас достаточно. Пойдем.

В шестиместном купе (здесь купе шестиместные), где расположились Борис, Андрей Малиновский и еще один студент со знаками отличия бригадира, шла азартная игра. На

столе стояли наполовину опорожненная бутылка с квасным концентратом и полевой бинокль без футляра.

– Какие репрессии? – переспрашивал Борис. – Не было никаких репрессий! Это все выдумки диссидентов. Я как-то попытался сложить число жертв этих репрессий по разным диссидентским брошюркам – так получилось четыреста миллионов человек – это при том, что население при Сталине было около двухсот миллионов. Неувязочка получается.

– Каждое государство имеет право уничтожать тех субъектов, которые желают уничтожить государство, – сказал бригадир. – Это признают даже буржуазные ученые – например, Гоббс. К тому же вы упустили из виду обстановку 30-х годов – борьбу с троцкистами не на жизнь, а на смерть.

– А интересно, что бы было, приди к власти Троцкий? – спросил Малиновский.

– Ничего бы не было – вот что! Индустриализацию бы не провели, вместо колхозов были бы коммуны казарменного типа, а в 39-м этот аспид поволок бы нас защищать то ли британских империалистов, то ли немецких евреев, а к хануке 1940 года немцы были бы уже в Москве.

– Вот еще что, – вставил я. – Троцкий просто не сумел бы распорядиться властью, она была чужда ему. Помните, у Ильфа и Петрова в «Золотом тельце» миллион был в тягость Остапу Бендеру. Когда он лишился своих позументов, он почувствовал облегчение...

– Это интересно: никогда не смотрел на Бендера как на

литературный образ Троцкого... – Борис задумался. – Хотя верно: образ шарлатана, разъезжающего по России и дурящего простых людей.

– А знаете ли вы, – продолжал я, – что в двадцатые годы в учебниках истории о Петре I была всего одна(!) фраза: «Своей деятельностью способствовал развитию торгового капитала», и все! Вот и получалось, что Петр I – мелкий политический деятель эпохи Булавина и Баал Шем Това.

– А перегибы в коллективизации? – спросил Малиновский.

– Она также происходила на фоне борьбы сталинистов и троцкистов... (Опять я увлекаюсь и говорю многое из того, что им неизвестно или имеет иную терминологию).

– «Репрессии» тридцатых годов, – сказал на это бригадир, – закономерный этап между разбродом двадцатых и державностью сороковых. Впервые советская страна почувствовала себя великой державой около 40-го года.

– В сущности, – сказал Андрей Титомиров, – все, или почти все русские писатели были, по современным меркам, фашистами. Державин проповедовал великодержавный шовинизм, русифицированный арапчонок Пушкин руки бы не подал Бабелю, даже разумный эгоист Чернышевский предсказывал завоевание Ближнего Востока...

– Что читаешь? – спросил я Малиновского, держащего в руках небольшого формата книжку в зелёном переплёте.

– «Драматургия Петера Визе» – на сюжеты германской

мифологии. Такая шутка есть: «Русские витязи побеждали своих врагов боевым духом, ибо, заслышав этот дух, неприятель бежал со всех ног. Однако по мере развития бань на Руси этот дух стал исчезать, и уже татаро-монголы имели боевой дух сильнее русского»...

Появился газетчик и совершенно бесплатно снабдил нас вчерашними «Известиями».

– Что пишут?

– Разное. «По приглашению Всесоюзного общества ветеранов Дальневосточной войны нашу страну посетила делегация Союза ветеранов второй мировой войны „Стальной Шлем“ из Германии... Принята новая конституция Демократической Республики Афганистан... Ожесточённые бои сапатистов с правительственными войсками в штате Чиapas в Мексике... Европейский спортивный комитет принял решение о проведении очередной зимней Олимпиады в немецком городе Инсбрук... Еврейский погром в Бостоне...»

– Странно, – протянул бригадир. – Американцы сами наполовину евреи...

– Не скажи, – возразил Титомиров. – В тридцатые годы в США назревала национал-социалистическая революция по типу германской, ведь эти две страны...

– Так то в тридцатые! А сейчас... Слыхали новый анекдот: как будет по-американски «на...»?

– «Янки гоу хоум», – первым отозвался я (поживешь в демократической России, и не такое узнаешь).

– Вы читали недавно в «Комсомолке»? оказывается, что американки предпочитают своих собак мужьям!

– Как это?! – встрепенулись все, кроме меня.

– Да, провели социологический опрос, и на вопрос «Что вы сделаете, если ваш жених не любит собак?», сорок процентов американских женщин ответили, что выберут собаку.

– Господи! – для Титомирова это была новость. – Хорошо, что мы не янки. Хотя... у нас тоже в последнее время какая-то мания собаководства: весь город засран. Я бы этих собачников!.. заставил бы собственноручно убирать улицы.

(Недавно в Калининском райсуде Ленинграда рассматривалось дело: собака загрызла новорожденного; у нас всякие правозащитники тут же стали бы оплакивать несчастную собаку, но здесь владельца приговорили к тюремному заключению, а собака была истреблена в присутствии хозяина.)

Малиновский, у которого была собака, поморщился, но тут раздался возглас Бориса:

– Вот новость так новость! Умер Гайдар.

– Как?! Что?!

– Да – вот: «1 сентября советская литература понесла невосполнимую утрату: на девяносто третьем году жизни скоропостижно скончался почетный председатель Союза писателей СССР, дважды герой социалистического, лауреат Ленинской премии и премии „Штурм унд Дранг“ Веймарской Литературной Академии им. фон Гете, депутат Верховного Совета СССР 3, 4 и 5-го созывов, член Президиума Все-

союзной культурно-патриотической организации „Память“, великий русский писатель Аркадий Петрович Гайдар... Имя Гайдара присвоено его родному городу Арзамас, новой монументальной площади в Красносельском районе Ленинграда и малой планете № 60 019...»

– Да, это конец целой эпохи!

– Нет, целой эры!

– А его сын – этот самый Тимур – он работает в каких-то ветеранских организациях?

– Да, он второй секретарь ветеранов Дальневосточной войны.

– Слушайте, – спросил после некоторого молчания я, – а стипендия за сентябрь нам полагается?

– Руслан мне сказал по секрету, что будут выдавать уже в Благовещенске.

– А вообще сколько это продлится? Нас часом не мобилизуют?

– Пустяки! Пугнем желтопузых хорошенько – и по домам.

– А вот ты, Андрей, что возьмешь в качестве трофея, когда мы завоюем Маньчжурию?

– Я возьму дочь маньчжурского императора в жены, – ответил Титомиров.

– Постой, если маньчжурскому императору шестьдесят лет, то его дочери по самым оптимистическим расчетам...

– Нет-нет, она наша ровесница. Как же: единственная наследница харбинского престола!

– Так бы и говорил: «Мне нужен маньчжурский престол».

– Да бросьте вы это, – поморщился бригадир. – Гарнее наших европейских девчонок во всем свете нет. Скажу вам по секрету (мой дядя работал в нашем торгпредстве в Тебризе, так он говорил), что ото всех этих азиаток ужасно пахнет, и вовсе не гормонально.

(Плохо, что я никак не могу узнать имени нашего бригадира. А как его спросить, если я – то есть Вальдемар – знаком с ним уже пять лет, и он, по своей всегдашней рассеянности, забыл мне его представить.)

– Ну, это с непривычки, – возразил Титомиров.

– Нет, правы немцы: нет прекраснее белого человека.

– Да ты сам наполовину немец.

– И очень горжусь этим! Германия – столп мировой цивилизации, исчезни она, и мир деградирует за пятьдесят лет.

– Что это за станция? – прервал его Борис. За окном уже мелькали кирпичные строения.

– Должно быть, Канск.

Миниатюрная станция была забита народом. Станционный служащий в темно-вишневом мундире повез на автокаре длинный выводок вагонеток с почтой. Я и Борис купили у перронщиц несколько крупных кедровых шишек и миниатюрный бочонок с медом. Ветер веял холодом ранней зимы.

– Кстати, – спросил меня Борис, – тебе никогда не казалось, что за несколько недель можно прожить несколько лет, в смысле растяжения времени?

– Кстати, о времени! Мой дядя, не тот, который командует крейсером, а тот, что заведует кафедрой генетики в Кенигсберге, рассказывал мне удивительную вещь.

Меня прервал отрывисто рявкнувший где-то впереди тепловоз, и мы заторопились к трапу вагона. В купе недоставало Титомирова, и он появился, уже когда поезд тронулся. В руках он держал трехлитровую банку с пенистой жидкостью квасного цвета.

– Что есть сие?.. – поинтересовался я.

– «Ист даз бер», – в тон мне отчеканил Андрей. – Местное пиво домашней выделки... Пахнет вполне прилично, – добавил он.

– А я уж думал, это квас.

– М-да, – резюмировал бригадир, – знаете анекдот о квасном патриотизме и сивушной космополитизме?

Ему никто не ответил.

– Вы читали Ремарка? – осведомился я после некоторой паузы.

– Ремарка? – переспросил бригадир.

– Я читал его «Триумфальную арку», – ответил Титомиров.

– О ней я и говорю. Ты посчитал, сколько они там выдули водки, выкурили сиганет и вылакали кальвадоса (французский вариант бормотухи)? Теперь, если поделить это количество на душу медленно растущего французского населения, становится ясно, почему французы всегда проигрывают

войны с Германией?

– Ладно, раз уж мы собрались завоевывать Китай, то и пить это пиво будем по-китайски.

– Это как?

– Очень похоже на грузинские тосты. Каждый должен рассказать какую-нибудь достопамятную историю, и все, как только он закончит, залпом осушают бокалы. Опоздавший рассказывает следующую историю.

Пиво было разлито в «бокалы» – картонажные стаканчики, и я вызвался первым (это вполне соответствовало темпераменту моего двойника, который в это время уже любовался Южным Крестом на бурском небе).

– Директор Эрмитажа академик Орбели (дело происходило в середине тридцатых), – я рискнул открыть, скорее всего, неизвестную для них страницу советской истории, – открыл в Эрмитаже роскошную выставку на грузинские темы, а сам уехал за границу...

– Насовсем?

– Нет! Когда он вернулся, как раз убили Кирова, и его вызывает инструктор ленинградского обкома и спрашивает: дошло до нас...

– Ну, прям, гоголевский стиль!

– Дошло до нас, что вы в вашем музее даете приют разным махровым дворянам и прочей контре. «Да какие это дворяне?!» – возражает Орбели. – «У них одно-два поколения дворянства! Вот я – царского рода в одиннадцати поколениях!»

– Надо думать, они больше не встречались, – резюмировал Титомиров. Он же рассказал следующую историю.

– Вы когда-нибудь видели вблизи ээсовскую форму? (Все энергично закивали, особенно я). Когда у нас снимали фильм о немцах, актеры с большой неохотой снимали после съемов эти доспехи, а чтобы наши люди не выглядели рядом с немцами штатским мальчиками на побегушках, в 45-м году мы ввели свою униформу по типу дореволюционной. А ээсовскую форму разрабатывала в двадцатые годы германо-американская дизайнфирма «Баухауз».

Какие-то размышления помещали рассказчику первым осушить «бокал», и оп заколебался, припоминая следующую историю:

– Хотите такой анекдот: беседуют два еврея. Один говорит: «Дядя, я хочу жениться на Розе» – «Зачем тебе Роза. Женись лучше на Сарре» – «Дядя, что ты?! Она старая и кривоногая» – «А вот представь, женишься ты на Розе. Ты знаешь, какие у нас дороги! Она переломает себе все ноги. Ты знаешь, какая у нас медицина! Ноги у нее так и останутся кривыми. А так на всем готовом!»

Мы с Титомировым снова вышли в тамбур. Метрах в пятидесяти от железнодорожного полотна в таежной чаще мелькал хвост черно-бурой лисы. Мысли Титомирова, видно, шли в совсем другом русле, потому что через минут десять он сказал мне:

– Что это ты в последнее время пристаешь к Аллочке?

Тебе, что, одной мало?

У меня язык отнялся. Пользуясь статусом моего двойника, я неизбежно становился виноватым во всех его поступках.

– Ты эт, смотри, – продолжал Андрей, не дождавшись моего ответа, – а то ведь я могу и на дуэль вызвать.

– Изволь, – наконец выдавил я, поскольку предчувствие говорило мне, что я останусь жив и невредим.

– Стой, нам нужны секунданты, – он заглянул в купе и кивнул Малиновскому и Борису, те вышли; в глубине купе наш бригадир что-то сказал, но что, мы не слышали из-за грохота встречного состава.

– Я прошу вас, коллега, – обратился вполне официально Титомиров к Малиновскому, когда поезда разминулись, – быть моим секундантом.

– А что? что произошло? – спросил Борис.

– Он смертельно оскорбил меня, – все это, сказанное Андреем, относилось ко мне.

– Чем же? – Борис все еще хотел обратить дело в шутку.

– Оставь... это тайна, если, конечно, он не выдаст.

– Как же вы это собираетесь проверить? – поинтересовался Малиновский.

– При первой же возможности, а жертву свалить на самураев.

– Вот это и будет у нас единственная жертва в этом конфликте, а потом начнутся международные осложнения – и

целая война. Архипова и так критикуют за мягкотелость внешней политики: янкам поблажки делаем, немцы уже скоро будут в каждой семье...

– Ладно. Выбор оружия за тобой, – это опять мне.

– Я надеюсь, Борис будет моим секундантом, – (Борис подтверждающе кивнул). – И я в качестве оружия выбираю что-нибудь из холодного оружия.

(Должен заметить, что я весьма хорошо фехтую, а в детстве два года занимался в фехтовальном клубе, году в 86-м.)

– Но нам не выдадут никакого холодного оружия... Разве что саперные лопатки достать.

– Ладно. Тогда на пистолетах.

– А в чем дело? – все допытывался Борис.

Ему никто не ответил.

АВЕНТЮРА ВОСЕМНАДЦАТАЯ, в которой я все делаю назло пацифистам

*Гром победы, раздавайся,
Веселися, храбрый росс!
Г.Р.Державин*

Еще через двое суток поутру наш эшелон наконец дотащился до путейного тупика Благовещенской станции. Слева от нас затих городок, сжавшийся между путями и Зеей, впадающей в Амур. Накрапывал дождь. Так далеко на востоке я еще никогда не бывал.

Под дождем, вскоре превратившимся в проливной, мы долго и трудоемко разгружали наш багаж – заклепанные деревянные ящики, похожие на артиллерийские. Потом, даже не помыв рук, мы втроем: я и оба Андрея, мокрые и грязные как сто чертей, подкреплялись мясными консервами (Малиновский что-то иронизировал по доводу сопкок Маньчжурии). Потом мы все это загрузили в машины, загрузились сами и поехали на запад – это я подсмотрел по карте нашего командира. В одном грузовике с нами ехал тот самый Доберман-Пинскер, которого за «скандальность и национальное самомнение» упекли в эту поездку, сулившую ему при-

ступы ревматизма и потерю двух месяцев научной работы. А дальше все дождь, дождь, дождь...

Через четыре часа очень неудобной езды мы приехали в огромный военный городок. Как раз был тихий час, и пустые улицы и плацы трещали от струй дождя. В казармах (нас поместили в большом двухэтажном корпусе, хотя все сортиры, кроме офицерских, естественно, располагались во дворе – в темной и по щиколотку залитой водой ложбине) проверили численность легионеров, а потом вместо нашей парадной формы выдали повседневную: кальсоны, нижнюю рубашку, брезентовые штаны, тренировочные брюки, свитер, френч болотного цвета без погонов и петлиц, двубортный плащ, буденовку-богатырку с курсантским значком слева, каску, очень похожую на немецкую, пару кирзовых сапог, пояс и смену постельного белья с огромными расплывчатыми печатями интендантской службы в/ч № такой-то. Все это барахло мы побросали кое-как на койки и побежали на плац.

Двести легионеров-студентов выстроились буквой П, большинство чесалось и соскребало пропитанную потом грязь. Но тут пришел пожилой капитан, и все выстроились по струнке.

– Здравствуйте, товарищи легионеры!

Мы, как и полагалось, ответили дружным ревом.

– Вы в составе студенческого легиона Ленинградского Государственного Университета имени А.А.Жданова прибыли в распоряжение в/ч №... Дальневосточного особого военно-

го округа, – продолжал капитан. – В течении двух месяцев вы будете проходить военную подготовку в нашей части наравне с рядовыми-срочниками. Распорядок вашего пребывания будет сообщен вам позже, а сейчас вы поступаете в распоряжение старшин.

Нас разделили на четыре группы по пятьдесят человек и развели в разные концы необъятного плаца. Наш старшина – усатый азовский немец – неприязненно оглядел нас и сказал:

– Интеллигенция понаехала. Я ИЗ ВАС ВЫБЬЮ ВСЮ ЭТУ ЧУШЬ! Быть штатским – позор для мужчины! Неужели вы на всю жизнь хотите остаться книжными червями, академическими хлюпиками, чтобы все девки ушли от вас к бравым солдатам?! Кому нужны ваши сторбленные спины и закомпасированные мозги?! Почему не смеетесь, балбесы?! Я сделаю из вас людей! Вы меня всю оставшуюся жизнь благословлять будете! Военная служба – лучшее средство от рака и старости! – он сделал паузу и резко окликнул крайнего студента. – Фамилия!

– Альтшулер, товарищ старшина.

– Скрипач-проходимец, – перевел с немецкого старшина. – Ну и фамилии! Это ж надо такое придумать! Развели жидов! Выйти из строя!.. Живо! Это что на вас надето?! Это френч, а не лапсердак! Я из вас пугало сделаю, Альтшулер! Чему вас там учили?! Оденьтесь правильно! Получаете наряд...

– на мяскокомбинат, – пошутил кто-то из строя.

– Кто это прорезался?! Выйти из строя!

Я – а это был я – вышел.

– Фамилия?!

– Легионер Тарнавский, товарищ старшина!

– Тоже еврей?

– Никак нет, товарищ старшина!

– Да сам вижу. Слава богу, единственный порядочный ариец в этой шараге. Получаете наряд на кухню! Кто это там ржет?! Выйти из строя! Фамилия?!

– Легионер Малиновский, товарищ старшина!

– Всем посмотреть на него!

– Какая з...ца!

– Да вы не туда смотрите, олухи! Вот как надо носить обмундирование. Всем! Как ваша фамилия, я запомнил?!

– Легионер Малиновский, товарищ старшина!

– Ах, значит, поляк?! значит, «от жога до жога»?! значит, «ще польска не сгинева»?! Получаете наряд на подметание плаца! А жид будет чистить сортир! Остальные – в казармы: стелить койки!

Улучив момент, Малиновский подошел ко мне и сказал:

– Совсем из ума выжил, солдафон.

– Благословим наших арийских предков, – ответил я, – иначе чистили бы сейчас сортир.

Он согласился со мной.

На кухне мне поручили выносить мусор – ведер десять, так что получившие наряды еще неплохо отделались: засти-

лание коек напоминало аттракцион. Легионеры стелили их не менее двенадцати раз, а старшина Штейнметц, если ему что не нравилось, выкидывал все за окно со второго этажа, и все началось сначала. Ужин, таким образом, был получен в семь вечера вполне заслужено.

– Ничего, козаки, – ободрял нас бригадир (его, оказывается, Витя зовут), – это сейчас так гоняют, а попадем на границу – там все изменится, и этот самый вахмистр тебя из под пульт вынесет...

– Уж можешь быть спокоен, – прервал его трижды пропетевший Малиновский. – Такие на передовую не попадают. Это неотъемлемый атрибут тыла.

После довольно сытного ужина нас снова построили на плане, и тот же самый капитан ознакомил нас с программой подготовки: месяц тыловых упражнений, месяц пограничной службы в обстановке, максимально приближенной к боевой («обстановка – сами понимаете!»). Потом всех заставили вымыться под ледяным дуном и около девяти загнали в казармы спать (старшина пообещал, что всех, кому не спится, он лично погоняет полчаса по плацу – это лучшее снотворное!) Невзирая на предупреждение, никто не спал до поздней ночи, и все травили анекдоты, прерываясь с приближением дежурного. Я облюбовал койку у окна – голова к голове с моим будущим дуэлянтом – ибо слышал, что бревенчатая казарма при пожаре сгорает за четыре минуты. Рядом с нами – мой секундант. Кто-то в темноте громко оправдывал

Троцкого, а наш бригадир ему энергично возражал, пугая исключением из комсомола. Другой, в левом углу, крепко выругался по поводу политики вообще и мечтательно вздохнул, простонав: «Где теперь наши девочки...» Ответом ему был общий взрыв хохота и пришедший на него старшина. Он скоро дознался о причине такого веселья, и действительно порядком погонял мечтателя по плацу. Мой секундант был зол и неразговорчив: старшина отобрал у него фотоаппарат и засветил полпленки с прекрасными таежными видами, которые Борис наснимал еще в поезде.

Снился мне один из тех снов, которые преследовали меня в демократической России: большая шайка враждебно настроенных молодых людей обоего пола медленно приближалась ко мне, заходя с обеих сторон. Выглядели они не то хипарями, не то панками (здесь и слов-то таких никто не слыхивал). Наконец я прекратил отступление и почти безо всяких усилий переколотил всю компанию – человек пятнадцать: они почти не сопротивлялись и были гораздо слабее меня (как селениты у Уэллса). Потом прямо с неба грянул гром, и это оказался сигнал подъема, и тут же окрик бодрого старшины:

– Отделение, подъем!!!

Пока мы суетились, напяливая на себя необносившееся обмундирование и наскоро, но аккуратно застилая постель, он продолжал нас распекать:

– Что вы как неживые! Быстрее! Разгильдяи! Кто там при-

лег?! Бодрее! Не зевать: жаба в рот прыгнет! У настоящих солдат минута на одевание, а вы уже четыре возитесь!

И началось: пробежка, зарядка, преодоление полосы препятствий, ледяной душ, завтрак – пюре с солеными огурцами, потом общий смотр и военно-политические занятия. И т. д. и т. п.

АВЕНТЮРА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ, из которой следует, что ко всему рано или поздно привыкаешь

*Мы потеряли многое, может быть, все.
Но останется с нами навсегда: благодарные
воспоминания о тебе, блистательная армия, и о
той мощной борьбе, которую ты вела. Сохранить
эти воспоминания во времена без совести и без
чести – это долг каждого.*

Э.Юнгер.

Очень скоро мы привыкли к распорядку военного городка, его пространству, холодной воде, матерящимся прапорщикам и всему, что у читателя ассоциируется с военной службой. Дрессировали нас в течение месяца и на высоком уровне: сначала строевая подготовка и стрелковое оружие, потом тяжелое стрелковое оружие, боеприпасы, маскировка, космическая радиосвязь и, наконец, военная техника от реактивного миномета – правнука «катюш» – до самого новейшего (полусекретного) плазменно-синтезирующего орудия, превращающего тренировочные бутафорские дзоты в россыпь атомов, обжигающих лицо и руки всех присутствующих в радиусе километра. Помимо этого еще военно-политическая подготовка (лекции о социализме, геополитике

и всемирно-исторической закономерности победы первого) и военно-моральная (патриотические песни, «воспитывающие в исполнителях героизм и самопожертвование во имя победы нашей страны над потенциальными противниками» – имелись в виду Ниппония и США). О последней особо.

В первый же раз во время предобеденной маршировки («нагуляете аппетит») Андрей, который Титомиров, вызвавшийся быть запевалой, по команде старшины заголосил:

Вот выходит на просторы Русский Флот —

Удалец Ванька по морю плывет!

– Отставить!!! – еще более пронзительно заверещал старшина. – Вы куда, думаете, попали?! Вы меня что?! за мичманюгу принимаете?! (Здесь мичман – низшая каста, да и на самом флоте тоже.) Тогда другой – высокий и белокурый студент – запел:

И мы еще дойдем до Ганга,

И мы еще умрем в боях.

Все подхватили:

Чтоб от Японии до Англии

Сияла Родина моя!

Моя! моя! моя!

Военно-политические занятия вел коротко остриженный, со следами ранения на щеке старший лейтенант Прокопенко. Говорил он без акцента и, как выражалась моя учительница русского языка, «с чувством, с толком, с расстановкой». Вот,

например, лекция о правильном мировоззрении:

«Советизм-социализм и есть стержневая Русская Идея. Все, кто думают иначе, либо наивные люди, либо враги. Подлинно советское мировоззрение имеет стержневую идею Социальной справедливости для труженика, производителя. Во имя этой Идеи наши русоволосые предки обороняли свои становья от кочевых разбойников, во имя этой Идеи поднимались народные восстания, лучшие поэты посвящали народу лиру свою, штурмовали Зимний дворец с засевшими там ренегатами-масонами, рука об руку с германскими братьями громили польских панов и поработителей Востока. Стремление к социальной справедливости – в крови русских людей! Именно благодаря социалистическому строю Россия стала великой державой, а русские люди – предметом зависти и подражания во всех уголках планеты.

Что была бы Россия без социализма? Убогая страна на обочине мировой истории без прошлого и будущего. Полуколония мирового империализма. Нам пришлось бы, подобно германцам, долгие годы бороться за национальную независимость и воссоединение... Но ленинский гений, осуществивший Великий Октябрь, одним мощным прыжком перенес нас через болото либерализма...

Не думайте, что за границей кто-то нас любит. Да, у нас много друзей (особенно в Рейхе), но на первое место всякое государство ставит не дружбу, а свои национальные интересы. Помните басню Михалкова: „Всемирно все равно не угодишь,

себе же только навредишь“. Поэтому мы должны в любую минуту быть готовы лечь костями у порога наших домов на пути агрессора, откуда бы он ни появился. И здесь плечом к плечу с нами встанут древнерусские витязи и суворовские чудо-богатыри. Противоестественность либерального мировоззрения доходит до того, что она лишает нас нашей опоры – нашего прошлого. Если мы когда-либо изменим Великим Предначертаниям Русской Идеи, мы заслужим проклятье предков и насмешки потомков. Будем же достойны своего великого прошлого и Светлого Будущего. Наша страна будет существовать вечно, если найдется хотя бы миллион парней, готовых умереть за родные березы и черешни.

Твердо стоя на национальной почве, обильно удобренной кровью прошлых поколений, защитивших Отечество, мы уверенно смотрим в лицо всем ветрам будущего и знаем, что нет такой трудности, которую бы не преодолел русский человек!»

Надо сказать, что ораторское искусство в Советском Союзе заметно улучшилось за последние пятьдесят лет, причем не без германского влияния.

В военном городке, рассчитанном тысяч на десять, обитала едва ли пятая часть. Любитель пригубить – Андрей Титомир – сразу же свел знакомство со срочниками, но те в первый же раз напоили его до полусмерти, так что он дал зарок больше не прикасаться к спиртному (во всяком случае, до Ленинграда). Все солдаты и младшее офицерство пого-

ловно играли в нарды.

По утрам уже здорово морозило, и мы про себя поносили старшину, гонявшего нас ежеутренне на ледяной водопой. Комары здесь – настоящие вампиры, нам выдавали баночки с каким-то вьетнамским бальзамом, чей запах к концу дня причудливо мешался с ароматами грязной одежды и потных тел.

Досуг – а мы имели в день два(!) часа досуга (на час больше, чем простые срочники) – тратить было по большей части не на что. Библиотека в/ч была никудышной: все сплошь современные, малоизвестные и малоинтересные авторы, так что я впервые загрустил о своей шикарной библиотеке стоимостью в несколько десятков миллионов рублей. Иногда привозили прокатные и старые фильмы: «Забывтая мелодия для флейты», «Красные колокола», немецкий «Юность Адольфа», французский «Скупой» с Луи де Фюнесом.

Старшина нам скучать не давал и с немецкой педантичностью вколачивал в наши головы военную науку на совесть. Верхом его остроумия были вечерние переключки:

– Алканафт! – орал он перед вытянувшимся строем из сорока восьми душ.

Обидчивый тощий еврей, не дожидаясь особого приглашения, выходил из строя и осмеливался поправить старшину:

– Легионер Элкана, товарищ старшина.

– Смените вашу дебильную фамилию, иначе будете всю жизнь оплачивать услуги медвытрезвителя... Ха-ха! Какого дьявола вы отсутствовали на сегодняшних занятиях?!

Элканы молчал, но за него уже отвечали:

– Товарищ старшина, разрешите обратиться? У легионера Элканы сегодня суббота.

– С такими принципами в гетто жить надо, мэллодой ч'хэ-ловэк, – и продолжал раскатисто. – Неужели таких, как вы, любят девки?! Вы гляньте, на кого вы похожи! Спины колесом, тощие бицепсы... Кто там сморкается?! В соплях уто-нешь! Ничего: цыплят по осени считают! Попадете на границу – благословите меня!

Незадолго до отправки на границу произошло примечательное событие, числа семнадцатого сентября. Я простыл и чувствовал себя прескверно (во всех болезнях самое отвратительное то, что начисто забываешь свое здоровое состояние, и болезнь заполняет все ощущения – в это время лучше всего читается Достоевский). Гарнизонный врач – доброжелательный фаталист – прописал мне несколько лекарств с заумными названиями и отпустил полежать сутки в казарме (в его кабинете полстены занимал гигантский немецкий календарь с белокурыми девушками – гештальтгимнастками). Когда я вошел в казарму, никого не было, а на многих койках белели квадратные листовки. Я завалился на койку и стал читать:

БРАТЯ-СЛАВЯНЕ!

Вот уже пятьдесят пять лет, как коричневая чума застлала Европу, вот уже пятьдесят лет, как в Европе не осталось в живых ни одного еврея. Мы, евреи, создавшие европейскую цивилизацию, были изгнаны и уничтожены тевтонскими варварами. Кровь еврейских женщин, детей, стариков вопиет о мщении! Вы, русские, должны мстить за нас. Мы, избранный народ, берем вас в свои работники. Это великая честь для вас. Мстите за Аушвиц и Дахау! Убивайте немцев! Не щадите ни женщин, ни детей, как они нас не щадили! Пусть не останется на земле ни одного немца в назидание всем народам. Уничтожьте немцев и весь их крупный и мелкий скот! Мы требуем в союзе с Америкой объявить войну Германии до ее полного уничтожения! Смерть немцам!

ГЕБИМ

Листовку в этот момент читал не один я, на другом конце палаты стоял наш бригадир. Внук Штольца и Обломова, он пришел в ярость и заорал мне – первому попавшемуся:

– Какая тварь это писала?! Убью как собаку! Вальдемар ты – первый свидетель. Они наложили это, когда все завтракали, а дневальный... Это ведь с него спрос! Кто дневальный?!

В этот момент листовки обнаружили в других казармах, и даже в офицерском корпусе. Старшина ругался на чем свет стоит, называл нас «свинскими собаками» и сказал, что ноги растут из нашего легиона, ибо больше евреев в военном

городке не было. Их – всего восемнадцать – едва ли не под конвоем привели в штаб, где они давали объяснение случившемуся и клялись всеми ветхозаветными клятвами, что это не их рук дело. На счастье, германская военная делегация, к приезду которой и была, видимо, приурочена эта акция, не доехала до нашего расположения и повернула в сторону Хабаровска. Полковник – командир в/ч – собрал всех нас на плацу:

– В нашей воинской части произошел отвратительный случай. Невыявленные пока диверсанты распространили печатную продукцию агитационного содержания, разжигающую национальную рознь и пропагандирующую войну с нашими немецкими соседями – страной, дружественной СССР. Этот факт позорен и вреден для репутации нашей воинской части. Я надеюсь, что если у авторов этой порнографии есть хоть капля чести, они явятся с повинной и понесут заслуженное наказание.

После к нам подошел старшина и сказал весьма отчетливо:

– Если какая-нибудь тварь будет здесь вести антигерманскую агитацию, то я ее сам – не возьму за труд – убью как собаку! В казармы, живо!

Все бросились исполнять приказание, а он кивнул мне пройти за ним в штаб нашей учебной части. Я оказался сидящим на диванчике перед дверью его кабинета, а мимо меня постоянно ходили туда-сюда соблазнительные телефонистки

с циркулярами (олухи-пацифисты никогда не поймут, сколь соблазнительна женщина в форме, которая обозначает её формы лучше любого купальника – куда им! им бы полахматее и поблохастее!) Мое ожидание длилось целую вечность: к старшине заглянул его сослуживец, и они в течение получаса никак не могли расстаться – едва сослуживец подходил к двери и открывал ее в коридор, а я делал определённое движение по направлению к двери, наш старшина находил новую тираду, сослуживец возвращался в кабинет и продолжал разговор. Так повторялось семь или восемь раз. Наконец кабинет разродился сослуживцем нашего старшины, и туда зашел я:

– Легионер Тарнавский прибыл по вашему приказанию!

– Садитесь, Тарнавский. Странная все-таки у вас фамилия.

– Это фамилия моих дворянских предков, товарищ старшина.

– Ах, вот оно что! Да, верно, это они понабрали наших исконных фамилий и заделались Розенбергами и Мстиславами. Ну ладно, речь не об этом... Как вы думаете, Тарнавский, кто из ваших сокурсников мог быть причастным к этой провокации?

– Я сам об этом думал, – ответил я, – но ничего не могу предположить.

– Но вы же общительный человек, как написано в вашем деле...

– Среди тех, с кем я общаюсь, евреев почти нет.

Он встал и прошелся по кабинету, и тут я заметил на полке шкафа слева крупную фотографию женщины неопишущей красоты и трех детишек – так обычно выглядит фотография семьи.

– Поставьте себя на мое место, Вальдемар, – он впервые обратился ко мне по имени. – Вы думаете, что делать мне нечего, как вас муштровать, что нашелся такой «злой дядя», который не дает вам наслаждаться амурской природой и бегать в Благовещенск по девкам.

– Нет, я не столь инфантилен, но я не могу знать, кто совершил эту диверсию.

– Вальдемар, это ужасные люди. Они ни перед чем не остановятся. Вот тут в вашем личном деле написано, что ваша матушка живет в Германии и замужем за полковником люфтваффе. Вы что, пойдете убивать ваших родителей, если так решат эти нелюди?

– Да конечно же нет! Но почему вы думаете, что эту диверсию совершил кто-то из легионеров?

– Я ничего не думаю, но нашему полковнику грозит строгий выговор с занесением в личное дело. Можете идти, Тарнавский...

По дороге в казарму я зашел в отделение связи, где меня ожидало письмо от Виолы. Письмо начиналось вопросом «Как у вас погода?», что означало, что советский Вальдемар уже вернулся из ЮАС. За ужином наш бригадир, разделяя

негодование командования, говорил нам:

– Я вот наполовину немец, наполовину русский. Это что же? одна моя половина будет всевать против другой?!

– Вот это и будет гражданская война, – заметил Андрей Титомиров, с которым мы все никак не могли выбрать подходящее время и найти подходящее место для поединка, ибо скучать нам не давали.

АВЕНТЮРА ДВАДЦАТАЯ, в которой я остаюсь в живых, а Андрей Титомиров гибнет

Да здравствует императорская армия!
Юкио Мисима.

Месяц нас натаскивали в военном городке, а 29 сентября погрузили в машины и повезли на границу. Наш преподаватель Доберман-Пинскер, за месяц прочитавший офицерскому корпусу городка цикл лекций по философии, также сопровождал нас, растершись прямо у нас на глазах (женщин поблизости не было) крапивной эссенцией от ревматизма.

Не доезжая двадцати километров до погранзаставы, нас высадили и с песнями и всем снаряжением маршем пустили по лесной малохоженной дороге. На десятом километре все песни были пропеты, и дисциплина ослабла. Мы с Борисом и обоими Андреями говорили об англо-бурской войне (все мы, естественно, как и Луи Буссенар, сочувствовали бурам), а Борис умудрился на ходу нарвать в лесной подстилке каких-то ягод.

Погранзастава оказалась настоящим укрепрайоном (в советской военной доктрине до сих пор процветает ориентация на укрепрайоны, хотя в ниппонскую войну 52-го года они се-

бя не оправдали). Длинная песчаная коса – наша территория – вдавалась в течение Амура. Дальше берег поднимался, и шли ряды дотов, противотанковых «ежей», минные поля и разветвленная система траншей и подземных ходов. За сопкой вне поля зрения неприятеля располагались жилые помещения и танковая база. Тут же находились сверхсекретные плазменные установки, похожие на гигантские прожекторы. Каждый метр приграничной полосы отслеживался замаскированными телекамерами, которые сразу же обнаруживали чужака, не имеющего особого кода. Нам тоже присвоили кодовые номера, которые ввели в машинную память электронного слежения.

Дисциплина здесь была явно ниже, чем во втором эшелоне, и мы после обеда преспокойно засели за преферанс. За окнами казармы все лупил дождь – вечный наш спутник на дальневосточной границе. Нас разбили на взводы во главе с лейтенантами, и нам достался совсем молодой командир – тоже заядлый картежник, как мы потом выяснили. Наш взвод определили на станцию слежения за территорией Маньчжурии, стоявшую на отшибе на высокой сопке и обозначенную серым, сливающимся с сизым небом аэростатом на привязи. Персонал станции как раз обедал в маленькой столовой с телевизором. Я глянул в программу, было воскресенье:

6:00 НОВОСТИ

6:15 Зарядка.

6:30 Информационно-развлекательная программа
«Утро».

8:00 «Приполярный Урал» т.ф.

8:45 Спортлото.

9:00 «Пока все дома». Детская утренняя программа.

10:00 «Служу Советскому Союзу».

11:00 Утренняя почта.

12:00 Мультфильмы.

12:15 Играй, гармонь.

12:55 Сельский час.

13:25 «Фитиль».

14:00 «Делай как мы, делай с нами, делай лучше
нас» /Германия/.

14:40 Короткометражный фильм.

15:00 НОВОСТИ.

15:10 Футбольное обозрение.

15:45 Клуб путешественников.

16:30 Еврейский канал.

18:00 НОВОСТИ.

18:10 «Блондинка за углом» х. Ф.

19:45 «Неисчерпаемость бесконечности» н. – п. ф.

20:00 Спокойной ночи, малыши.

20:20 «Кому за...»

20:50 Киноафиша

21:00 ВРЕМЯ.

21:45 «Странствия Франца Штернвальда» 4-я
серия /Германия/.

22:55 Концерт заслуженного ансамбля Московского
военного округа «Любэ».

Слежение за маньчжурской территорией производилось не только с помощью аэростата (он менял окраску в зависимости от цвета неба и был почти невидим с ниппонских позиций), но и посредством множества электронных «глаз» и «ушей», установленных нашими лазутчиками на территории противника. Каждый такой «глаз» сообщался на особой волне с телевизором в зале слежения.

За ужином рыжий ефрейтор-белорус спросил у соседей, легионеров-евреев, как их зовут. Оказалось, Хаим Кричевский и Абрам Варшавский.

– У нас в деревне, – хохотнул ефрейтор, – Хаимом звали барана, а Абрамом – козла.

На следующий день я пошел в акустическую – станцию прослушивания маньчжурской территории неподалеку от нас. Там уже был мой секундант, который обладал музыкальным слухом. Оказывается, вся приграничная полоса нашпигована нашими микрофонами с неметаллическим покрытием, и поэтому ниппонцы не могут их обнаружить, разве что собственноручно перекопать все окрестности. У ниппонцев в тот день был какой-то праздник, и Борис дал мне наушники – послушать пение на той стороне. Мелодия напоминала советские песни тридцатых годов, а само пение те, кому в моем мире довелось побывать в Китае, могут сравнить с песнями хунвейбинов. Потом зазвучала речь не то на ниппонском, не то на маньчжурском языке.

Неделю спустя меня перевели в дозорные группы, отлав-

ливающие диверсантов. Наша антидиверсионная группа из одиннадцати человек кралась по следам одной такой группировки, науськивая с десятков ищеек, которые, к их чести, не обратили на меня никакого внимания. К концу третьего дня поисков три диверсанта были убиты, а двое сдались в плен (у нас один раненый). Оставался еще один, который, видимо, сбился с дороги и далеко углубился в тайгу. Разбившись на три тройки, мы рассыпались по таежным дебрям. Нашей группе повезло: через двое суток, устав как сто собак и утопивши рюкзак с провизией в быстрой горной речке, мы напали на след. Ниппонец оказал яростное сопротивление – один из преследователей был убит, а другой сильно ранен. От гибели его спасла рация, в которую попала пуля и, отклонившись, прошла справа от сердца.

Раненый – тот самый ефрейтор – упал на колени и крикнул мне, чтобы я его бросил и продолжал преследование. Пока мы переругивались, а я пытался остановить хлеставшую из его раны кровь, ниппонец скрылся в речных зарослях к северу. Я гнался за ним полдня (никогда еще я столько не бегал в полной амуниции, впрочем, говорят, что ниппонские солдаты проходят в день до ста километров). Наконец, оба выбившиеся из сил, мы остановились метрах в ста друг от друга. Шел мелкий холодный дождь. Обессиливши, я упал в неглубокий овраг, и это спасло мне жизнь, потому что ниппонец в тот же момент выстрелил. Я стал стрелять и со второго раза попал в него. Он упал прямо на меня, и мне в пер-

вый момент показалось, что он ещё жив или вообще при-
творяется, но нет, убитый заливал меня кровью и не пода-
вал признаков жизни. Зная коварство самураев, я нашел в
себе силы перерезать ему горло. Вырвался протяжный свист
и какие-то булькающие звуки. Около часа усталый, продрог-
ший до костей, насквозь промоченный ниппонской кровью,
я пролежал без движений. Наконец, голод и жажда застави-
ли меня поползти до ближайшего ручья, чье журчание вре-
менами казалось мне долгим разговором.

Охотиться было не на кого: меня мутило, и слух запол-
нило стрекотание невидимой сороки. Крупными хлопьями
стал падать снег, и сорока улетела. Напившись и почувство-
вав прилив сил, я встал и с большим факелом пошел в сгу-
щающуюся темноту леса. Через два часа я понял, что заблу-
дился: к западу, где по моим предположениям я должен был
найти раненого ефрейтора, вставала высокая гряда, а ведь
мы оставили ее слева, ещё когда втроем преследовали нип-
понца. Когда совсем стемнело, я загасил факел и влез на вы-
сокое дерево, опасаясь – и не напрасно – волков. В неудоб-
ной позе, привязанный к стволу, я забылся чутким сном. Под
утром под моим деревом подрались двое волков, но я разо-
гнал их выстрелами из ниппонского пистолета. На завтрак у
меня были ягоды какого-то кустарника, вроде бы не волчьи, а
скорее напоминавшие рябину. Набив себе желудок и помеч-
тав об убежавшем от меня волчьем мясе, я продолжал путь.
Речка, через которую я перешел по поваленному бурей ство-

лу кедра, показалась мне знакомой. Вскоре я нашел два трупа, основательно растерзанные волками, это были ефрейтор и другой легионер – тот самый Хаим Кричевский, над которым ефрейтор смеялся, и которого ниппонец убил первым. В его сумке, не тронутой волками, я нашел пару сухарей и пообедал, сидя на большом пне и считая годовичные кольца. Вероятно, истекающий кровью ефрейтор стал добычей волков, или же они набросились на него, уже умершего.

Еще двое суток я бродил по тайге, пытаясь напасть на нужную дорогу и то и дело сбиваясь с пути. Дважды видел лося, но пожалел стрелять, и питался глухариним мясом, скверно прожаренным на костре, приправляя его брусникой. Когда я впервые увидел людей, произошло нечто странное: это были два колхозника, проверяющие сохранность большого лабаза на высоких шестах (в Сибири часто делают такие хранилища из опасения, что медведь похозяйничает в отдаленных зимовьях); я что-то крикнул; они как-то странно на меня посмотрели; я крикнул еще что-то и тут с ужасом обнаружил, что кричу на чистом ниппонском языке с каким-то провинциальным акцентом.

Хотя я тут же, собрав силу воли, заговорил на чистом русском с малороссийским акцентом, колхозники, которые вчера смотрели в сельском доме культуры остросюжетный фильм о ниппонских диверсантах, среагировали молниеносно. Не буду описывать мое пребывание в контрразведке, хотя справедливости ради должен сказать, что обходились со

мною весьма предупредительно (видимо, в издевку над хваленной ниппонской вежливостью). На следующий день прибыл командир нашего антидиверсионного отряда – старлейт Гарбузян, опознал меня и забрал с собой, сделав сухо замечание по поводу моей глупой шутки – разговаривать с местными на ниппонском языке.

Так я выучил ниппонский, хотя не имею сколько-нибудь заметных способностей к иностранным языкам (читатель, я думаю, уже догадался, что знание ниппонского языка пришло ко мне с ниппонской кровью – значит, древняя легенда о Зигфриде, выучившем язык птиц, совершенно справедлива). С тех пор вся в/ч дразнила меня япончиком, и это меня очень раздражало. К тому же со временем я обнаружил в себе тягу к сидению на полу и ничуть не избегал маленьких замкнутых пространств (впрочем, писать стихи в стиле танка я умел задолго до этих дальневосточных приключений).

Вернувшись в часть, я узнал о гибели Андрея Титомирова. Он в первый же день попал на самый передний край – на ту самую амурскую косу, которая сильно вдавалась в русло реки. В тот же самый день, когда мы в тайге настигли диверсанта, обстановка на нашем участке границы обострилась: ниппонцы высадились на отмели и под предлогом ремонта гидрографической станции установили приборы ночного слежения за нашим берегом. Ночью необходимо было поставить прибор оптической завесы, и около полуночи на отмели, где ледяная вода доходила до колен, произошла стычка

между покидавшими свою вахту ниппонцами и нашим полувзводом. Андрей первым бросился на ближайшего к нему ниппонца и заколол его штыком, но другой выстрелил из ба-зукки и разнес его тело на пять частей. В следующую секунду граната с нашей стороны убила еще двух ниппонцев и раз-несла всю гидрографическую станцию. Наши и ниппонские прожекторы уже шарили по фарватеру, когда стороны, по-неся значительные потери, отступили к своим катерам и по-плыли назад. То, что осталось от Титомирова, уложили в за-рядный ящик, а мы с Малиновским и командующим нашим пограничным укрепрайоном генерал-майором Гавриловым стали сочинять письмо его родным. Генерал пообещал, что добьется награждения его посмертно медалью «За отвагу». Когда же я вернулся в Ленинград, меня ожидало необычное известие.

АВЕНТЮРА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ, в которой верность является основой чести

Женщине отнюдь не пристало быть предметом почитания и обожания, держать голову выше, чем мужчина, и иметь с ним одинаковые права.

А.Шопенгауэр

Ленинград, куда я наконец прибыл восьмого ноября, встретил меня необыкновенной осенней бесснежной тишиной, еще не убранными транспарантами ноябрьских и безлюдными улицами по пути от Московского вокзала, что бывает в нашем городе, хотя и редко. В очереди на такси я стоял за молодой мамой с большим кожаным чемоданом и маленьким ребенком. И только теперь я со всей ясностью понял, что в моем мире этого ребенка не существует в живых, а его мама в Париже занимается под видом студентки проституцией. Глядя на румяного, что-то гудящего малыша, я вспомнил себя, точнее мою любимую фотографию, где я – двухсполовинойлетний – стою у клумбы в Орехове и – белокурый и по-юношески серьезный – держу в руках розу. И только тут мне стало ясно как день, что случись перестройка двадцатью годами ранее, меня бы тоже не было. Положив на одну чашу весов свою бесценную жизнь, а на другую желая

ние правозащитников посрать на Красной Площади, я мог сделать только один выбор. Шофер такси правил неумело, и один раз мы едва не столкнулись со встречной «Таврией». А вокруг высились громады сталинского классицизма, один вид которых мог осатанить любого авангардиста.

Виола уехала на несколько дней к родственникам в Новгород, а Вальдемар был один и очень грустен. Оторвав от календаря вчерашний праздничный листок, я в немногих фразах поведал о моих дальневосточных приключениях, и даже опять по оплошности перешел на ниппонский язык. Вальдемар еще больше погрузился и ответил:

– У нас тут тоже... беда.

– А что?! – взвился я, почему-то вообразив, что речь идет о маме.

– Помнишь студентку с нашего факультета – Аллу Стародумову?

– Да... А что с ней?

– Если ты в курсе, она имела близкие отношения с Андреем.

– Да, он даже хотел вызвать меня на дуэль по поводу твоего, как я понимаю, к ней интереса.

– Да причем здесь мой интерес?! Дело в другом. Когда она узнала, что Андрей погиб, она совершила самоубийство – приняла яд.

– Странно...

– Что странного? В вашем варианте истории они не лю-

били друг друга?

– Нет, я не об этом. Я с большим трудом могу представить, чтобы это произошло у нас.

– Как! Неужели у вас это не принято?!

– Эге, – я стал предельно саркастичен, – как же, так наша – демократическая – девушка и наложит на себя руки во имя кого бы то ни было!

– Вот тут уж, извини, ты врешь! Я готов поверить любым ужасам, которые происходят в вашем худшем из миров, но поверить, что любящая девушка останется столь безучастна к гибели любимого... Это просто нарушение нравственного миропорядка! Как же тогда наши солдаты смогут сражаться?!

– Ты затронул, на первый взгляд, несколько разных тем, но, в конце концов, они взаимосвязаны. Наберись терпения, и я объясню, в чем дело.

– И слушать не хочу! Дерьмовый же у вас мирок. Но ничего, скоро этому безобразию придет конец! Слухи о твоём мире уже распространились кое-где: мы предоставили секретную информацию – разумеется, не всю – немцам. Там не удержали секрета, и ныне страна сугубо возмущена. Вон что случается, – он подал мне сентябрьский номер «Германии».

«Курьез недели: в небольшом городе Гейзенкирхен несколько членов гитлерюгенда замучили до смерти американского туриста, еврея по национальности. Германский МИД не считает нужным приносить официальные извине-

ния по этому поводу, поскольку по немецкому законодательству еврей не является человеком (Маастрихтская конвенция 1992 года по защите животных также не может действовать в данном случае, поскольку, по мнению виднейших немецких юристов, еврей также не является и животным), хотя ввиду того, что погибший симпатизировал высокой германской культуре, его останки будут выданы родственникам для погребения».

– Черт с ним всем! – Вальдемар достал из шкафа фотоаппарат и сделал снимок затихшей улицы за окном. – Самое необычное зрелище в дороге?

– В Красноярске на вокзале видел нечто примечательное. Это было во второй половине дня, когда уже садилось солнце, а небо было безоблачно. Мы с Борисом стояли в очереди за мороженым напротив состава, и тут увидели разлетающиеся по ветру сторублевые купюры – несколько десятков сторублевых купюр – и женщину, которая с воплем отчаянья ловила их. Зрелище сюрреалистическое. Окружающие бросились ей помогать, но я не уверен, что они вернули все найденное.

– Наверно, это была жена какого-нибудь золотодобытчика. Они, говорят, зарабатывают до десяти тысяч в год.

На сон грядущий в тот день я читал последний том Эрнста Юнгера, а сон мне приснился самый необычный. Снится мне, что я в том, своем демократическом мире и работаю агентом по найму на работу в какую-то фирму. Я набираю

телефон молодой женщины, а в трубке – мужской голос, который со всей строгостью начинает выяснять, кто я такой и что мне нужно от его жены (и все это на «ты», в самой отвратительной манере). Я говорю, что на его месте я не гордился бы так своим званием мужа, если его супруга вынуждена при живом муже искать работу, и вешаю трубку (во сне у меня иногда получаются весьма сложные конструкции речи).

Я проснулся около трех ночи и несколько часов просидел перед темным окном. С малооблачного неба шел сильный дождь, а редкие машины шелестели шинами по мокрому асфальту. Я был первый раз за все время здесь по-настоящему счастлив. Демократическая Россия приснилась мне, но это был чересчур жестокий кошмар.

АВЕНТЮРА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ, в которой ваш покорный слуга вновь предается ностальгии и делится некоторыми интересными наблюдениями

Марксизм обосновал социальную сущность человека и тем самым его активную, творческую природу, диалектическое единство человека и общества.

Г.И.Марчук

Описание моего пребывания в этом мире имеет в качестве своей основы мои регулярные отчёты в райуправление МГБ, а поэтому фиксирует лишь самые примечательные события, не задерживаясь на повседневной рутине жизни. Я не упомянул об очень многих событиях, составлявших фон моего пребывания: я почти полностью оставил в тени мою личную жизнь, которая, могу лишь сказать, была куда успешнее, чем амуры в стране с конвертируемой валютой; я ничего не упомянул о моих школьных друзьях, о грандиозном празднике в честь Маяковского, о первомайских демонстрациях, о физкультурпарадах, о пионерлагере под Бердянском, о моем папе, который однажды – мир тесен! – увидел нас с Вальдемаром

одновременно и был весьма удивлен.

Несмотря на мой неопределенный статус и постоянное опасение стать жертвой двойничества, жилось мне в СССР неплохо. Впрочем, здесь мало кому живется плохо, за исключением преступников (по причине суровости уголовных законов – германское влияние), диссидентов и евреев (да и то не всех – я уверен, окажись они в «свободном мире», скоро затосковали бы по советской прописке, гарантированной зарплате и музыке). Советский строй, действительно, стал той экологической нишей, в которой русский человек чувствует себя наиболее естественно. Я не стану играть роль заезжего иностранца, который, дабы заполучить внимание читателей, начинает с заявления о своей беспристрастности («Я расскажу только о том, что сам видел»), а кончает заведомой апологетикой («Если это коммунизм, то я тоже коммунист»). Я не был здесь иностранцем – в этом-то все и дело.

Основным отличием мироощущения советских людей от демократических россиян сразу оказывается его «просветительский» характер. Эти люди знают, что живут в самой лучшей стране мира, что цель жизни – в служении обществу, что в городе должно быть чисто, а в космосе должен быть мир. Отсутствие сомнения в этих истинах и есть счастье народа. По сравнению с нашим «электоратом» эти люди – неисправимые романтики, и в то же время их убеждения гораздо ближе к «цивилизованным», чем мировоззрение демороссиян. Нельзя сказать, чтобы они были благодушны: в их созна-

нии существует особый мир борьбы – мир шпионских сетей, троцкистских наймитов, предателей и диверсантов, вредителей и врагов народа – сей термин до сих пор в ходу. Однако это удел ничтожной части общества – чинов МГБ и диссидентов, которые образуют своего рода взаимодополняющую структуру, и почти не заметны в повседневной жизни.

Всю свою жизнь советский человек может провести внутри одного из множества микрокосмов (есть микрокосмы науки, искусства, путешествий, детской культуры и т. д.), а «жизненные проблемы» здесь настолько смехотворны по сравнению с нашими, что совершенно не способны вернуть человека в реальный мир. Удивительная на первый взгляд жизнеспособность системы, которая в нашем варианте истории развалилась за несколько лет, объясняется прежде всего взаимным нежеланием власти и общества что-либо менять (в нашем мире подобный застой наблюдался последние 15 лет в Западной Европе, где даже главы государств не сменялись по два-три срока). Устойчивости положения способствует также полное отсутствие – по нашим меркам – информации о загранице. Точнее, информация о ней носит весьма односторонний характер. К примеру, любой советский школьник подробно расскажет о природе и истории Канады, может прибавить сюда кое-какие этнографические и статистические данные, но ничего не знает о повседневной жизни канадцев и, скорее всего, не видел ни одного канадского фильма. Переводная литература Дальнего Запада – преиму-

щественно за авторством писателей-коммунистов, а фильмы об Америке, редко посещающие советские экраны, всегда исполнены социальной критики в стиле Сартра или Рея Брэдбери, так что у зрителей создается впечатление, что американцы весьма недовольны своим образом жизни. Большой популярностью пользуются американские фильмы о природе (Джеральд Даррелл, пожалуй, куда известнее Клинтона), хотя здесь пальма первенства принадлежит немцам (Бернгард Гржимек и др.) Вообще образ Германии и всей германской Европы на экранах – образ целого континента тишины и покоя, целой цивилизации, погруженной в созерцание своего прошлого. И это не так уж далеко от истины. Если в новостях говорят о загранице, помимо официальных сообщений из США или Англии обязательно передадут репортаж о марше бездомных или экологической катастрофе, а из Германии непременно будет весть об открытии очередного музея какого-то малоизвестного в СССР писателя или о театрализованном рыцарском турнире где-нибудь в Шварцвальде. Образ Рейха предстаёт неким Чистилищем, об обитателях которого стараются не говорить ни плохого, ни очень хорошего. Желтая опасность вносит особый, не имеющий аналогов в нашем мире, колорит в мировоззрение советских людей. Полувековое противостояние на Дальнем Востоке сделало ниппонскую тему самой воинственной и надрывной.

Потерпев поражение в Дальневосточной войне 1952 года, СССР берет реванш в искусстве, реванш если не побе-

дой, то хотя бы доблестью. За год моего здесь пребывания на трех каналах телевидения показали не менее об этой войне: сказывается отсутствие той Великой Отечественной, которая дала мощный толчок советскому искусству в моём мире. Здесь же поражение в войне с Ниппонией переосмыслено в ключе своеобразного жертвоприношения. При этом Ниппония интересуется массовое сознание лишь с военной точки зрения, а ее культура и быт вновь оказываются в тени. Тропические же страны представляются, да и являются унылыми пространствами междуусобицы и разрухи, военных переворотов и средневековой бедности. Каждая из четырех держав подчеркивает именно свою созидательную роль в тропиках, а аборигенов считает недееспособными существами, которых нельзя бросить на произвол судьбы, но следует опекать и наставлять.

Когда тоталитарное общество после эпохи величественного классицизма вступает в эру благодушной инерции, перед ним встают две проблемы, от решения которых зависит само его существование – проблема восприятия окружающего мира, точнее, проблема существования в инородном окружении, и проблема молодёжной активности, которой надо дать выход, причем в благоприятном системе направлении. Первой проблемы, сделавшей нашу советскую идеологию неповоротливо эклектичной, здесь практически не существует: «заграница» не образует единого фронта, и возможные зарубежные влияния уравнивают друг друга.

Вторая проблема решена самым простым способом: жизнь каждого советского человека делится на две части – революционно-романтическую и социалистическо-реалистическую, если так можно выразиться. В первые два десятилетия своей жизни человек переживает метафизическую оторванность от окружающей рутины: он герой, в пять лет он мечтает стать великим спортсменом, в десять – космонавтом, в пятнадцать – танкистом. Советская культура предоставляет ему целый набор воображаемых ролей на периферии цивилизации. После двадцати лет, обычно после женитьбы, человек окончательно социализируется и конформируется. Динамичное развитие общества приводит к постоянной нехватке рабочих рук во всех сферах, и поэтому «лишние люди» отсутствуют. Три вертикали власти – советская, партийная и профсоюзная – без остатка поглощают всех честолюбивых потенциальных управленцев, а попытки правозащитных кругов привлечь на свою сторону чиновников остаются без успеха. Хотя в целом это общество интересуется жизнью каждого своего члена, личная жизнь каждого протекает в стороне от социальных процессов. «Лучше домосед, чем антисоветчик» – вполне справедливо полагают власти. Неверно думать, что в тоталитарном обществе отсутствует плюрализм. Просто расхождения во мнениях со стороны кажутся минимальными. К примеру, споры кейнсианцев и неоконсерваторов в американской экономической науке кажутся советским экономистам бессодержательными, поскольку

оба направления признают основой экономики спекулятивный рынок товаров и услуг, а те же американцы считают споры сторонников колхозов и совхозов столь же бессодержательными, поскольку в обеих концепциях развития сельского хозяйства отсутствует свободная продажа земли.

Безрелигиозность советских людей почти стопроцентна. И, действительно, подобно тому, как не стоит доверять рассказам опоздавших к перестройке фантазеров, что они еще с двух лет в годы застоя вели тотальную борьбу с коммунизмом, не стоит принимать на веру рассказы о скрытой многомиллионной религиозности в советское время. Среднестатистический советский человек если и суеверен, то его естественнонаучное мировоззрение непоколебимо. Доверие к науке безгранично, а фигура ученого – жреца науки – сакральна.

Как-то раз я спросил Вальдемара:

– И что же нам – там – теперь делать?

Он, кажется, впервые надолго задумался, а потом сказал:

– Думаю, уже поздно что-либо делать. Если все то, что ты рассказываешь, верно, я бы и цента не дал за всю вашу страну... Правда, еще есть надежда... Все преступные элементы переловить, собрать в одном месте и раздать им ножи – пусть, наконец, «разберутся» до последнего. Проституток и всех женщин, которые жить не могут без западной цивилизации, заразить СПИДом и под видом жертв политических репрессий депортировать в США. Туда же депор-

тировать гомосексуалистов, дебилов, правозащитников, чеченцев и журналистов. Согласен, это жестоко, но если вы не сделаете этого, через 50 лет такой страны, как Россия, не будет. Надо ввести смертную казнь за аборт, возродить крестьянскую общину, воспитывать в надлежащем духе детей – только так вы можете спасти страну. (Кстати, скажу по секрету – по большому секрету – в госбезопасности разрабатывается операция по проникновению в ваш мир и радикальному изменению ситуации – как только мы освоим технику перехода в параллельные миры.)

По большому счету, жизнь в Советском Союзе гораздо лучше, чем в России демократической.

АВЕНТЮРА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ, в которой я возвращаюсь

*Вот как решительны и быстры были древние в
своих поступках.
Исе моногатару.*

Последний день 1996 года был ясным и морозным. Вальдемар в кругу семьи (я имею в виду Виолу) встречал Новый Год дома, а я – тоже Вальдемар – был на шумном празднестве, устроенном его сослуживцами по училищу МВД. Таким образом, Вальдемар был вездесущ. На празднестве меня опять ужасно напоили: к нам устроился работать новый преподаватель раухертехники, и все выпили с ним на брудершафт по бокалу(!) водки. По телевизору в «Голубом огоньке» выступал Эрнст Юнгер – столетний старец, посетивший на склоне лет столь любимую им страну.

6 января, как только закончились новогодние выходные, я отправился вместо Вальдемара перерегистрировать его читательский билет в Публичной библиотеке. На мне был полувойенного покроя немецкий китель, и поэтому регистраторша-еврейка категорически отказалась меня обслуживать. Я сделал запись в книгу жалоб и ушел. На обратном пути купил большой словарь «Народы мира» за 12 рублей 20 копеек. 20 февраля – год спустя после моего появления в этом

мире – мне неожиданно захотелось побывать на том самом месте. Я оделся и незаметно вышел из дому. Троллейбус № 45 пришел через три минуты, и я доехал до Московского проспекта. В книжном магазине я приобрел две брошюры – «Основные направления социально-экономического развития СССР в XIV пятилетке» и «Редкие виды фауны Теребердинского заповедника». У меня осталось 13 рублей 28 копеек. Я пересек площадь с роскошным дворцом райсовета и райкома и оказался поблизости еловой рощицы со стороны улицы Типанова. Там передо мной образовалась сияющая воронка, в глубине которой я увидел образ моего параллельного мира. Там был тот же самый день, в котором я покинул свой мир. Круг замкнулся. Я имел право выбора, и я сделал его. Я переступил границу миров. Я уже знал, что надо делать.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, ноябрь 1996 года.

КОММЕНТАРИИ ОДНОГО ИЗ ПРОТОТИПОВ ГЕРОЕВ РОМАНА НА САМ РОМАН

Плодотворное творенье
Ты, дружище, сочинил.
Мне его без комментариев
Отдавать – не хватит сил.
Я частушки сочинил
Вместо комментария;
Не сочти за оскорбленье,
А читай-ка далее.

1) Ох, Советская Империя,
Сурьезные дела.
До чего же ты, Империя,
Володю довела!

2) Любит Вова самураев
(Хоть Германия милей),
А для них такая дружба
Подороже ста рублей.
Им с Россией не тягаться —
«Восходящий апельсин»
И без драки от Володи

Получил весь Сахалин.
У Японии на войны
Вряд ли бы хватило сил,
Но Володя им задаром
И Курилы подарил.

3) Через час «Буран-4»
Отправляется в полет.
Уже уголь загрузили
В наш советский космолет.

4) У норвежского фиорда
Появилось сто акул:
Там недавно всем составом
Вермахт в море потонул.

5) Пятый день патрульный катер
На волнах качается,
Жаль, что середь океана
Топливо кончается.
По волнам плывет корыто,
А за ним баржа идет.
Это – русская эскадра?
Это – Океанский флот?

6) Во поле стоит избушка
В стиле неоготика.
Как бы нам сейчас от смеха
Не надорвать животика.

Галереями подперта,
Все окошки – разные.
До чего ж архитектура
Нынче безобразная!
Острошпильные мансарды
Во все стороны торчат.
Об изысках архитектора
Страшным голосом кричат.

7) Рыдают нимфетки —
Не могут понять,
Как мог их Володя
На фрицев сменять?!

8) Вицмундирчик для студентки —
Это крайне непрактично.
Аксельбантик на груди,
Однако – очень эротично!

9) Огурцы с вином, колбаски,
Кетчуп – это, брат, не шутка:
А не будет ли под утро
Несварение желудка?

10) Вот этим, признаться,
Ты нас удивил:
Вотана с Граалем
Ты в кучу свалил?

11) Прочитали, осознали,
Низко кланяемся вам.
Не дадим дорваться к власти
Зюганам и Лебедям.
Ваше чудное творенье
Навело на мысль меня:
Лучше Ельцина правленье,
Чем такая вот... Чечня.

12) Коль стишки не по нутру,
То за эту акцию
Автор их всегда готов
Дать вам сатисфакцию.

СЕБЕ ЛЮБИМОМУ ПО ПОВОДУ НАПИСАНИЯ ЭТИХ СТИХОВ

Какого черта на себя взял этот труд?
Что, лавры Пушкина покоя не дают?
Писать поэмы – не твоя забота,
С твоим талантом лишь в ларьке работать.
Стишки кропать ты начал поутру,
А это, милый, явно не к добру:
Ты заучился, видимо, дружок,
И, спятив, виршей настрочил мешок.
Твои стихи не надобны и даром.
Куда тебе тягаться с Вальдемаром?